

Мысль, вооруженная рифмами

*Мысль,
вооруженная
рифмами*

ПОЭТИЧЕСКАЯ
АНТОЛОГИЯ
ПО ИСТОРИИ РУССКОГО СТИХА

Составитель, автор статей и примечаний В. Е. ХОЛШЕВНИКОВ

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1984

Предисловие

Цель этой антологии — показать на образцах русской поэзии особенности русского стиха. История стиха — существенная часть истории поэзии, поэтому книга в значительной мере отражает и ее историю. Однако стихотворные произведения подбирались здесь прежде всего для показа истории развития русского стиха, его метрики, ритмики, строфики, интонации.

В каждый исторический период были излюбленные жанры, стихотворные размеры, строфы и т. п., ими писались и пишутся сотни и тысячи стихотворений. Но лучшие поэты постоянно искали новые выразительные средства, и нередко единичные в свое время формы становились

впоследствии широко распространенными. Поэтому в антологии наряду с популярными формами представлены и более редкие. В результате количественное соотношение популярных и более редких размеров и строф здесь нарушено; зато ярче рисуется картина поэтических поисков каждой поры.

Составитель стремился помещать в антологию целые стихотворения, но это не всегда было возможно. Длинные произведения пришлось приводить в отрывках. Многие шедевры не попали в книгу. Так, например, драматический 5-стопный ямб представлен отрывком из «Орлеанской девы» Жуковского, а написанные этим размером драматические произведения Пушкина, А. К. Толстого, А. Н. Островского остались за пределами антологии; помещены вольные ямбы басен и элегий, а «Горе от ума» и «Маскарад» лишь названы.

В конце книги дан указатель употребленных стиховедческих терминов, совмещенный со списком сокращений, и краткий указатель литературы по стиховедению. Примечания к стихотворениям имеют стиховедческий характер. Реальный комментарий дается только в том случае, если стихотворение без него непонятно.

В каждом разделе все стихотворения обозначены порядковыми номерами. Отсылки на стихи даются в круглых скобках: римской цифрой указывается раздел, арабской — порядковый номер стихотворения; при ссылках на стиховедческие работы в тексте в квадратных скобках приводятся фамилия автора и номер страницы.^[1]

Большинство стихотворений печатается по 2-му изданию большой серии «Библиотеки поэта». Перепечатки из других изданий оговорены в примечаниях.

Составитель благодарит рецензентов К. Д. Вишневского и М. Л. Гаспарова за ценные советы и замечания.

Настоящая антология по истории русского стиха — первый опыт книги такого рода, поэтому просчеты и недостатки в ней неизбежны. Составитель просит все замечания и пожелания направлять по адресу: 199164, Ленинград, Университетская набережная, 7/9, Издательство ЛГУ.

Что такое русский стих

Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?

А. С. Пушкин. Египетские ночи

...У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранее истребить это гонением, кнутом, кольями...

А. С. Пушкин. Письмо к брату Льву

14 марта 1825 г.

Салтыков-Щедрин, убежденный прозаик, шутил, что писать стихи — все равно, что ходить по разостланной по полу веревочке, да еще на каждом шагу приседая. Однако нет на свете народа, у которого не было бы стихотворной речи; на ранних стадиях культурного развития она слита с напевом, потом стих отделяется от породившей его песни, сохраняя некоторые ее черты: ритмичность и выделенность звуков слова.

Некоторые полагают, что содержание стихов то же, что и прозы, что поэзия отличается от нее лишь «красивой формой». Это глубокое заблуждение. Прделаем простой опыт — попробуем выразить прозой, изменив лишь порядок слов, содержание одного знаменитого стихотворения: Я вас любил, может быть, в моей душе любовь не совсем угасла, но пусть она больше вас не тревожит. Я не хочу ничем вас печалить.

Слова те же, что и у Пушкина, но содержание их очень обеднено. Исчезли деление на стихотворные строчки, ритмическое движение фразы, рифма — и потускнели нежность, любовь, доброта, деликатность, уважение, возвышенное благородство чувств; вместо выражения переживаний остался сухой их перечень.

Вот почему неверно старинное сравнение содержания художественного произведения с вином, а формы — со стаканом.

Форма органически связана с содержанием и, более того, форма содержательна.

I. Метрика

Чем же отличается стихотворная речь от прозы? Очень удачно это определил Б. В. Томашевский: «1) стихотворная речь дробится на сопоставимые между собой единицы (стихи), а проза есть сплошная речь; 2) стих обладает внутренней мерой (метром), а проза ею не обладает... Для современного восприятия первый пункт значительнее второго» {[Томашевский, 10](#)}.

Оба признака придают речи ритмичность. Первый интернационален. На языках всех народов принято теперь каждый стих печатать отдельной строкой, выделяя его тем самым как основную единицу стихотворной речи. Второй признак сугубо национален и зависит от фонетического строя данного языка, прежде всего от характера слогаобразующих гласных.

Следует предостеречь читателя от появляющихся время от времени «музыкальных» («тактометрических») теорий стихотворного ритма. Суть их сводится к тому, что речевой ритм отождествляется с музыкальным, а стих — с музыкальным тактом, равным по длительности произношения другому такту (стиху).

Несостоятельность «музыкальных» теорий стиха давно доказана и теоретически {[Жирмунский, 14, 16–18; Томашевский, 29, 33–38](#)}, и методами экспериментальной фонетики {[Теория стиха, 211–217](#)}.

Ритм стихов — не музыкальный, а речевой: «В стихе нет ничего, кроме того, что есть в языке» {[Тимофеев, 14](#)}. В разговоре, на вывесках, в газетных заголовках постоянно встречаются словосочетания, которые в стихотворном контексте звучали бы как стихи: «Ремонт велосипедов» — 3-стопный ямб, «Овощи и фрукты» — 3-стопный хорей и т. д. Но то, что случайно и незаметно в прозе, организовано и ясно слышно в стихах.

Какова же «внутренняя мера» русского стиха? В русском стихе ударение в слове подвижно, т. е. может стоять на любом слоге слова: в начале, в середине, в конце (в отличие, например, от польского, в котором ударение падает на предпоследний слог). Изменение места ударения может менять значение слова (мукá — мўка) или его грамматическую форму (рўки — рукў). Поэтому ударный гласный звук произносится энергично, а безударный редуцируется (т. е. сокращается) и менее отчетлив. Основа ритмичности русского стиха — более или менее урегулированное

чередование качественно неравноправных ударных и безударных слогов, при этом главенствующее значение принадлежит ударным. Это общий родовой признак русского стиха; такой стих называют *тоническим*. Тонический стих имеет ряд по-разному звучащих видов. Самая строгая его форма — так называемый *силлабо-тонический* стих, в котором чередование ударных и безударных слогов урегулировано наиболее отчетливо. Он господствовал в русской поэзии с конца 30-х годов XVIII в. до XX в., затем потерял свое монопольное положение, но живет и развивается и в наши дни.

Его противоположность, самая свободная форма — *акцентный*, или чисто тонический, стих, в котором урегулировано, и то не всегда строго, только расположение ударных слогов, а количество безударных между ними произвольно. Между силлабо-тоникой и акцентным стихом расположен ряд переходных форм. Рассмотрим все эти формы в порядке постепенного убывания урегулированности, что в основном будет соответствовать историческому развитию русского стиха.

Третьяков и Ломоносов, внедрившие силлабо-тонику в нашу поэзию, делили каждый стих на единообразные стопы — 2-сложные, в которых на каждый ударный слог приходится один безударный, и 3-сложные с одним ударным и двумя безударными. Названия стоп и их обозначения были заимствованы из античной *метрики* (учения о стихотворных размерах), но в древнегреческом языке и латыни ударение было признаком второстепенным. Слоги сопоставлялись по относительной длительности произношения: долгие (графически обозначались –) и краткие (∪). Долгий считался равным двум кратким. В русском стихе знаком – обозначался ударный слог, знаком ∪ безударный.

2-сложных размеров два: *хорей* –∪ («Буря мглой небо кроет» –∪–∪–∪–∪, 4-стопный хорей) и *ямб* ∪– («Порá, порá, рога́ трубя́т» ∪–∪–∪–∪–, 4-стопный ямб). 3-сложных размеров три: *дактиль* –∪∪ («Вы́рыта за́ступом я́ма глубо́кая» –∪∪–∪∪–∪∪, 4-стопный дактиль), *амфибрахий* ∪–∪ («В глубо́кой тесни́не Дарья́ла» ∪–∪∪–∪∪–∪, 3-стопный амфибрахий) и *анapest* ∪∪– («Разъезжа́ются го́сти домо́й» ∪∪–∪∪–∪∪–, 3-стопный anapest).

В приведенных примерах метрическая схема выдержана идеально, но она нередко нарушается, особенно в 2-сложных размерах — хорее и ямбе. Рассмотрим первые четыре стиха «Евгения Онегина»:

Мой дядя са́мых че́стных пра́вил,	∪– ∪– ∪– ∪–∪
Когда́ не в шу́тку занемо́г,	∪– ∪– ∪∪ ∪–
Он уважа́ть себя́ заста́вил	∪∪ ∪– ∪– ∪–∪
И лу́чше вы́думать не мо́г.	∪– ∪– ∪∪ ∪–

Только в первом стихе схема строго выдержана (полноударный 4-стопный ямб). В остальных по три ударения, одно пропущено. Третьяков и Ломоносов считали, что в случае пропуска метрического ударения появляется особая вспомогательная стопа из двух безударных слогов — *пиррихий* (∪∪), способная замещать стопу как ямба, так и хорей.

Стихов с пиррихиями больше, чем полноударных, например, в 4-стопном ямбе полноударных в среднем только около четверти. Это объясняется тем, что в русском языке одно ударение приходится в среднем приблизительно на 3 слога.^[2] В стопе ямба и хорей два слога. Если пытаться писать сплошь полноударными ямбами или хорейми, придется употреблять только короткие слова. Такая речь будет искусственной и сильно ограничит словарь поэта.

Ломоносов в первые годы творчества стремился писать только полноударными ямбами (I, 5), но под влиянием критики Сумарокова и Третьяковского отказался от этого и стал свободно пользоваться длинными словами, как и все последующие поэты до наших дней.

Кроме пиррихий встречаются и другие, менее частые нарушения единообразия стоп — *сверхсхемные* (внеметрические) ударения:

Швѣд, рѹсский, кóлет, рѹбит, рѣжет.

По аналогии с античной стопой из двух долгих гласных такую стопу называли *спондеем* —.

Сверхсхемные ударения, не ломая размера, создают некоторый перебой ритма, выделяя стих из ряда обычных. Они чаще стоят в начале стиха, когда ритмическое движение только начинается, а в середине стиха — обычно после паузы или цезуры. Например: «...Раз он спал || У невской пристани. Днѣ лета || Клонились к осени...».^[3] Образуются сверхсхемные ударения всегда только односложными словами. Стих «Брат упросил награду дать» возможен, но стих типа «Брату просил награду дать» поэты не употребляли, так как размер потребовал бы сдвинуть ударение: «Брату́ просил...».

Но если среди стоп ямба и хореев попадаются пиррихии и спондеи, то стопы перестают быть «однообразными». А ведь ритмичность — это повторение подобных величин: следовательно, стопная теория Третьяковского — Ломоносова, справедливая в первом приближении, нуждается в уточнении. Оно было произведено в XX в. трудами Андрея Белого (не только поэта, но также теоретика стиха), Б. В. Томашевского, В. М. Жирмунского и других. Современные представления о стихе, принятые большинством стиховедов, таковы.

Деление стиха на стопы искусственно. Мы их слышим только при *скандировании*, или *скандовке*, т. е. при таком мерном чтении, когда на каждый четный слог в ямбе или нечетный в хорее мы ставим сильное ударение, независимо от того, есть оно в слове или нет. Например: «Тяжѣ-лосвѣн-коѣ-скаканье || По пѣ-трясэн-ной мѣстовой». Скандовка — лучший способ определения размера, но для нормального чтения, конечно, не годится. Теперь принято делить стихи на *икты*, т. е. на *сильные места*, или *сильные слоги*, и *слабые места* (*слабые слоги*). Ударения стоят на сильных слогах, но не обязательно на всех; только последний икт всегда ударен. Это граница стиха, ударная *константа*. Слабые слоги за редкими исключениями (сверхсхемными ударениями) безударны. Усовершенствовалась и схема обозначения. Например, стих «Нет, не черкешенка она» обозначали схемой —|—|—|—|. Неопытному глазу трудно уловить здесь 4-стопный ямб. Теперь в общей схеме размера слабый слог обычно обозначают —, сильный —, знаком ' обозначают ударение: ´ на сильном слоге, ´ на слабом слоге. Общая схема 4-стопного ямба получает вид ——´—´—´—´, а конкретный стих «Нет, не черкешенка она» ´—´—´—´. Здесь видна и схема размера, и реальное распределение ударений.

Однако нет нужды усложнять и менять традиционные термины. Поэтому мы и теперь говорим: 4-стопный ямб, пиррихий, спондей и пр., помня, что эти термины условны.

Пиррихии, сочетаясь в различных комбинациях с ударными иктами, разнообразят ритм 2-сложников. Например, в 4-стопном ямбе теоретически возможны 8 ритмических форм, из которых практически употребляются только 6. Сравним их звучание:

I	—´—´—´—´	С больным сидѣть и дѣнь и нѣчь,
II	—´—´—´—´	Не отходя ни шагу прочь
III	—´—´—´—´	Позвольте познакомить вас
IV	—´—´—´—´	Когда не в шутку занемог
V	—´—´—´—´	(редчайшая)
VI	—´—´—´—´	Полуживого забавлять
VII	—´—´—´—´	Как пламенно красноречив
VIII	—´—´—´—´	(неупотребительна).

Те же формы встречаются в 4-стопном хорее.

Но в каждой форме словоразделы могут располагаться различно: ударение может падать на последний слог слова, предпоследний и т. д. — и это тоже изменяет звучание стиха. Сравним два

стиха VII формы: «И пáл колeнопрeклонéн» и «Исслéдоватeлями тáйн». Словораздельных вариаций 4-стопного ямба и хорea насчитывается 38. А в 5-стопном ямбе употребительны уже 10 форм и 124 их вариации.

В 3-сложниках на 1 сильный слог приходится 2 слабых (соотношение такое же, как и в прозе), поэтому пропуски метрических ударений (в стопной терминологии *трибрахии* ∪∪∪) очень редки. В классической поэзии они встречались только в 1-й стопе дактиля:

И пробуждённой природы картиной   — ∪∪' ∪∪' ∪∪' ∪
Не насладился из них ни единый.   — ∪∪' ∪∪' ∪∪' ∪

Трибрахией в середине стиха классическая поэзия практически не знала. Даже у такого смелого новатора, как Некрасов, их всего 15, например: «Имя ей *Тарбагатай*» ∪∪∪—∪∪'. У современных поэтов они встречаются чаще, но все же относительно редки, и каждая такая строка — своеобразный ритмический курсив: «За стакáнчиками купорóса» и даже «Расскáльзывающаяся артиллéрия» (Б. Л. Пастернак).

Зато сверхсхемные ударения в 3-сложных размерах встречаются чаще, чем в 2-сложных, как в начале, так и в середине стиха. Особенно часто — на первом слоге анапеста (ударный слог в этом случае отделен от другого ударного слогом безударным). При этом сверхсхемное ударение может быть образовано как односложными, так и двусложными словами.

Все, что мог, ты уже совершил,   ∪∪' ∪∪' ∪∪' ∪∪'
Создал песню, подобную стону...   ∪∪' ∪∪' ∪∪' ∪∪'

Однако, если стопа — понятие условное, то возникает вопрос, чем же отличаются друг от друга стихотворные размеры? Рассмотрим следующий остроумный пример {Томашевский, 59}. Исследователь берет 4-стишие из стихотворения Фета «Венера Милосская», написанного 4-стопным ямбом:

Так, вся дыша пафосской страстью,   ∪' ∪' ∪' ∪' ∪'
Вся млея пеною морской,   ∪' ∪' ∪' ∪'
И всепобедной вея властью,   ∪' ∪' ∪' ∪' ∪'
Ты смотришь в вечность пред собой...   ∪' ∪' ∪' ∪'

и отбрасывает первые слоги (все первые слова здесь односложны):

Вся дыша пафосской страстью,   ∪' ∪' ∪' ∪'
Млея пеною морской,   ∪' ∪' ∪'
Всепобедной вея властью,   ∪' ∪' ∪' ∪'
Смотришь в вечность пред собой...   ∪' ∪' ∪'

Ямб превратился в хорей. Отсюда вывод: при одинаковой внутренней структуре 2-сложные размеры, ямб и хорей, отличаются друг от друга ритмическим зачином — *анакрузой* (*анакрусой*); она определяется количеством слабых слогов перед первым сильным: нулевая в хорее, односложная в ямбе.

2-сложники

Хорей   — ∪—∪—...
Ямб   ∪ | — ∪—∪—...

3-сложники

Дактиль   — ∪∪—∪∪—...
Амфибрахий   ∪ ∪ | — ∪∪—∪∪—...
Анапест   ∪∪ ∪ | — ∪∪—∪∪—...

Хорей, дактиль и другие стопы именовали раньше то метром, то размером. Это были синонимы. Мы же, чтобы избежать путаницы, условимся называть метром стопу, т.е. вид 2-сложника или 3-сложника: ямб, анапест и т. д., а размером — стих с известным количеством иктов: 4-стопный ямб, 3-стопный анапест и т. д.

Стихи одного метра, но разных размеров, звучат различно. Сравним ямбы: «Не знай печали» (2-стопный); «Подруга думы праздной» (3-стопный); «Мой дядя самых честных правил» (4-стопный); «Минувшее меня объемлет живо» (5-стопный); «Дохнул осенний хлад, дорога промерзает» (6-стопный).

Своеобразно звучат *разностопные* (*неравностопные*) стихи с урегулированным чередованием стихов разной длины (II, [11](#), [41](#), [45](#), [68](#), [69](#), [80](#), [82](#), [88](#)).

Особая категория — так называемые *вольные стихи* (в классической традиции чаще всего — вольные ямбы), в которых стихи разной длины чередуются неупорядоченно. Такие несимметричные стихи очень удобны для передачи живой разговорной речи. Вольными ямбами с чередованием стопностей от 6 до 1 обычно писали басни (I, [20](#); II, [1](#), [2](#), [3](#); V, [1](#), [2](#)), иногда комедии («Горе от ума») и драмы («Маскарад»). В лирических вольных ямбах колебание стопностей не столь контрастно, обычно от 6 до 4 (II, [33](#) и др.). В поэзии конца XIX — начала XX в. нередко вольные стихи других метров (IV, [21](#), [39](#), [58](#), [66](#), [67](#), [69](#), [89](#), [94](#) и др.). Реже встречаются строфические вольные стихи (III, [17](#); IV, [21](#)). У Саши Черного, Маяковского и Пастернака встречаются вольные ямбы и хорей с 7-, 8- и даже 10-стопными стихами (IV, [84](#); V, [15](#), [42](#)).

Кроме отличия в размерах разнообразие звучания придает стиху *ритмические окончания*, или *кляузулы*; они различаются по месту ударения от конца стиха. Прислушаемся к следующим строчкам 3-стопного ямба: «Прости мне, милый друг» — *мужская* кляузула; «Подруга думы прázдной» — *женская*; «Кипел чудесной силою» — *дактилическая*; «Идет Балда, покрáкивает» — *гипердактилическая* кляузула.

На звучание стиха влияет также *цезура* — постоянный словораздел, делящий стихи на полустушия. В коротких размерах она обычно не употреблялась — их ритмический строй легко улавливается слухом. Но в длинных стихах без цезуры слух уже с напряжением улавливает ритмическую инерцию. Цезура — **ритмическая опора** для слуха. В классическом 6-стопном ямбе она всегда стояла на 3-й стопе (т. е. после 6-го слога): «Унылая пора! | очей очарованье! || Приятна мне твоя | прощальная краса — || Люблю я пышное | природы увяданье, || В багрец и в золото | одетые леса...» (см. также I, [10](#), [13](#), [18](#); II, [5](#), [35](#), [46](#)). Бесцезурные 6-стопные ямбы звучат менее ритмично, это «хромой» размер; в нем обычно преобладают стихи цезурованные, а бесцезурные звучат перебоем (IV, [17](#); V, [130](#)).

5-стопный ямб встречается в двух формах: с цезурой на 2-й стопе и бесцезурный. Пример 5-стопного ямба с цезурой: «Роняет лес | багряный свой убор, || Сребрит мороз | увянувшее поле, || Проглянет день | как будто поневоле || И скроется | за край окружных гор» (см. также II, [66](#), [74](#); III, [1](#), [12](#)); бесцезурного: «Уж десять лет ушло с тех пор, и много || Переменилось в жизни для меня» (см. также II, [19](#), [23](#), [50](#), [43](#), [87](#); III, [53](#); V, [35](#)). Ломоносов перевел знаменитую оду Горация 5-стопным ямбом с цезурой на 3-й стопе: «Я знак бессмертия | себе воздвигнул» (I, [8](#)), но этот размер не привился. Ясно, что цезура слышна только в **ряде** стихов, когда один из словоразделов на протяжении всего произведения стоит на одном и том же месте. 5-стопный ямб с цезурой звучит более мерно, зато бесцезурный — свободнее.

Таким образом, ритмическое звучание силлабо-тонического стиха зависит от метра, длины стиха или чередования стихов разной длины, характера кляузул, наличия и расположения пиррихий и сверхсхемных ударений, видов словоразделов, наличия или отсутствия цезур. Из этих элементов возможно огромное количество сочетаний, чем и объясняется ритмическое разнообразие русских стихов.

Особое положение среди силлабо-тонических размеров занимают *пеоны*. В античной поэзии пеонами называли 4-сложную стопу с одним долгим и тремя краткими слогами. По месту долгого

слога различали: пеон I —, пеон II —, пеон III — и пеон IV —. В тоническом стихе, как обычно, место долгого занимает сильный слог.

Пеоны редки, относительно часто встречается 3-стопный пеон III. Крайне редки, единичны остальные пеоны. Пеон I впервые, кажется, применил любитель необычных размеров и длинных строк К. Д. Бальмонт: «Спите, полумёртвые, увядшие цветы» (IV, 8). Из пеонов II известность получило стихотворение И. П. Мятлева «Фонарики» (II, 95): «Фона́рики, судáрики, || Скажи́те-ка вы мне...», с которым перекликаются «Фонарики» В. Я. Брюсова (IV, 34). Пеон IV впервые встречается у Бальмонта, однажды — у М. А. Кузмина (Ау, Сергúнька! серый скит осиротёл. || Ау, Сергúнька, тихий а́нгел пролетёл...»); в наши дни — у А. С. Кушнера (V, 129).

Особняком от других силлабо-тонических метров стоит 5-сложник. Из 5 теоретически возможных вариантов этого метра встречается лишь один — с постоянным сильным ударением на среднем, 3-м, слоге —. Употреблялся он только в жанре народных песен. 5-сложник изредка встречался начиная с XVIII в., но разработал его и часто им пользовался А. В. Кольцов, поэтому его часто именуют кольцовским 5-сложником. В нем, что естественно при такой длине, часто встречаются сверхсхемные ударения, чаще всего на 1-м и 5-м слогах, редко на 2-м и не бывает на 4-м. На 5-м они могут стоять потому, что 5-сложник — почти всегда *белый* стих, т. е. безрифменный: «Что́, дрему́чий лёс, || Призаду́мался...» Главное отличие 5-сложника от других метров в том, что он — всегда законченное слово или группа слов. Кольцов писал 5-сложник в одну короткую строку, другие поэты иногда его удваивают, утраивают, даже учетверяют, но и в этом случае после каждой 5-сложной группы стоит сильная цезура. Вот пример учетверенного 5-сложника у Бальмонта: «О, страдатели, насаждатели, о, садовники сих садов...» (IV, 13).

Благодаря такой структуре и песенному характеру постоянное среднее ударение звучит в нем обычно сильнее сверхсхемных. Формально 5-сложник можно было бы рассматривать как 1-стопный анапест или 2-стопный хорей с дактилическим окончанием — тем более, что Кольцов пользуется им как в чистом виде (II, 97), так и в урегулированном чередовании с анапестом (II, 96) и с 2-стопным хореем (II, 101). Но и звучание, и стихотворная композиция его настолько своеобразны, что его выделяют в особый размер; может быть, его следовало бы назвать стихом (т. е. стихотворной строчкой) особой структуры.

Перейдем теперь к формам стиха, отклоняющимся от строгой урегулированности силлабо-тоники. Прислушаемся к звучанию следующего 4-стишия Лермонтова: «Страшна в настоящем бывает душе || Грядущего темная даль; || Мы блаженство желали б вкусить в небесах, || Но с миром расстаться нам жаль». Проскандировав, мы обнаружим, что здесь три стиха — амфибрахии, один — анапест. Всего в стихотворении «Земля и небо» (II, 79) по 8 стихов обоих размеров, но расположены они без всякого порядка; между тем наш слух воспринимает не нарушение размера, а только его вариации. Внутренняя структура всех стихов одинакова — 3-сложники. Различаются они лишь анакрузой. Такой размер называют 3-сложником с вариациями анакруз, или с *переменной анакрузой* (см. также I, 31; IV, 39, 73, 89).

Если мы вслушаемся в стихотворение того же поэта «Желание» (II, 77), то заметим, что 1-сложные и 2-сложные анакрузы чередуются в нем урегулированно, через стих. В этом случае первая пара стихов в 4-стишии ритмически тождественна второй паре. Поэтому мы различаем 3-сложники с урегулированным и неурегулированным чередованием анакруз. Этот метр в поэзии XIX в. встречался редко (III, 35). 2-сложники с переменной анакрузой в классической поэзии не употреблялись. Изредка встречаются они в поэзии XX в. (V, 24, 65, 127).

В истории русского стиха — классического и, в особенности, XX в., значительно бо́льшую роль сыграло нарушение внутренней урегулированности 3-сложников. Впервые их применил Третьяковский в своеобразном размере — русском *гекзаметре*, или *гексаметре*. В античном гекзаметре, т. е. 6-мерном, 6-стопном стихе, стопа дактиля — могла заменяться спондеем —,

долгий был равен двум кратким. Это придавало стиху ритмическое разнообразие, очень нужное для эпического стиха, которым были сложены такие крупные произведения, как «Илиада» и «Одиссея». В русском языке спондеи ‘ ‘ требовали бы скопления 1-сложных слов ‘ ‘ | ‘ ‘ ‘ ‘ ‘ ‘, стих стал бы рубленным. В гекзаметре Третьяковского обычные в 3-сложниках 2-сложные интервалы между ударными слогами иногда заменялись 1-сложными: «Слог „Одиссеи“ веди | стопой в Фенелоновом слоге» ‘ ‘ ‘ ‘ ‘ ‘ | ‘ ‘ ‘ ‘ ‘ ‘ ‘ ‘. Третьяковский назвал свой гекзаметр «дактилохореическим» (замена стопы дактиля хореем, в современной терминологии — *стяжение* междуударных промежутков). Цезура в гекзаметре подвижна, находится в пределах 3-й стопы, чаще — сразу после ударного слога.

В небольших лирических произведениях гекзаметр употреблялся в чередовании с *пентаметром* — «пятимерным». Это *элегический дистих*, или элегическое двустишие.

Миг вожденный настал: | окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть | тайно тревожит меня?

(II, [42](#); см. также III, [67](#)).

Античный пентаметр действительно пятимерен: каждое полустишие состоит из двух с половиной стоп – ‘ – ‘ – ‘ – | – ‘ – ‘ – ‘ –.

Русский пентаметр — это 6-стопный дактиль с двойным стяжением на цезуре и мужским окончанием. Подобно античным стихам, русский гекзаметр и пентаметр — стих безрифменный.

Начиная с XVIII в. стяжения изредка применялись не только в гекзаметре, но и в других 3-сложниках, например, в стихотворении Державина «Снигирь»: «Что ты заводишь песню военну, || Флейте подобно, милый снигирь» (I, [32](#)). Ритмическая схема первых трех стихов 4-стишия такова: – ‘ – ‘ – ‘ – ‘ – ‘ – ‘ –; между 2-м и 3-м иктом — стяжение. Во всем стихотворении стяжения стоят на тех же местах (см. также II, [18](#)).

В античной поэзии небольшие стихотворения писались часто особыми размерами, *логаэдами*, в которых один стих состоял из различных стоп, но все последующие стихи (а в более сложных случаях — комбинации стихов в строфе) были построены точно так же. Античные логэды в русском стихе не привились, употребляются обычно лишь в переводах античных авторов и стилизациях (I, [14](#); V, [121](#)). Попытки применять их в оригинальных стихотворениях остались единичными экспериментами. Приведенное стихотворение Державина можно назвать русским логэдом.

Из русских логэдов и по примеру немецкой поэзии развились *дольники*, единичные в XIX в. и чрезвычайно популярные от начала XX в. до наших дней.

Настоящую нежность не спутаешь   ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘   2’ 2’ 2’ 2’
Ни с чем, и она тиха.   ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘   1’ 2’ 1’
Ты напрасно бережно кутаешь   ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘   2’ 1’ 2’ 2’
Мне плечи и грудь в меха.   ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘ – ‘ ‘   1’ 2’ 1’

(IV, [102](#)).

Здесь тоже встречаются стяжения, но располагаются они, в отличие от логэдов, неупорядоченно, что дает возможность ритмического разнообразия. Основной признак *дольников*: интервалы между иктами переменны, то два слога, то один, обычно с преобладанием 2-сложных, что создает ощутимую инерцию 3-сложников. Встречаются *дольники* как с постоянной анакрузой, так и с переменной. Наиболее часты 3-дольники (IV, [49](#)), затем 4-дольники сплошные (V, [76](#)) или чередующиеся с 3-дольниками (IV, [101](#)); 2-дольники или *дольники вольные* (IV, [63](#)) редки.

Для схем *дольников* и других еще более свободных размеров обозначение черточками и дужками неудобно. Теперь принято обозначать сильные слоги, как и ранее, черточками, а

количество слабых в интервале между ними — цифрами. Общая схема дольников будет выглядеть так: (2/0) – 2/1 – 2/1 ´ (2/0). Цифрой в скобках обозначены анакрузы и клаузулы, колеблющиеся, как и в силлабо-тонике, от 2 до 0. Дробные цифры между иктами показывают, что интервалы между ними могут быть то 2-сложными, то 1-сложными. Так как анакрузы и клаузулы у дольников такие же, как в классических размерах, то самая общая схема дольников, показывающая только их специфику, будет – 2/1 – 2/1 ´. Заметим, что знак ударения стоит только на последнем икте; это значит, что, как и в силлабо-тонике, ударения на всех сильных слогах, кроме последнего, могут пропускаться.

У 3-дольников может быть 5 основных ритмических форм, звучащих различно:

I У озёрных грусти́л берего́в	$\overset{'}{2}\overset{'}{2}$
II Золоты́ми звёздами в сне́г	$\overset{'}{1}\overset{'}{2}$
III Поспева́я за ни́м бежа́ть	$\overset{'}{2}\overset{'}{1}$
IV Вколоти́в послед́ний гвóздь	$\overset{'}{1}\overset{'}{1}$
V Надвига́ется из-за кры́ш	$\overset{'}{4}$

Форма I — исходная форма дольника, чистый 3-сложник. Форма IV в изолированном виде — хорей или ямба, но в контексте дольников звучит иначе, подчиняясь общей ритмической инерции дольника. Формы II, III и V встречаются только в дольнике. Весьма своеобразна форма V: в ней пропущен («стянут») не безударный, а ударный слог. Получается интервал в четыре безударных. Эта форма похожа на трибрахий в 3-сложниках (интервал еще длиннее — 5 слогов). Поэты XX в., часто пользующиеся и V формой дольника, и трибрахией, нередко и в 3-сложниках, и в дольниках употребляют их на равных правах (V, [38](#), [79](#)). Если добавить, что на сильных местах дольника встречаются пропуски ударений, а на слабых — сверхсхемные ударения, то легко понять, как разнообразно звучание дольников (ср., например, IV, [30](#), [49](#), [94](#), [99](#), [114](#); V, [16](#), [62](#), [74](#), [76](#), [101](#)). Исследовавший их М. Л. Гаспаров различает следующие **основные** типы 3-дольников: «есенинский», в котором преобладает I форма, затем III, остальные реже (V, [62](#)); акмеистский — III и II (V, [95](#)) и «цветаевский» — III и V (V, [51](#)). Это формы урегулированного дольника, в которых отступления отсутствуют или немногочисленны. К ним следует добавить дольник неурегулированный, в котором не столь редки междударные интервалы в 3 или 0 слогов. Такие дольники встречаются у Блока (IV, [52](#)), иногда у Есенина (V, [61](#)), часто у Маяковского (V, [9](#)). Это переходная форма от дольника к тактовика.

Тактовик — более свободный стих с амплитудой колебаний междуударных интервалов не в один, а в два слога.

Спокойно трубку докурил до конца, $1\overset{'}{1}\overset{'}{3}\overset{'}{2}$
Спокойно улыбку стер с лица... $1\overset{'}{2}\overset{'}{1}\overset{'}{1}$

(V, [80](#); см. также V, [82](#), [84](#)).

Общая формула этого тактовика: ... – 3/1 – 3/1 ´.

Реже встречается другой тип:

Дней бык пег, $\overset{'}{0}\overset{'}{0}$
Медленна лет арба... $\overset{'}{2}\overset{'}{1}$

(V, [8](#)).

Его общая формула ... – 2/0 – 2/0 ´.

Наконец, встречаются тактовики с расшатанной основой, в которых попадают строки и с 3-сложными, и с нулевыми интервалами, а изредка и 4-сложными — это уже переходная форма к самой свободной форме — *акцентному* стиху. В нем ритмичность определяется только счетом ударных слогов, количество безударных между ними неопределенно: –х– х – х–...Чаще всего

встречаются интервалы от 0 до 4 слогов, реже — 5–6, совсем редко — 7–8. Общая формула акцентного стиха $\acute{8}/0 \acute{8}/0 - \dots$

Бородáтые чуйки с голо́дными глазами 2'2'2'3'1
Хри́пло предлага́ют «животрепéщущих докторо́в» _3_4_4'_

(IV, [86](#)).

В этом стихотворении в каждом стихе по 4 ударения. Такой акцентный стих можно назвать урегулированным. Нередко встречается еще более свободная форма: количество ударений в стихе варьируется. Обычно ритмичность поддерживается тем, что какая-то форма, например, 4-ударник, преобладает, а даже незначительного преобладания достаточно, чтобы наш слух уловил ритмическую инерцию. Другие же стихи чаще всего близки к преобладающей форме, например, 5- и 3-ударники (V, [18](#)). Такова бо́льшая часть «Облака в штанах» Маяковского {[Гаспаров, 398–468](#)}.

Если в силлабо-тонике и дольниках ритмичность создается чередованием групп слогов независимо от смысла (когда́-невшúт-ку-за́-немóг), то в акцентном стихе элементарной единицей ритма является *слово*, что делает его одновременно и смысловой, и ритмической единицей, тем самым сильно его выделяя. Недаром Р. О. Якобсон называл стихи Маяковского поэзией «выделенных слов по преимуществу».^[4]

Чем упорядоченнее расположение безударных слогов между ударными в стихе (а иногда и в целой строфе) дольника и тактовика, тем более они приближаются к логаядам. Интересные примеры индивидуальных размеров можно встретить у Н. Н. Асеева. Например, в «Синих гусарах» почти все стихи строятся по формуле $\acute{3}\acute{2}\acute{1}\acute{1}$ или $\acute{2}\acute{2}\acute{1}\acute{1}$ («Ра́ненным медвéдем морóз дерёт» или «Чьё это та́м голоса́ и сме́х» — V, [27](#)). В «Черном принце» почти все строфы — только двух сходных типов (V, [25](#)). Если все строки стихотворения — это только одна форма дольника (см. у Цветаевой V, [49](#), [57](#)) или тактовика, то такой «застывший» дольник или тактовик уже превратился в логаяд — новый, не такой, как у Державина. Едва ли не первый пример такого логаяда встречаем у Жуковского (II, [18](#)), но развился он уже в XX в.

Все перечисленные формы стиха обладали более или менее строгой внутренней мерой. Но есть своеобразная форма стиха, лишённая единого размера, обладающая только первым признаком стихотворной речи: разделенностью текста на ограниченные поэтом строчки-стихи. Это так называемый *свободный стих*, или *верлибр* (франц. *vers libre*).

Интонационная выделенность каждой строки задана посредством графики.

Она пришла с мороза

Раскрасневшаяся...

(IV, [56](#); см. также III, [22](#); IV, [95](#); V, [117](#)).

Единичные примеры свободного стиха встречались в XIX в., но развился он в русской поэзии только в XX в., хотя гораздо менее, чем в поэзии других языков. Заметным он стал у нас в первой четверти XX в., затем почти исчез — и опять возрождается в последние 2–3 десятилетия.

Графика и в классических размерах не безразлична. Очень редкие в классической поэзии «сверхдлинные» размеры (более 6 стоп в 2-сложниках и более 4 — в 3-сложниках) стали достаточно употребительны, начиная с Бальмонта {[Исследования, 118–125](#)}. 8-стопный хорей с цезурой нельзя разбить на два 4-стопных. 8-стопный звучит медленнее, протяжнее, потому что стих — основная ритмическая и интонационная единица {[Томашевский, 20–25](#)}. Тем более традиционный 6-стопный ямб с цезурой отличается от традиционного легкого 3-стопного.

Однако поэты XX в. часто пользуются разбивкой стиха на «подстроочия», печатая их «столбиком» или «лесенкой». Если так делить стих на одном и том же месте, т. е. на цезуре, симметрично, то он неизбежно разделится на более короткие стихи: 6-стопный ямб на два 3-

стопных и т. д. Но если (как это обычно делал Маяковский и его последователи) такая разбивка асимметрична, то размер стиха от этого не меняется, хотя сильно изменяется интонационный строй. Подстрочия интонационно выделяются, стремятся к обособлению, хотя и меньшему, чем целый стих. Это ясно слышно, например, при сравнении следующих 4-стопных ямбов (V, [45](#), [100](#), [110](#), [122](#)) или 5-стопных 3-сложников (V, [106](#) и [109](#)). И в обратном случае: если печатать стихотворения сплошь, как прозу (как, по воле М. Горького, были напечатаны «Песня о Буревестнике» и «Песня о Соколе»), слух безошибочно определит размер и позволит только одним способом разбить их на стихи:

**Над седой равниной моря
Ветер тучи собирает.
Между тучами и морем
Гордо реет Буревестник,
Черной молнии подобный...**

**Высоко в горы
Вполз уж и лег там
В сыром ущелье,
Свернувшись в узел
И глядя в море...**

Правда, иногда необычная графика может привести к недоразумениям. Так, шутливое стихотворение «Мне изюм || Нейдет на ум, || Цуккерброд || Не лезет в рот...» (II, [38](#)) может показаться небывалым у Пушкина смещением 2-стопных хорей и ямба. Следующие строки показывают, что это просто 4-стопный хорей, расчлененный для выделения внутренней рифмы; в альбомных стихах, не предназначенных для публикации, поэт мог позволить себе такую шутку {[Томашевский, 25](#)}. Внешне сходно, но уже иначе построен «Марш Буденного» Асеева (V, [24](#)): урегулированное чередование 3-стопного хорей с дактилической рифмой и 3-стопного ямба с мужской, т. е. урегулированный 2-сложник с переменной анакрузой. Но такая пара может сливаться в 7-стопный хорей с внутренней рифмой (здесь возможны оба определения). Редкий чистый 2-сложник с переменной анакрузой — «Папиросники» Есенина (V, [65](#)); в них не все стихи можно слить в пары.

Возникает вопрос, имеют ли метры и конкретные размеры какие-либо связи с содержанием стихотворных произведений? Несомненно, непосредственной связи с темой, предметным содержанием, нет и быть не может, за исключением очень редких случаев звукоподражаний: маршевых ритмов и т. п. Речь может идти только об *экспрессивных ореолах* размеров, и то весьма относительных. Нередко, к сожалению, встречающиеся в литературе упоминания об «унылых» анапестах, «веселых» или «игривых» хорейх и пр. опровергаются очень просто: достаточно указать на ряд стихотворений, написанных одним и тем же размером и самых различных по жанру, теме, настроению (см., например, 4-стопный хорей. I, [2](#), [11](#), [33](#), [38](#), [41](#); II, [21](#), [51](#), [65](#), [67](#), [75](#); III, [40](#), [54](#), [57](#), [66](#), [69](#)). Но некоторые закономерности уловить все же можно. Длинные (многосложные) размеры обычно передают речь замедленную, более торжественную — таковы гексаметры, 6-стопные ямбы, 5-стопные 3-сложники. Короткие размеры (2- и 3-стопные 2-сложники и 2-стопные 3-сложники) — это **обычно** стихи легкие или комические (II, [7](#), [34](#), [94](#); V, [87](#)). Размеры средние (4-стопный ямб, 4-стопный хорей, 3-стопные 3-сложники), совпадающие с средней длиной русской синтагмы, т. е. обособленного интонационного отрезка фразы в 7–9 слогов, стали уже в XIX в. поистине универсальными: ими писали на любые темы и во всех жанрах (особенно это относится к самому распространенному размеру русской поэзии — 4-стопному ямбу). Такие размеры сами по себе экспрессивно нейтральны.

Но **обычное** не есть **обязательное**. 2-стопные ямбы и хорей Полежаева звучат трагически (II, [71](#), [72](#)); экспрессия определяется прежде всего **содержанием стихотворений**.

Однако литературная традиция может как бы прикрепить тот или иной размер к определенной теме или жанру. Тогда сам ритм вызывает привычные жанровые, тематические и, в особенности, экспрессивные ассоциации.

Так, в XVIII в. 6-стопный ямб со смежной рифмовкой и чередованием мужских и женских пар, так называемый *александрийский стих*, был первоначально «героическим» размером высокой поэмы и трагедии, а 4-стопный ямб — одическим; но оба размера вскоре стали универсальными. Начиная с А. П. Сумарокова, вольный ямб стал басенным стихом (I, [20](#)), хотя им изредка писали даже оды (I, [17](#)); И. А. Крылов этим размером написал все басни (см., напр., II, [1](#), [2](#), [3](#)), кроме одной («Стрекоза и муравей» — 4-стопный хорей). Басни Д. Бедного (V, [1,2](#)) и С. Михалкова тоже написаны вольным ямбом.

Очень устойчив экспрессивный ореол 3-стопного пеона III мужского, со смежной рифмовкой, реже белого. Начиная с Сумарокова, им писали в жанре подражания народной протяжной песне, в которой девушка или женщина (реже мужчина) изливали любовные страдания. Приведем ряд примеров, чтобы показать, как сходно звучат стихи в сходной теме на протяжении двух столетий: «Не грусти, мой свет, мне грустно и самой, || Что давно я не видалася с тобой...» (А. П. Сумароков, 1770; I, [23](#)); «Что не девица во тереме своем || Заплетают русы кудри серебром...» (А. Ф. Мерзляков, 1805); «Скучно, девушки, весною жить одной; || Не с кем сладко побеседовать младой...» (А. А. Дельвиг, 1824); «..Делу ноченьку мне спать было невмочь, || Раскрасавец барин снился мне всю ночь...» (Е. П. Гребенка, 1841; II, [102](#)); «Зашумели над затоном тростники. || Плачет девушка-царевна у реки...» (С. А. Есенин, 1914; V, [59](#)); «...Буду плакать, буду суженого звать, || Буду слезы на порошу проливать...» (А. А. Сурков, 1930; V, [93](#)).

Традиция настолько прочна, что применение этого размера в других жанрах с другой тематикой воспринимается как нечто необычное (III, [74](#); IV, [15](#), [23](#); V, [126](#)). У Б. П. Корнилова тема традиционно, но необычно чередование мужских и женских рифм (V, [112](#)). Трагически разудалой плясовой звучит этот размер в «Песне о камаринском мужике» Л. Н. Трефолева (III, [72](#)), восходящей к народной песне, и совсем веселой пляской у К. И. Чуковского: «Ах, как весело, как весело Шакал || На гитаре плясовую заиграл» (V, [30](#)). Все эти исключения лишь подтверждают правило и одновременно доказывают, что экспрессивный ореол размера зависит прежде всего от поэтической традиции.

Еще более устойчива народно-песенная традиция 5-сложника (II, [96](#), [97](#), [101](#)).

Ритмическая проза и фольклорный стих здесь не рассматриваются, о подражаниях народному стиху будет сказано во вступительных статьях к I и II разделам и к приложению.

II. Рифма

Из всех звуковых повторов наиболее заметный и регулярный — рифма. Наиболее общим и теоретически точным будет такое определение рифмы: «...всякий звуковой повтор, несущий организующую функцию в метрической композиции стихотворения» {Жирмунский, [246](#)}. Рифма — важный и звуковой, и композиционный, и смысловый элемент стиха. «Рифма возвращает вас к предыдущей строке, заставляет вспомнить ее, заставляет все строки, оформляющие одну мысль, держаться вместе» {Маяковский, [105](#)}.

Из всех видов рифм (начальных, срединных и пр.) наибольшее распространение в европейской поэзии получило концевое созвучие. Созвучие в конце стиха перед паузой слышится отчетливее, чем в начале; ритмический строй и звуковой повтор подчеркивают и усиливают друг друга. Этим объясняется и важность рифмы, хотя существуют стихи и без рифм, так называемые *белые*.

Рифма — явление историческое, изменчивое. В XVIII—XIX вв. господствовала за редкими исключениями точная рифма, т. е. совпадение звуков рифмующихся слов, начиная от ударного гласного и до конца; *полна́ — дна́* (мужская), *пра́вил — заста́вил* (женская), *закóванный —*

очарóванный (дактилическая). Заметим, что речь идет не о буквах, а о звуках. Поэтому вполне точными будут рифмы *лоб — поп, мяла — мало, луг — люк, искусство — чувство* и т. д. Напротив, *строго — чужого* не образуют рифмы, так как одной буквой обозначаются здесь разные звуки (*г — в*).

Обычай в XVIII—XIX вв. узаконил ряд незначительных отступлений от точности (впрочем, некоторые поэты их избегали). 1. Рифмы с ударными *и — ы*: *бы́л — возмути́л* и т. п. Некоторые лингвисты считают эти гласные вариантами одной фонемы (*и* смягчает предшествующий согласный, *ы* — нет); поэтому рифмы этого типа вряд ли даже можно считать отступлениями от точности. 2. Усечение в женских и дактилических рифмах конечного *й*: *Та́ни — мечта́ний* и т. п. В ударном слоге звуки произносятся отчетливее и энергичнее, поэтому мужские рифмы типа *свежо́ — чужо́й* считались недостаточно точными, их избегали. 3. Созвучие опорного *й* с опорным мягким согласным в открытой мужской рифме: *я — меняи* т. п. (по установившемуся в русской поэзии обычаю в рифме должны быть созвучны минимум два звука: рифмы типа *люби — иди, она — душа*, допустимые, например, в немецкой поэзии, считались недостаточными; поэтому в мужских рифмах с открытым конечным слогом, т. е. оканчивающимся на гласный звук, требовалось совпадение *опорного*, т. е. предударного, согласного: *светла — игла* и т. п.).

Если созвучие ударного гласного и заударной части слова обогащалось совпадением опорного согласного (*узори — взори*), такие рифмы назывались *богатыми* и особенно ценились.

Рифма ведет происхождение от синтаксического параллелизма, частого в фольклоре и древней литературе. В этом случае в конец стиха, например в былине, попадают одинаковые части речи в одной грамматической форме, что рождает более или менее точное созвучие: «А поехал Вавилушка на ниву, || Он ведь нивушку свою орати, || Еще белую пшеницу засевати, || Родну матушку хочет кормити...» («Вавило и скоморохи»).

Древнейшая форма книжной рифмы — именно такая *грамматическая*, или *суффиксально-флективная*, рифма: *отбивает — отгоняет, нехотящий — зрящий* и т. п. Поэты XVII в. пользовались почти исключительно грамматической рифмой.

Грамматическая рифма, в особенности глагольная (*гулял — бежал, идет — ползет* и т. п.), была наиболее легкой и однообразной. Начиная с XVIII в. стала цениться *рифмаразнородная*, образованная разными частями речи: *ночь — прочь, полна — дна* и т. п. (I, 5). Но грамматическая рифма не исчезает вплоть до наших дней.

В стихах XVIII в. рифма свидетельствует о господстве «высокого», церковнославянского произношения стихов во всех жанрах, как «высоких» (ода, поэма), так и «низких» (басня, эпиграмма). Признаки его следующие: 1. Ударное *é* перед твердыми согласными произносилось как *е*, а не как *о* (*ё*): *потек* рифмовалось с *человек*, а не с *урок*. Даже в подражаниях народной песне можно было встретить такие рифмы: «Пусть их много, — красна девица в *ответ*, — Сердце милого другого не *найдёт*» (М. Д. Суханов, 1828). 2. Не употреблялась рифма с сочетанием заударных *о — а*, типа *слухом — духам*, так как в церковнославянском произношении обычным было оканье. 3. *г* произносилось как щелевое, а не смычное, поэтому при разных конечных буквах преобладала рифма *вдруг — дух*, а не *вдруг — стук*. Люди старшего поколения и сейчас произносят *бох*, а не *бог*; прежде такое произношение ряда слов церковнославянского происхождения было господствующим во всех классах общества. Живое разговорное произношение в стихах вытесняет «высокое» не сразу и неравномерно в первой половине XIX в.

В наши дни прилагательные типа «милый» произносятся под влиянием орфографии так, как пишутся, в церковнославянской форме. В XVIII в. и во времена Пушкина произносили, а иногда и писали, в исконной русской форме — *мой милой* друг. Поэтому рифмы типа *мой милой — ратной силой* были совершенно точными. Еще полвека назад в литературном произношении возвратные глаголы произносились с твердым *с*, следовательно, точными были рифмы типа *ус —*

сержусь. Рифмующиеся слова надо произносить так, как произносил поэт. И если Крылов рифмовал иногда *спёрло* — *горло*, иногда *нет* — *пойдёт* (II, [1](#), [3](#)), если Пушкин рифмовал в «Евгении Онегине» то *семьёй* — *тафтóй*, то *смущённый* — *отмённой*, мы должны при чтении стихов, независимо от современного произношения, сохранять рифму, ибо «без рифмы стих рассыплется» {[Маяковский, 105](#)}.

Стремясь обогатить свой стих оригинальными рифмами, вызывающими новые смысловые ассоциации, поэты иногда ставят в конце строки редко употребляющиеся слова — имена собственные или варваризмы (иноязычные слова). Например, в балладах Жуковского: *Морвёны* — *стёны*, *Минва́на* — *тума́на* и т. п. (II, [15](#)). К редким и оригинальным относились *составные* рифмы, в которых одно слово рифмуется с двумя: *где вы* — *девы* и т. п. При этом одно из слов либо совсем не имеет ударения (частицы), либо имеет ослабленное (личное местоим.), но в рифме исчезающее. Разновидностями составных являются рифмы *каламбурные*, в которых сочетаются слова с одинаковым или сходным звучанием и разным значением: *стихия* — *стихи я* и т. п. Очень часты они у Д. Д. Минаева (III, [70](#), [71](#)). Составные рифмы, особенно каламбурные, долго считались комическими, употреблялись большей частью (но не исключительно) в стихотворениях шуточных.

Не следует думать, однако, будто достоинства рифм **всегда** связаны с их оригинальностью и необычностью. Во-первых, стремление пользоваться только необычными рифмами может привести к вычурности и искусственности. Во-вторых, особенности рифм связаны с особенностями жанра и стиля произведения, его синтаксическим и интонационным строем. Эффектные в разговорном стихе или в жанре сатиры и юмора, они могут быть неуместны в напевном лирическом стихе. Стих песенного или романсного строя тяготеет к синтаксическому параллелизму, а с ним вместе появляется и грамматическая рифма. В I главе «Евгения Онегина» очень много (около 15%) эффектных рифм: *не мог* — *занемог*, *дама* — *Бентама*, *Феокрита* — *Смита* и т. п. В стихотворении «Я помню чудное мгновенье» преобладают грамматические рифмы: *мгновенье* — *виденье*, *мятежный* — *нежный* и т. п. В сатире Некрасова много эффектнейших рифм, вроде *Боржия* — *не топор же я*; «Не все ж читать вам *Бокль!* || Не стоит этот *Бокль* || Хорошего *бинокля*... || Купите-ка *бинокль!*». В его лирических стихотворениях такие рифмы редки, зато часты грамматические: *утешения* — *спасения*, *изолью* — *спою* и т. п. (III, [59](#)).

Однако самые звонкие и когда-то оригинальные рифмы при частом их употреблении становятся *банальными*, ощущаются как звуковой и смысловой трафарет: *радость* — *младость*, *человек* — *век* и т. п. Смысловое значение таких рифм ослаблено. В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому *не надоели любовь и кровь*, *трудный* и *чудный*, *верный* и *лицемерный* и проч.». Пессимистическое предсказание Пушкина не оправдалось: репертуар рифм неизмеримо расширился благодаря употреблению *рифмнеточных*.

Неточная рифма (*шубу* — *шуму*, *молятся* — *волочится*, *хвалится* — *пятится* и т. п.), обычная в фольклорных жанрах (поговорки, пословицы, скоморошьи прибаутки, раёшный стих), проникла и в первые литературные произведения, ориентированные на эти жанры (VI, [2](#)); но уже развитая силлабическая поэзия ее отвергла. В XVIII в. неточной рифмой на иной лад пользовался Державин: *уединённый* — *царевны*, *ласточка* — *касаточка* и т. п. (I, [29](#), [31](#)), но устойчивой традиции не создал. Отдельные опыты были и в XIX в. Так, Некрасов иногда рифмовал звонкие согласные с глухими: *многолетнюю* — *последнюю* (III, [59](#)). Со второй половины XIX в. стали распространяться *приблизительные* рифмы, в которых при одинаковых согласных заударные

гласные различались: *береза — слезы, душо́ю — ретиво́е* и т. п. Любил их и теоретически обосновал их применение А. К. Толстой (III, [42](#), [40](#)).

Широкоупотребительными становятся неточные рифмы разных видов в XX в. В начале века к ним иногда обращались Брюсов, Блок и другие поэты, а со времени Маяковского они становятся обычными.

Нарушения точности созвучий могут быть различными. Рифмы, в которых гласные созвучны, а согласные различны (чаще не все) называют *ассонансами*, т. е. однозвучными, с одинаковыми гласными: *облако — около, принятый — выпито* и т. п. (IV, [59](#); V, [4](#), [10](#), [12](#) и др.). Часто встречаются *усеченные* рифмы — с усечением конечного согласного: *плечо — ни о чем, хорошо — ушел, люди — верблюдик, мелко — человеком* и т. п. (V, [4](#), [9](#), [15](#) и др.). Значительно реже встречаются неточные рифмы, в которых слова отличаются ударными гласными, так называемые *диссонансы*: *тающая — веющая, лик — снег, слушайте — лошади, лень — лань* и т. п. (IV, [54](#); V, [10](#), [22](#)). Редкими в начале XX в. были рифмы *неравносложные*, в которых рифмовались мужские окончания с женскими и т. д. Они стали обычными в практике Маяковского и последующих поэтов: *нянька — на ноги, фоксы — фокусы* и т. п. (IV, [31](#); V, [10](#), [13](#), [14](#), [29](#) и др.). Изменяется составная рифма. Если в классической составной рифме в каждом созвучии было только по одному ударному слову (тип *где вы — дэвы*), то теперь развивается рифма, сохраняющая ударение всех слов в рифме. Маяковский иногда подчеркивает «лесенкой», делением на подстроичия, что оба слова надо произносить раздельно: «Лет до ста́ | расти́ || нам | без ста́рости. || Год от го́да | расти́ || нашей бо́дрости. || Славьте, | мо́лот | и сти́х, || землю мо́лодости» («Хорошо!», см. также V, [5](#), [7](#), [10](#), [13](#), [28](#), [29](#) и др.).

Ослабление точности заударного созвучия часто компенсируется созвучием предударной части. Брюсов называл это передвижение созвучия влево от ударного гласного «левизной» рифмы. Теперь обычно называют это глубокой рифмой. В четверостишии Маяковского

Где найдешь, | на какой тариф,
рифмы, | чтоб враз | убивали нацелясь?
Может, | пяток | небывалых рифм
только и остался, | что в Венецуэле

созвучие *элясь — эле* — слабое. Зато рифма углубляется на целых 3 слога: *вали нацелясь — Венецуэле*.

Развитием глубокой рифмы явилась все чаще встречающаяся за последние десятилетия так называемая *корневая* рифма, в которой безразлична заударная часть (суффиксы, флексии), рифмуются слова со сходной предударной частью: *Гойя — горе — голос — года — голод — горло...* (V, [125](#)).

Рифма не только связывает строки, но также выделяет, подчеркивает зарифмованные слова, и в этом тоже проявляется ее смысловое значение. Маяковский писал: «Я всегда ставлю самое характерное слово в конец строки и достаю к нему рифму во что бы то ни стало» {[Маяковский, 106](#)}. Но «характерные» слова связаны с темой стихотворения. Поэтому такую рифму можно назвать тематической {[Штокмар, 5-10](#)}. В самом деле, цепь рифм: *тропики — торопкий, наново я — банановые, факту — кактус, печке — воробейчики, потерянный — пантерины, тропки — тропики* составляет скелет темы стихотворения «Тропики» (V, [13](#)). А стихотворения «Военно-морская любовь» и «Евпатория» целиком построены на рифмах — вариациях главного тематического слова (V, [6](#), [16](#)).

С Маяковским перекликается К. И. Чуковский; в книге «От двух до пяти» он пишет: «...слова, которые служат рифмами в детских стихах, должны быть главными носителями смысла

всей фразы... Так как благодаря рифме эти слова привлекают к себе особенное внимание ребенка, мы должны дать им наибольшую смысловую нагрузку» {Чуковский, 709}.

Предел углубления рифмы — так называемый *панторим*, в котором рифмуются все слова, входящие в строку: «В „Вене“ две девицы. || *Veni, vidi, vici*»^[5] (П. Потемкин). Естественно, так можно рифмовать либо такие короткие стихотворения, как приведенное, либо отдельные строки в более длинных (V, [22](#), [23](#)).

Нередко, особенно в поэзии XX в., звуковые повторы, не зависящие от концевой рифмы, пронизывают отдельные стихи, изредка целое небольшое стихотворение. Повторы гласных звуков называют *ассонансами*.^[6] Слух улавливает, конечно, прежде всего повтор ударных: «О, весна́ без конца́ и без кра́ю — || Без конца́ и без кра́ю мечта́!» (Блок). Повторы согласных называют *аллитерацией*: «Легкий лист, на липе млея, || Лунный лик в себя вобрал...» (IV, [12](#)).

Часто звуковой повтор сочетает и аллитерацию, и ассонанс: «Пора, пора! рога трубят» (Пушкин).

Своеобразный звуковой повтор — *внутренние рифмы*. Они делятся на два типа: постоянные и нерегулярные. Первые (как правило стоящие на цезуре) принципиально не отличаются от обычных, так как играют не только звуковую, но и метрическую роль, обозначая конец полустихия и характеризуя строфу: «Три у Будрыса сына, | как и он три литвина» (II, [47](#); см. также III, [45](#); IV, [1](#) и др.). Поставив рифму на цезуре, поэт удлиняет стих, делает его более плавным. Иное дело — нерегулярная внутренняя рифма. Это заметный звуковой повтор, усиливающий звучность стиха и подчеркивающий его:

Но очень надо | за морем | белым,

Чего индейцу *не надо*.

Жадна | у белого | Изабелла,

Жена | короля Фердинанда.

(Маяковский, «Мексика»).

Кроме обычных концевых рифм здесь сильно звучит неожиданная в начале смежных стихов: *жадна — жена* (см. также III, [21](#); V, [27](#)). Маяковский и поэты его школы иногда усиливают концевое созвучие, дублируя рифму (в приведенном примере: *белым — у белого Изабелла*). Такое усиление возможно различными способами: переключка внутренних рифм с концевыми, дублирование, диссонансы и т. п.

Бывало — | сезон, | наш бог — Ван-Гог,

другой сезон | Сезан.

Теперь | ушли от искусства | вбок —

не краску любят, | а сан

(Маяковский, «Верлен и Сезан»).

Случаи звукописи, звукоподражания, непосредственного воссоздания звукового образа достаточно редки: *Шипенье пенистых бокалов* (Пушкин), *Шуршат камыши* (Бальмонт), *Гром грохочет* (М. Горький) и т. п. Гораздо чаще звуковой повтор (и аллитерация, и ассонанс, функции их сходны) выделяет стихотворную строку, подчеркивая тем самым ее смысл.

Тут надо предостеречь читателя от одного довольно распространенного заблуждения, будто звуки речи сами по себе имеют определенное значение. Можно встретить, например, утверждение, что *у* — звук унылый, *а* — радостный и т. п. Этому способствуют порой сами поэты. Так, Лермонтов писал: «Я без ума от тройственных созвучий || И влажных рифм, как, например, на *ю*». А французский поэт Артюр Рембо написал о «смысле» звуков сонет «Гласные», в котором называл *а* — черным, *и* — красным, *е* — белым и т. д. Андрей Белый, напротив, утверждал,

что *а* — белый, *и* — синий, *е* — зеленый и т. д. Все это крайне субъективно. К сожалению, и в научной литературе можно встретить утверждения об окраске отдельных звуков, якобы подтверждаемые опросами испытуемых. Методика этих опросов не выдерживает научной критики. Но главное заключено в другом: люди говорят не отдельными звуками, а словами. 110 тысяч слов русского языка, составленных из многообразных сочетаний четырех десятков фонем, могут выразить тончайшие оттенки мыслей и чувств. Слов звукоподражательных (трах-бах, шуршать, аукаться и пр.) ничтожно мало. Еще меньше примитивных звуков-междометий (А!.. О!.. Брр!). Повтор звуков в стихах усиливает экспрессию слов, как повтор слов усиливает экспрессию целых фраз. Вот почему стих «Пора, пора! рога трубят» звучит мажорно, а «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит» — печально, хотя повторяющиеся звуки и целые слова одинаковы; существенно другое: в стихах звуковые повторы заметны, экспрессивны и приобретают поэтому смысловое и эстетическое значение.

III. Строфика

Надпись «Производитель работ» мы воспринимаем как прозу, не замечая, что это 3-стопный дактиль. Но увидев эти слова в книге стихов и прочитав следующую строчку: «Акционерной компании», мы слышим стихотворный размер, закрепляемый следующими стихами: «Сдавший недавно отчет || В общем годовом собрании...» (Некрасов «Современники»). **Ритмическая структура стихотворных строчек воспринимается при их повторении.**

Вот почему самое короткое стихотворение — двустишие. Это минимум. Стихотворения из одной строчки, *моностихи* — исключительно редки. В русской поэзии получили известность лишь два: эпитафия Карамзина «Покойся, милый прах, до радостного утра» (I, 36) и «О, закрой свои бледные ноги» Брюсова (известность второго скорее анекдотическая). Заметим, что узнать моностих можно только при установке на восприятие стихов и на фоне развитой стихотворной традиции. Моностих как бы накладывается на стихи, живущие в памяти читателя: ко времени Карамзина был очень популярен 6-стопный ямб, после Некрасова — анапест.

Стих (стихотворная строка) — это **основная ритмическая единица**, повторяющаяся в ряду более или менее подобных ей единиц. Как связываются между собой отдельные стихи? Во-первых, конечно, по смыслу, как и в прозе. Но кроме этого — по ритмическому сродству и посредством рифмы. Эти чисто стихотворные связи вызывают дополнительные смысловые ассоциации. Поэтому стихотворная речь семантически более насыщена, чем проза.

Основных способов *рифмовки*, т. е. связи стихов рифмами, три. Самый простой и самый древний — *смежная (парная)* рифмовка.

Сих же разумом прочитаем
И слагателя книги сея потом уразумеваем

(VI, 3).

Схема рифмовки — *аа бб...* (рифмующиеся строчки принято обозначать одинаковыми буквами; если обозначается лишь порядок рифмующихся строк, то употребляются только строчные буквы).

В XIX—XX вв. наиболее распространена рифмовка *перекрестная* (абаб), отчетливо замыкающая двойной звукоряд:

Вам, | конечно, известно | явление «рифмы».
Скажем, | строчка | окончилась словом | «отца»,
И тогда | через строчку, | слога повторив, мы
Ставим | какое-нибудь | «ламцадрица-ца»

(Маяковский «Разговор с фининспектором о поэзии»).

Реже встречается *охватная* (опоясывающая, кольцевая) рифмовка (абба):

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя

(II, [89](#)).

В стихотворениях так называемой *вольной рифмовки* могут встречаться неупорядоченные сочетания этих основных типов и самые разнообразные их усложнения (II, [7](#), [32](#)). Но очень часто определенная комбинация рифм повторяется на протяжении целого стихотворного произведения. В этом случае может возникнуть новая ритмическая единица высшего порядка — *строфа*, обычно отделяемая от соседних строф пробелами (I, [5](#), [6](#), [7](#), [12](#), [21](#), [27](#), [34](#); II, [11](#), [13](#), [14](#), [15](#), [17](#), [19](#), [20](#), [24](#) и др.). Если поэт дорожит композиционной свободой (например, в басне, послании, поэме), он избирает *астрофический* (*нестрофический*) стих. Деление текста на строфы налагает на поэта новые стеснения, зато усиливает мерность, упорядоченность стихов.

Количество стихов (4-стишия, 6-стишия и т. д.) и порядок рифм — главные признаки строфы (ее модель), но не единственные. Отдельный стих, как правило, обладает известной интонационной законченностью. В еще большей степени это относится к строфе: обычно каждая строфа содержит свою тему и кончается в большинстве случаев точкой или другим завершающим предложением знаком. Таким образом, строфа — единица не только ритмико-интонационная, но и семантическая, композиционная. Поэтому нередко поэты объединяют, например, 2-стишия аа в единую строфу аабб или ааббвв и т. д. (I, [23](#); II, [62](#); III, [5](#), [8](#)); или два внешне одинаковых 4-стишия абаб в единое по теме 8-стишие абабвгвг (I, [19](#); II, [66](#)), или три 4-стишия в редкое 12-стишие абабвгвгдеде (II, [13](#)). Даже белые стихи могут объединяться в стройные строфы, если каждая тематически завершена (I, [30](#), [37](#); II, [96](#), [97](#), [99](#), [101](#); IV, [105](#)).

Кроме этих основных признаков строфы могут отличаться друг от друга рядом других более или менее часто встречающихся. Прежде всего, это упорядоченное чередование рифм. В XVIII в. в период классицизма установилось правило *чередования* (часто употребляют французский термин — правило *альтернанса*) женских и мужских рифм. По этому правилу запрещалось ставить рядом два однородных окончания, мужских или женских, если они не зарифмованы. Например, можно было чередовать смежные пары ААбб, но нельзя аабб или ААББ, можно АБАб, но нельзя АБАБ и т. д. (В таких моделях строчными буквами обозначают мужские рифмы аа бб; прописными — женские АА ББ, прописными со штрихом — дактилические А'А' Б'Б', с двумя штрихами — гипердактилические А"А" Б"Б".) С начала XIX в. правило чередования перестало быть обязательным (II, [17](#), [25](#), [45](#), [47](#), [51](#), [62](#), [76](#), [77](#), [78](#) и др.). Но поэты до сих пор нередко чередуют рифмы для ритмического разнообразия.

Строфы также могут отличаться урегулированным чередованием стихов разной длины, это так называемый урегулированный разностопный стих. Наиболее частое чередование — 4- и 3-стопных; при этом совершенно различно звучание симметричных строф 4343 (II, [47](#), [64](#)) и строф асимметричных 4443 (II, [8](#)). То же относится и к другим сочетаниям, например, ббб4, 6464 (II, [11](#), [41](#)). Очень различно звучат строфы одной и той же модели, но разных метров (ср. II, [74](#), [75](#)). Редкий случай — упорядоченное чередование в строфе стихов разных метров (III, [37](#), [45](#); IV, [32](#)).

Отчетливо выделяет строфу *рефрен* (*фр.* refrain — припев) — повторяющийся стих или 2–4 стиха после основной строфы, в ее конце, начале или середине (II, [26](#), [58](#), [95](#), [105](#); IV, [87](#), [93](#); V, [44](#)). Иногда рефрен может повторяться не буквально, а с небольшими изменениями (III, [58](#)), иногда рефреном может быть повторение синтаксической структуры фразы (II, [31](#); III, [33](#), [35](#), [40](#), [41](#)).

Очень четко замыкает строфу кольцевое построение, *кольцо* строфы: повторение первого стиха или его части в конце. В этом случае законченная строфа может приобрести дополнительный стих, например, 4-стишие абаб превращается в 5-стишие абаба (III, [26](#)). При кольцевом построении, так же как и при рефрене, последний стих повторяет первый иногда буквально, иногда с вариациями. Пример довольно редкого соединения рефрена и кольца строфы — «Певец» Пушкина (II, [31](#)). Кольцевая композиция иногда встречается в целом лирическом стихотворении; тогда стихотворение обрамлено повторяющимися (буквально или с вариациями) строфами (III, [30](#); IV, [12](#); V, [67](#)).

Рассмотрим основные модели строф, начиная с самых простых — 2-стишия и 4-стишия.

2-стишия часто бывают нестрофическими — в стихах вольной рифмовки и в *александрийском* стихе (6-стопном ямбе со смежной рифмовкой и регулярным чередованием мужских и женских пар: АА, бб, ВВ...). Этот стих встречается в двух основных формах, между которыми, как обычно, есть переходные. Первая, свободная, в XVIII в. встречалась преимущественно в драматургии: реплики действующих лиц могут включать не только разные половины одного 2-стишия, но даже части одного стиха. Это действительно нестрофический стих. Но в пространных монологах пьес и особенно в поэмах и длинных стихотворениях в XVIII в. проявляется тенденция к смысловой замкнутости 2-стиший, а иногда даже к смысловому объединению женских и мужских пар. Так, в александрийском стихе могут появляться скрытые строфические 2-стишия и даже 4-стишия ААбб или ааББ, что в крупных произведениях делает стих однообразным. Поэтому поэты XIX в. нередко пользуются свободной, отчетливо нестрофической формой этого стиха, то замыкая фразу в конце рифменной пары, то перенося ее в следующую (II, [35](#)). Нестрофические 2-стишия встречаются во всех размерах (II, [25](#), [35](#) и др.). Строфические, четко тематически замкнутые 2-стишия поэты обычно разделяют пробелами (II, [17](#); III, [52](#); IV, [4](#)).

Своеобразная форма 2-стишия — *рифма-эхо*: за длинным стихом следует короткий, чаще всего — одно слово (III, [68](#); IV, [93](#)). Такие 2-стишия обычно встречаются в стихотворениях шуточных и сатирических, но не только в них. Вспомним 2-ю главу поэмы Маяковского «Хорошо!»: «Кончайте войну! | Довольно! | Будет! | В этом | голодном году — || невмоготу. || Врали: | «народа — | свобода, | вперед, | эпоха, | заря...» — || и зря».

2-стишная строфа требует лаконизма. В 2 стиха надо уложить законченную мысль.

Самая распространенная в лирике XIX—XX вв. строфа — 4-стишие; в него легко укладывается фраза, рисуемая без подробностей картину, выражающая переживания поэта. Основных способов рифмовки 4-стиший три: перекрестная (самая частая), охватная и две смежных пары.

При перекрестной рифмовке чаще встречается схема АБАБ (II, [8](#); III, [38](#); IV, [17](#); V, [45](#) и др.) или А'БА'б (III, [21](#), [50](#), [56](#); IV, [53](#) и др.); мужское, более обрывистое, окончание четче кончает строфу, чем женское аБАБ (II, [82](#); III, [9](#); IV, [2](#)) или дактилическое аБ'аБ' (III, [49](#)). Редки рифмы гипердактилические в 2-стишиях (IV, [35](#)), 4-стишиях (IV, [54](#)) и других строфах (IV, [22](#)). С середины XIX в. чаще встречаются редкие ранее 4-стишия с зарифмованными только четными стихами и *холостыми*, т. е. нерифмованными, нечетными хаха (III, [65](#), [69](#)). Созвучие и здесь замыкает строфу, обозначая ее границы (о строфах, оканчивающихся холостым стихом, см. ниже). Очень редки 4-стишия на одну рифму аааа. В таком 4-стишии завершенность строфы

создается только средствами синтаксиса и интонации — точка в конце. Сходные созвучия могут длиться неопределенно долго: ааа, ааааа и т. д. Завершенность может создаваться также изменением длины последнего стиха (I, [39](#)).

Еще реже встречаются целые стихотворения, написанные на одну рифму, *моноримы*: ааааа... Такие стихотворения обычно не строфичны, чаще всего — либо шуточные, либо экспериментальные (III, [76](#); IV, [25](#), [93](#)). К ним примыкают по характеру стихотворения на две одинаковые рифмы или с одной, проходящей через все стихотворение, и с остальными меняющимися (I, [24](#); II, [105](#); IV, [26](#), [119](#); V, [44](#)).

Редки также 4-стишия, в которых стихи рифмуются не между собой, а с соответствующими стихами следующего 4-стишия: абвг — абвг (V, [40](#)); иногда только одна или две рифмы переходят из строфы в строфу (II, [104](#)). В этом случае строфы выстраиваются парами.

4-стишия из двух смежных пар (II, [92](#); III, [8](#)), как и перекрестные 4-стишия, симметричны и нередко не только по рифмам, но и по содержанию делятся на две пары: аб + аб или аа + бб. Охватное 4-стишие одночленно: абба, его половинки не созвучны (II, [89](#); III, [18](#)). Даже белые стихи могут быть четко строфичны. Границы строфы в этом случае чаще обозначаются чередованием разнородных окончаний, например ХхХх (I, [37](#); IV, [110](#)) или ХХХх (IV, [64](#), [105](#)). Но и при однородных окончаниях, например ХХХХ, строфа может четко ограничиваться смысловой завершенностью или неравностопностью (I, [35](#)). Комбинируя способы рифмовки, клаузулы, размеры, одних только 4-стиший можно построить до тысячи схем (практически встречается намного меньше). С каждым новым стихом в строфе количество возможных вариантов возрастает.

Наряду с четкими строфическими формами встречаются такие, в которых строгость чередующихся строф ослаблена: например, неупорядоченно чередуются 4-стишия с разной системой рифмовки — перекрестные и охватные и т. п. — или с разными клаузулами, например АБАБ и аБаБ и т. п. Такие строфы называются *нетождественными* (II, [90](#); III, [1](#), [53](#), [60](#); IV, [30](#); V, [104](#)); они часты в советской поэзии. Еще сильнее размывает строфу чередование строф с разным количеством стихов: 4-стиший с 5-стишиями, 6-стишиями и т. д. Такие нетождественные строфы называются иногда *строфоидами*, т. е. строфоподобными; единство строфоида поддерживается преимущественно синтаксической завершенностью; это форма переходная к нестрофическому стиху (III, [64](#), IV, [67](#)).

Из простых строф можно создавать сложные либо механическим соединением, либо усложнением строения. Так, если соединить 4-стишие абаб с 2-стишием вв, можно получить 6-стишие абабвв. Это несимметричная строфа; в ней первые стихи обычно (будем помнить, что **обычно** не значит всегда!) развивают тему, заключительное 2-стишие служит концовкой (I, [5](#), [12](#); II, [20](#); IV, [65](#)). Соединение 4-стишия абба с 2-стишием дает 6-стишие аббавв, которое может быть как симметричным абб | авв, так и подобным первому: абба | вв; это довольно редкая форма. Самое популярное в лирике XIX—XX вв. 6-стишие ааб | ввб наиболее симметрично, оно чаще всего встречается в напевной лирике, песенной и романсной, в балладах. В этой строфе 3-й и 6-й стихи часто либо длиннее, либо короче остальных, что еще отчетливее делит строфу пополам (II, [48](#); III, [33](#), [77](#)).

Значительно реже употребляются в русской поэзии 6-стишия абабаб, которые иногда называют *секстинами*, или *сестинами* (II, [74](#), [75](#)). В этой строфе сильны тройные созвучия, зато цепь рифм не дает ощущения законченности, к четкому 4-стишию абаб прибавлена еще пара аб, к ней можно прибавить еще пару (III, [35](#)), две пары (II, [63](#)). Редки 6-стишия с тремя парами рифм ааббвв (II, [62](#); III, [5](#), [72](#)) или двумя тройками абвабв (III, [11](#)).

Комбинаций рифм в 6-стишиях может быть много. Отметим популярную в английской поэзии строфу ааабаб, в которой 4-й и 6-й стихи короче других. Ею дважды воспользовался Пушкин

(II, [45](#)); советскому читателю она знакома по переводам С. Я. Маршака из Бернса (V, [33](#)). Кроме этих популярных встречаются индивидуальные, часто сложные 6-стишия (III, [34](#); IV, [48](#), [98](#) и др.). «Балладной строфой» чаще всего именуют разностопные строфы, например 6-стишие аабввб, написанное 3-сложниками, или его вариант — 4-стишие с внутренними рифмами в нечетных стихах (II, [24](#), [47](#)). Однако этот термин расплывчат и неточен: романтики, культивировавшие жанр баллады, проповедовали свободу писателя от заданных правил и изобретали в балладах новые, самые разнообразные строфы в различных размерах (II, [14](#), [15](#), [17](#), [20](#), [26](#), [91](#)).

8-стиший теоретически может быть еще больше, чем 6-стиший, но самых употребительных типов два. Один — соединение двух 4-стихий: одинаковых, например абаб+вгвг (I, [30](#); II, [21](#), [66](#), [80](#) и др.), или различных, например абаб + вггв (I, [26](#); II, [86](#); III, [4](#) и др.). Другой тип — *октава* абабабвв (II, [19](#), [43](#)). Октава по структуре — это как бы дальнейшее развитие 6-стишия абабвв, только с тройным созвучием. Обычно последняя смежная пара тоже служит концовкой.

8-стишие — большая строфа. Встречается в крупных лирических стихотворениях и, еще чаще, в поэмах. Октава пришла к нам из итальянской поэзии (вспомним Пушкина: «Напев Торкватовых октав») именно как строфа поэм. В русских октавах, в отличие от итальянских, соблюдалось правило чередования рифм. Однако октава начинается и оканчивается однородной рифмой, женской или мужской: АБАБАБВВ или аБаБаБвв. Поэтому произведения, написанные октавами, бывают двух родов: либо все строфы обрамлены однородными рифмами, между строфами чередование не соблюдается (такие октавы впервые применил Жуковский — II, [19](#), любил их Лермонтов), либо правило чередования охватывает не только стихи, но и строфы. За октавой, обрамленной мужскими рифмами, следует обрамленная женскими и т. д. Впервые их применил Пушкин (II, [43](#)). Октавы чаще писали 5-стопным ямбом, соответствующим итальянскому одиннадцатисложнику, реже — 6-стопным ямбом (например, «Осень» Пушкина).

Редко встречаются 8-стишия из четырех пар ааббввгг.

Из 10-стихий наиболее известна *одическая строфа*, ее составляют 4-стишие + 6-стишие; строгая форма ее АБАБВВГДДг (I, [2](#), [7](#)). Очень распространенная во времена классицизма, она уходит в прошлое вместе с торжественными одами. Встречаются индивидуальные 10-стишия (II, [72](#)).

Лирика не терпит многословия, поэтому в ней преобладают малые строфы; поэма требует развернутой картины, движения сюжета — и в поэмах стихотворцы обращаются к свободному нестрофическому стиху или к большим строфам. Для романа в стихах «Евгений Онегин» Пушкин создал 14-стишие. Это почти предел для непосредственного слухового восприятия строфы. Облегчается оно простотой структуры: три 4-стишия — перекрестное, из двух пар и охватное — + завершающее 2-стишие: АБАБВВГГДееДжж. Чередование соблюдено, начало и конец разнородны. Строфа не меняется на протяжении всего романа. Но внутреннее разнообразие онегинской строфы таково, что ощущения монотонности не возникает. Эта строфа настолько индивидуальна, что когда к ней — очень редко — обращались другие поэты, они как бы цитировали Пушкина; вспомним начало «Тамбовской казначейши» Лермонтова: «Пишу Онегина размером». Пушкин начал писать этой строфой неоконченную поэму «Езерский» (II, [49](#)).

На пределе слухового восприятия находится 16-стишие в стихотворении «Фонарь» (I, [34](#)) удивительно изобретательного в сочинении необыкновенных строф Державина. Строфа не разваливается благодаря тематическому единству и потому, что она обрамлена короткими рефренами.

Особо надо сказать о строфах с нечетным количеством стихов: 3, 5, 7 и т. д. Это «беспокойные» строфы, в которых обычные парные созвучия чередуются с тройными. Простейшие из них — 3-стишие ааа монотонно и встречается редко (IV, [6](#)). Своеобразна 3-

стишная терцина аба бвб вгв... В первой терцине только два обрамляющих стиха зарифмованы, но средний не остается холостым: в следующей терцине с ним рифмуются обрамляющие, средний вновь рождает ожидание рифмы и т. д. Цепь терцин может длиться произвольно долго, замыкает созвучие одинокий стих: мнм н. Терцины нельзя назвать строфами в точном смысле слова: они не обладают ни звуковой, ни смысловой завершенностью, но структура их строго повторяется. Терцинами написана «Божественная комедия» Данте, отсюда их широкая известность. В отличие от совершенно обрусевших октав, терцина русской строфой не стала: она встречается обычно в подражаниях Данте и стилизациях (II, 46). В оригинальных стихотворениях они редки. Встречаются и индивидуальные 3-стишия (III, 36; IV, 112).

Из нечетных стрóf наиболее часты 5-стишия. По происхождению это 4-стишия, в которых одна рифма удвоена: абабб (III, 64) или, чаще, абааб (II, 37). Наконец, кольцевое абаба (III, 26). Последняя — не редкость в напевном стихе.

Редки 7-стишия; чаще других — образованное из 6-стишия аабввб прибавлением одной рифмы: аабвввб (IV, 11, 22). Такова модель строфы «Бородина» Лермонтова.

9- и 11-стишия встречаются не часто, преимущественно в поэмах или длинных описательных стихотворениях (II, 87).

Своеобразны строфы, в которых один-два стиха не зарифмованы внутри строфы, но рифмуются с соответствующим стихом следующей (I, 32; II, 104; IV, 40, 59). Необычно звучат строфы, включающие холостые стихи в начале (III, 36) и в конце (I, 27; III, 32; IV, 90, 92).

Из стрóf, которые поэты начала XX в. пытались пересадить на русскую почву, следует отметить распространенную в староперсидской, таджикской, арабской поэзии *газель* (ее тогда обычно называли *газела*, *гезелла*). Она состоит из рифмованного 2-стишия аа, за которым следует неопределенное количество 2-стиший с первым холостым стихом и вторым на ту же рифму, что в первом 2-стишии. Таким образом, газель — своеобразный монорим. В зарифмованных строчках вслед за рифмой может следовать *эпифора* (по-арабски — *редиф*) — повторяющееся во всей газели слово или группа слов. Газель не обрусела и нередко сохраняет восточный колорит (IV, 75).

Встречаются в строфике неясные, спорные случаи. Можно ли, например, считать строфой стихотворение, состоящее из одной строфы? Один из главных признаков строфы — повторяемость. Если перед нами популярная строфа, например октава, ее можно без сомнения считать одиночной строфой. Но если перед нами другое строение? Граница между вольной рифмовкой и одиночной строфой условна; наибольшей длиной последних считают 8–10 строк. Одиночные строфы наиболее часты в малых жанрах: эпиграммах, эпитафиях, надписях, шуточных посвящениях и т. п. (I, 18; II, 22; III, 12; IV, 106 и др.). Образец оригинальных одиночных 10-стиший — продленная октава АБАБАБАБвв (III, 20).

Близки к строфам по своей структуре так называемые *твердые формы*. Это обычно небольшие стихотворения, в которых более или менее строго определено количество стихов и способ рифмовки, а иногда — повторение целых стихов или их частей на определенном месте. Время рождения европейских твердых форм — эпоха Возрождения. Из них наиболее популярная — *сонет* (по-итальянски — звонкий, звучный) — стихотворение из 14 стихов, состоящее из двух *катренов* (4-стиший) и двух *терцетов* (3-стиший). В строгой форме сонета оба катрена — на 2 одинаковых рифмы (абба + абба). Русские сонеты разнообразны и часто далеки от строгой итальянской или французской формы. Знаменательные слова в сонете не должны повторяться. Тематически первые два катрена дают тему, два терцета — другую, последний терцет — концовка, разрешение общей темы сонета. Первые сонеты появились у нас в XVIII в. (I, 15), но расцвет сонета в России — пушкинская пора (II, 54), затем он на периферии поэзии; второй его расцвет — XX в. Во второй четверти XX в. он опять отходит на задний план и вновь расцветает в

60–70-х годах. Самая свободная форма сонета у Шекспира: три 4-стишия без повторения рифмы и заключительное 2-стишие. Они стали достоянием русской поэзии благодаря переводам Маршака (V, [32](#)). Экспериментальный сонет — у Сельвинского (V, [87](#)).

Поэты начала XX в. ввели в русскую поэзию более редкие твердые формы: *Триолет* (фр. *triolet*) — 8-стишие, в котором первые два стиха повторяются в конце (стихи 7–8-й), а 1-й, кроме того, еще раз как 4-й (I, [40](#); IV, [26](#)). Триолеты относительно часты в начале XX в., потом исчезают. *Рондо* (фр. *rondeau* от *rond* — круг) имели несколько вариаций. Наиболее употребительная состоит из двух 5-стиший и 3-стишия между ними, написанных только на две рифмы. Причем после 3-стишия и в конце повторяются как рефрен начальные слова первого стиха (IV, [97](#)). Вариация рондо — *рондель*: 13-стишие на две рифмы (два 4-стишия + 5-стишие): первые два стиха повторяются в конце второго 4-стишия, первый стих замыкает рондель (IV, [76](#)). Заметной роли три последние формы в русской поэзии не сыграли.

Весьма сложная твердая форма — *секстина*: шесть 6-стиший, в строгой форме белых; последние слова шести стихов первой строфы заканчивают стихи всех строф, но в каждой следующей строфе слова предыдущей повторяются в порядке: 6–1–5–2–4–3. Русские поэты с середины прошлого века изредка писали секстины, чаще рифмованные (III, [78](#)).

Изоощренная твердая форма — *венок сонетов*. Содержащий основную тему сонет, *магистрал*, обычно помещают в конце. 1-й сонет начинается первым стихом магистрала, кончается вторым; 2-й сонет начинается этим стихом, кончается третьим и т. д. 14-й сонет начинается 14-м стихом магистрала и кончается первым — цепь замыкается, а магистрал, как в фокусе, собирает темы всех стихов воедино (IV, [78](#)).

Первые венки сонетов появились у нас в первом десятилетии нашего века, во второй его четверти интерес к ним резко падает. Много их пишут в 60-х и 70-х годах.

Необычный *венок строф* — кольцевых 5-стиший — «Шаганэ» Есенина (V, [67](#)).

Из экзотических форм отметим еще *акростих* — стихотворение, в котором начальные буквы каждого стиха при чтении сверху вниз образуют слово или фразу. В XVII в. их писали немало (VI, [4](#)). В XVIII в. они уже редкость (I, [42](#)). Потом они встречаются лишь в альбомных стихах, дружеских посвящениях и т. п.

Рассмотрим теперь вопрос о композиции строфы, о соотношении членения речи стихотворного — на строфы и стихи, и синтаксического — на предложения и синтагмы. Сравним два 4-стишия одного поэта (Пушкина), одинаковой модели АБАБ, написанных одним размером — 4-стопным ямбом.

**Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...**

**Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.**

Ясно слышны различия. Левая строфа симметрично делится пополам на два подобных интонационно-ритмических периода — Аб + Аб, 2 + 2; в правой строфе звуковое подобие ритмических периодов — (Аб + Аб) приходит в противоречие с асимметричным синтаксическим (смысловым) членением: 3 подобных стиха противостоят четвертому стиху (3 + 1).

Членение на интонационно-ритмические периоды усиливается, если строфа симметрично-разностопная: 4343, 6464 и т. д. (II, [30](#), [41](#), [48](#), [68](#), [79](#) и др.).

Напротив, разностопные строфы модели 6664, 4443 и т. п. асимметричны по структуре. Любое рифменное членение расходится с метрическим. Зато такие строфы обладают четкой завершенностью (II, [8](#), [11](#) и др.). Особо резко завершает строфу короткий стих после ряда длинных (IV, [18](#); V, [12](#)).

Интонационная законченность стиха (каждый стих — синтагма) была абсолютным законом в фольклоре и древней литературе; в поэзии нового времени это обычная норма, от которой, однако, бывают отступления. Наш слух, наше сознание (может быть, здесь точнее говорить о подсознательном, интуитивном восприятии) так привыкают к этому, что возникает обратная связь: стих стремится обособиться от соседнего и отделяется от него паузой даже в тех случаях, когда в прозе обособления нет. Л. И. Тимофеев приводит остроумный пример. Тургеневская прозаическая фраза «июльской ночью не кричат перепела» либо произносится одним дыханием, либо может возникнуть слабая пауза после слова «ночью». Но если включить эту фразу в стихотворный контекст, все изменится: «И на поля легла, как плат, || Ночная мгла. || Июльской ночью не кричат || Перепела» {Тимофеев, 69}. Последнее слово метрически — значит и по смыслу — выделилось, приобрело какую-то особую значительность.

На фоне такой привычной нормы сильно ощущаются *переносы* (иногда употребляют французский термин *enjambement*) — перенесение части предложения в следующий стих.

...Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер...

При переносах возникают внутрстиховые паузы. Если они стоят в середине стиха («И жив ли тот? И та жива ли?»), они делят стих на симметричные половинки, и стих становится еще более мерным. Но чем ближе они к краю стиха, тем больше разрушается его единство.

Функции переносов и внутрстиховых пауз многообразны. Они могут прозаизировать стих (II, 43), передавать ощущение задумчивого размышления (II, 50), живого диалога (III, 62), подчеркнуть важные для поэта слова и строчки (III, 40), обозначить место перелома в развитии лирической темы, выделить концовку (II, 41; III, 22). Отсюда видно, что внутрстиховые паузы и переносы (или, наоборот, их отсутствие) — важное средство создания определенной интонации стихотворной речи.

В множестве видов стихотворной интонации можно выделить два основных, между которыми, как обычно, располагаются формы переходные. Это — стих напевный и говорной {Эйхенбаум, 327–348; Холшевников, 136–163}.

Что характеризует стихотворения *напевные*, о которых говорят, что они так и просятся на музыку, и на которые сочинено множество песен и романсов? Кроме лирической темы — особая композиция. Прежде всего — тенденция к симметричности строфической композиции (примеры приведены выше), особенно в форме песни, в которой строфа замкнута (в конце стоит точка), каждый стих завершен, переносы отсутствуют, строфа делится на подобные ритмико-интонационные периоды или имеет припев или кольцевое строение. При этом тематическое членение совпадает со строфическим. Так — в песнях всех поэтов от Третьяковского и Сумарокова до Исаковского и Суркова (I, 1, 19, 21–23; II, 16, 21, 96–103; III, 21, 26, 31, 33, 38, 39, 51; V, 93–97 и др.). Заметим только, что не всякое стихотворение, названное автором «Песня», подчиняется песенной композиции, например «Песня о Буревестнике» или эпическая «Песнь о Гайавате».

В более сложной композиции стихотворений романсного типа строфы обычно менее замкнуты, частые в этом типе *анафоры* создают нарастание интонационного напряжения, разрешающегося в концовке; иногда даже на переломе, в концовке, может появиться перенос (II, 41; III, 23). Нередко все стихотворение состоит из одного сложного предложения (III, 23).

Говорной стих имеет много форм — от торжественного ораторского стиха (I, 2, 5, 6, 7 и др.) до разговорного (II, 43; V, 15, 86 и др.). Его характеризует прежде всего лексика: торжественно-

патетическая в ораторском стихе, обычная литературная в повествовательном, фамильярная в разговорном. В последних двух нередко переносы. Говорной стих часто нестрофичен, в некоторых жанрах употребителен вольный стих. Для повествовательного и разговорного стиха драм, поэм, больших лирических стихотворений типичен 5-стопный ямб, белый, с переносами.

Как уже говорилось, основа стихотворной речи — ритмическая повторность в размере, рифмовке, строфе. Сильным средством выразительности в говорном стихе может быть нарушение повторности, ритмический перебой на всех уровнях стиха {[Русская советская поэзия и стиховедение, 173–184](#)}.

Рассмотрим строфические перебои. Если стихотворение состоит из строф одной модели, например 4-стишие абаб или абба, а последняя строфа неожиданно изменяется (абба или абаб), то два последних стиха выделяют концовку — композиционную вершину стихотворения, разрешение темы (II, [40](#)). Сильнее выделяет концовку неожиданное изменение длины последнего стиха (II, [6](#)). Маяковский любил выделять таким образом важное слово в строфе (V, [15](#), первое 4-стишие). Еще сильнее выделяет концовку изменение количества стихов в строфе, например, 5-стишие после ряда 4-стиший: последний, неожиданный стих звучит с особой силой (III, [64](#); IV, [47](#)). Еще сильнее — сочетание названных выше форм (IV, [58](#)). Очень сильный перебой — неожиданное исчезновение рифмы (IV, [82](#)). Но самый сильный — внезапное изменение стихотворного размера. Встречается он в двух основных видах. Первый — включение в *монометрический* (т. е. одноразмерный) текст одного или нескольких стихов другого размера (III, [5](#), [16](#), [52](#), [56](#)). Такой стих резко выделяется. Второй вид — столкновение в пределах одного стихотворения или главы поэмы кусков, написанных разными, обычно контрастирующими размерами, так называемая *полиметрическая* (многоразмерная) композиция. В этом случае граница между размерами обычно совпадает с тематическим переломом.

Крупное произведение с одним — двумя иноразмерными кусками — это еще не полиметрия. Иноразмерные куски в нем — «вставные номера», воспринимаемые обычно как цитата. Например, нестрофическое письмо Татьяны и песня девушек в «Евгении Онегине». Иное дело — «кусковая» полиметрия из сопоставимых по величине фрагментов. В XVIII в. так писали либретто опер, кантаты, хоры. В этом случае изменение размера обозначало переход от одной роли или партии в хоре к другой. Примеры в книге не приведены, потому что произведения этого жанра очень велики, а отрывки из них не дадут представления о композиции целого. В сравнительно небольших произведениях «куски» могут быть композиционно организованы: двухчастная композиция (II, [59](#); IV, [104](#); V, [11](#)); трехчастная композиция типа аба (II, [94](#); IV, [40](#)); урегулированное чередование строф разных размеров или разного строения — такая композиция может сблизиться с развернутым рефреном (II, [66](#), [95](#); III, [72](#); IV, [82](#)); наконец, деление произведения на ряд «кусков», различных и тематически, и метрически (IV, [83](#); V, [14](#), [17](#)). Такая композиция встречается в поэмах Некрасова («Современники»), Маяковского («Хорошо!») и др. Того же типа полиметрию встречаем в детских сказках К. И. Чуковского (V, [31](#)). Он сам теоретически обосновал такую структуру {[Чуковский, 706](#)}.

Встречаются и полиметрические строфы: стихи разных размеров чередуются в них в строго определенном порядке (III, [45](#), [58](#); IV, [32](#)). Это уже переход к строфическому логоэду. Если разноразмерны полустихия, это логоэд строчной (IV, [77](#)).

Чередование в стихотворении кусков одного метра, но разных размеров назовем *полиструктурой*.

Еще в XIX в. были единичные опыты сложных структур, когда менялись размеры не только в «кусках», но и внутри «кусков», так что смена размера не была мотивирована содержанием (II, [61](#)). В творчестве Хлебникова и некоторых его последователей наряду с «кусковой» полиметрией (IV, [130](#)) нередко переходы от одного размера к другому в пределах одной

рифменной цепи, даже внутри одного предложения, без всякой тематической обусловленности — такую форму можно назвать *зыбким метром* (IV, [128](#), [132](#), [135](#); V, [105](#)). Устойчивой традиции подобный стих не образовал.

* * *

Даже из этого краткого очерка видно, как разнообразен русский стих. Некоторые его формы жили недолго и стали достоянием истории; многие живут по сей день. Каждый период вносит нечто новое, что остается в наследство потомкам. Современная поэзия поражает богатством форм — как доставшихся от прошлого, так и найденных недавно и изобретаемых сегодня.

I. XVIII век

Петровские реформы определили решительный перелом в русской жизни. Начался новый период истории России. Новый характер приобретает и литература, прежде всего поэзия. Это время формирования и расцвета классицизма, время утверждения русского просветительства. Конец столетия ознаменован появлением писателей-сентименталистов и стремлениями к демократизации поэзии.

Стих XVIII века

Метрика, ритмика. В первой трети XVIII в. еще господствовал силлабический стих. Главные его признаки — равносложность стихотворных строк, сплошная женская рифма; господствующие формы — 13-сложник с цезурой после 7-го слога (7 + 6) и 11-сложник (5 + 6). Неупорядоченность в расположении ударений делала его недостаточно ритмичным. Поиски новых форм стиха, соответствующих естественным свойствам русского языка, завершились теоретическими изысканиями и поэтической деятельностью В. К. Тредиаковского и М. В. Ломоносова, к которым вскоре присоединился А. П. Сумароков.

В 1735 г. вышел в свет «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковского, в котором он ратовал за новый, «тонический», разделенный на стопы, стих. Тредиаковский предлагал писать только 2-сложными стопами, из которых высоко ценил хорей, а «иамб» полагал «весьма худым»; примеры в тексте и приложенные стихотворения написаны только хореем.

Реформа Тредиаковского не была последовательной. Ссылаясь на установившуюся традицию, он сохранял неприменную равносложность стихов и поэтому возражал против принятого в любимой им французской поэзии чередования мужских и женских рифм, во французской терминологии *marriage* — супружество рифм. (Во французском языке XVI в. прилагательные и некоторые существительные женского рода имели ударение на предпоследнем слоге, мужского рода — на последнем, отсюда и термины. С XVII в. конечные «е» стали

«немыми», но в стихах и пении по традиции произносились.) Метафорически развивая французский термин, Тредиаковский писал, что сочетать женские рифмы с мужскими — все равно, что выдать замуж младую «европскую красавицу» за «дряхлого ... девяносто лет имеющего арапа» {Тредиаковский, 383}. Образец 13-сложного хорей Тредиаковского — его «Элегия» (I, 1).

В 1739 г. студент М. В. Ломоносов, изучивший трактат Тредиаковского, прислал из Германии в Академию наук «Письмо о правилах российского стихотворства» и приложенную к нему «Оду ... на победу над турками и на взятие Хотина» — первый русский 4-стопный ямб. Ломоносов довел до конца реформу, начатую Тредиаковским; в «Письме...» он утверждал, что в русском стихе возможны и 2-сложные, и 3-сложные стопы, но сам писал только 2-сложными; ямбы он считал лучшими для «высокого» слога, хорей — для выражения «аффектов» (чувств). Отказался он и от равносложности стихов. Поклонник немецкой тонической поэзии, не любивший французскую, он тем не менее ратовал за чередование женских и мужских рифм: «... для чего нам ... самовольную нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужских бодрость и силу ... оставлять?» {Ломоносов, 489–492}. Лет двенадцать спустя он напишет насмешливое полемическое стихотворение, в котором, выворачивая наизнанку метафору Тредиаковского («Штивелия»), объявит мужскую рифму «завидным молодцом» и «законным мужем» женской (I, 10). Правило чередования утвердилось в поэзии XVIII в., ему следовали во всех жанрах, кроме любовной «песни»: они действительно обычно писались на популярный песенный мотив, их ритм был задан мелодией. Сплошные мужские рифмы в высоком жанре — едва ли не единичное исключение (I, 5).

Реформу Ломоносова иногда сводили к простому заимствованию из немецкой поэзии. Это — упрощение. Ломоносов заимствовал из немецкой поэзии тонические ямбы, но возможность такого заимствования четко аргументировал: «Российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству; а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить» {Ломоносов, 486}.

Первоначально он стремился писать на немецкий лад только полноударными ямбами, без пиррихий (I, 5). Но вскоре отказался от этого (I, 6, 7, 9, 10). В немецком языке одно ударение падает в среднем на два слога, а в русском — на три. «Природное языка свойство» оказалось важнее иноязычного образца.

Ломоносов, а за ним и Сумароков считали ямб «высоким» метром, Тредиаковский защищал хорей. В 1744 г. они втроем издали книжку «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев, из которых каждый одну сложил особливо»^[7] (I, 2, 6, 12). В наши дни спор о том, какой размер сам по себе лучше, кажется наивным — но поэты стояли тогда лишь у истоков современного русского стиха. Тредиаковский написал свое «предложение» псалма 4-стопным хореем с чередованием рифм, а Ломоносов и Сумароков — 4-стопным ямбом. (Тредиаковский пытался спасти и свой 13-сложный хорей, меняя местами полустишия (пара 7 + 6, затем 6 + 7), чтобы, сдвигая цезуру, добиться чередования женских и мужских двустушии (I, 3). Но такой стих звучал неуклюже, аритмично.)

В споре победил Ломоносов. Через полвека, в 1790 г., в «Путешествии из Петербурга в Москву», в главе «Тверь», А. Н. Радищев писал: «Парнас окружен Ямбами, и Рифмы стоят везде на карауле». Действительно, ямб — основной метр поэзии XVIII в. Свыше 80% произведений и стихотворных строк написано ямбом, более 10% — хореем, на долю 3-сложников приходится 2% произведений и втрое меньше стихотворных строк, потому что этими размерами писали только небольшие стихотворения. Среди ямбов на первом месте стоят вольные (более четверти всех стихотворных произведений), за ними 6-стопные (четверть произведений) и 4-стопные (одна пятая). Трехстопные и смешанные — по 5% {Вишневский, 254–258}.

В стихосложении XVIII в. видны две противоположные тенденции. Поэтика классицизма (господствовавшего приблизительно до 90-х годов) требовала подражания прекрасным образцам и прикрепления стиля (высокого, среднего, низкого) к жанрам (высоким, средним, низким). С этим связана и тенденция прикрепления к жанру и стихотворных форм. Так, высокие поэмы и трагедии писали почти исключительно «героическим стихом» — 6-стопным ямбом (I, 13); басни, начиная с Сумарокова, — вольным (I, 20); оды — в основном 4-стопным (I, 5, 6, 7). Анакреонтика тяготела к 3-стопному ямбу и 4-стопному хорею (I, 9, 11). Хорей, преимущественно 4-стопный, вообще ощущался как размер «легкой» поэзии: любовных песен, стихотворений шуточных (I, 33), стилизаций под народный стих — в этом случае чаще белый, то с дактилическими окончаниями (I, 38), то с женскими (I, 41). Последний создал длительную традицию, дожившую до XX в. Им переводили у нас иноязычный эпос: финскую «Калевалу», «Песнь о Гайавате» Лонгфелло (IV, 79). М. Горький написал им «Песню о Буревестнике» (IV, 80).

Другая, противоположная, тенденция была следствием того, что новый русский стих только что родился, и надо было искать новые его формы. Дух экспериментаторства пронизывает творчество Тредиаковского, Сумарокова, Державина. Сумароков написал духовную оду вольными ямбами (I, 17), а в малых жанрах перепробовал много новых размеров и строф (I, 19, 21, 22), включая даже античный логоэд (I, 14), доживший до советской поэзии пеон III (I, 23). И. Ф. Богданович пишет свою «Душеньку» не 6-стопным, а вольным ямбом (I, 25). Ямб 6-стопный спускается с высот поэмы и трагедии до малых жанров (I, 18, 39) и вскоре становится универсальным; за ним в этом направлении следует 4-стопный (I, 40). Дольше всего сохраняется ореол «легкости» за 3-стопным ямбом и песенности — за 4-стопным хореем.

Интересны поиски безрифменного стиха. Тредиаковский разработал гекзаметр в огромной «Тилемахиде» (I, 4). Она была осмеяна современниками, и гекзаметр был забыт до XIX в.

В конце XVIII в. белый стих развивался в малых жанрах у Карамзина и его последователей (I, 35, 37, 38), а также в экспериментах Державина (I, 30).

Своеобразна ритмика ямба XVIII в. Самый популярный размер русской поэзии, 4-стопный ямб, в оде XVIII в. звучит тяжело. Такой затрудненный ритм, прекрасно подходящий к высокому стилю оды, объясняется тенденцией выделять ударением не только концы строк (константное ударение), но и начала. Преобладает асимметричная III форма 4-стопного ямба с пиррихием на 2-й стопе («На лаковом полу моём»), II форма, в которой ударны 2-я и 4-я стопа, что создает ощущение симметричности, легкости («Из теремов своих янтарных»), употребляется гораздо реже. Например, в отрывке из «Видения мурзы» (I, 29) из 52 стихов — III формы 16, II — 2.

Рифма. В XVIII в. кончается господство грамматической рифмы, типичной для XVII в. Еще в силлабике у Кантемира появляются разнородные рифмы (*полосата — злата* и т. п.); у Ломоносова их много: *ночь — прочь* и т. п. (I, 5). Ломоносов вначале иногда рифмовал мужские открытые без опорного согласного (*льде — огне*, I, 5), потом стал их избегать. Начиная с Сумарокова, ценится богатая рифма.

До Державина ударное *é* за единичными исключениями не переходило перед твердыми согласными в *ë*. Дерзкий новатор во всем, Державин наряду с традиционными *свёт — сечёт, возвышённый — дерзновенный* и т. д. (I, 26) вводит иногда разговорные *тобою — струёю* (I, 27). В отличие от предшественников, Державин часто пользовался неточной рифмой: *уединённый — царёвны, ласточка — касаточка, снегирь — лир, трубный — чудный* и т. п. (I, 29, 31, 32, 34). У Державина были последователи, но XIX век опять вернулся к точной рифме.

Строфика, интонация. В строфике проявляются те же противоположные тенденции, что и в метрике: подражание образцам и поиски нового, эксперименты.

Вольный ямб всегда астрофичен, с вольной рифмовкой — это самая свободная из всех форм классицизма.

6-стопный ямб выступает почти исключительно в форме александрийского стиха. Формально он астрофичен, однако в нем наблюдается тенденция к смысловой замкнутости зарифмованных пар и смыканию двух пар в еще большее единство; таким образом часто образуются скрытые двестишия и четверостишия — даже в драме, в монологах и пространных репликах.

Из стрóf самой популярной была одическая (почти всегда — 4-стопный ямб). Духовные оды писали разными строфами: и одической (I, [2](#)), и 4-стишиями (I, [6](#), [16](#)), и популярными 6-стишиями (I, [5](#), [12](#)), и нестрофическими вольными ямбами.

Виртуозным изобретателем стрóf был Державин. Наряду с простыми 4-стишиями и 8-стишиями из двух 4-стиший одинакового строения или разных (I, [26](#), [30](#)), он сочиняет небывалые ранее строфы, употребляющиеся по одному разу. «Снигирь» замечателен не только размером, но и строфой: в его 6-стишиях АБАБВГ последние два стиха зарифмованы с последними стихами следующей строфы: ДеДеВГ (I, [32](#)). В «Осени во время осады Очакова» 8-стишия сгруппированы тройками: за каждым белым следуют два рифмованных (I, [30](#)). 5-стишия «Ключа» замыкаются холостыми стихами (I, [27](#)). Чудовищные 16-стишия «Фонаря» (I, [34](#)) улавливаются слухом потому, что обрамлены, как рефреном, кольцом коротких стихов.

Четкие белые 4-стишия ХхХх находим и у Карамзина (I, [37](#)). Они не рассыпаются благодаря чередованию клаузул, завершенности строфы и песенной симметричности (2 + 2).

Строфы XVIII в., кроме одической, не усвоены в XIX в. (не считая общеупотребительных 4-стиший, 6-стиший и 8-стиший). Едва ли не единственный эксперимент XVIII в., варьировавшийся и усложнявшийся впоследствии, — это длинное стихотворение на одну сквозную рифму, перемежающуюся с другими (I, [24](#)).

В период классицизма интерес к фольклору ограничивался в поэзии преимущественно песней. В предромантический период интерес к фольклору усиливается, учащаются попытки имитировать народный стих, и не только песенный, но и эпический. Народный стих — это по преимуществу тактовик {Гаспаров, [352–371](#)}. В общем свободном ритме тактовика могут встречаться и 5-сложники, и пеоны, и хорей и т. п., иногда в какой-либо песне преобладает один из этих размеров. Поэты XVIII в. обычно выбирали какой-либо один размер и им писали все произведение (I, [19](#), [21–23](#), [38](#), [41](#)). Очень характерно примечание Карамзина о размере его «богатырской сказки» «Илья Муромец» (I, [38](#)). В наши дни оно кажется наивным, но тогда изучение фольклора только начиналось. Теоретики и поэты глубже постигнут характер народного стиха только в первой трети XIX в., когда на первый план выдвигается проблема народности и усиливается изучение народной поэзии.

В. К. Тредиаковский (1703–1768)

1. Элегия (Отрывок)

Не возможно сердцу, ах! не иметь печали;
Очи такожде еще плакать не престали:
Друга милого весьма не могу забыть,
Без которого теперь надлежит мне жити.
Вижу, ах! что надлежит, чрез судьбу жестоку,
Язву сердца внутрь всего толь питать глубоко:
С Илидарю навек я уж разлучился

И в последние тогда весь в слезах простился;
Отнят стал быть от нее чрез страны далéки,
И неверные моря, купно многи рéки;
Темны леса видеть ту се не допускают,
Холмами же от меня горы закрывают;
Скоры ветры донести к ней не могут речи,
Слезны горько проливать нужно мне есть течи.
Счастье прешедше! уж что невозвратимо!
Мучимую только мне мыслию что зримо!
Для чего ты потеряв ныне в Илидаре,
Памяти не потерял о драгой я паре?
Лучше б оныя о той вовсе не имети,
Сердцем нежели всяк день мýку злу терпети.

1735

2. Ода парафрастическая псалма 143 (Отрывок)

Крепкий, чудный, бесконечный,
Полн хвалы, преславный весь,
Боже! ты един превечный,
Сый господь вчера и днесь:
Непостижный, неизменный,
Совершенств пресовершенный,
Неприступна окружён
Сам величества лучами
И огньпальных слуг зарями,
О! будь ввек благословен.

Кто бы толь предивно рúки
Без тебя мне ополчил?
Кто бы пра́щу, а не луки
В брань направить научил?
Ей бы, меч извлек я тщетно,
Ни копьем сразил бы метно,
Буде б ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя,
Слабость мышцы укрепляя,
Сил господь и правды бог.

1744

3. Ворон и Лисица

Негде Вóрону унести сыра часть случилось;
На́ дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поестъ;
Для того, домочься б, вздумала такую лесьть:
Воронову красоту, перья цвет почтивши,
И его вещьбу еще также похваливши,
«Прямо, — говорила, — птицею почту тебя

Зевсовою впрядки, буде глас твой для себя
И услышу песнь, доброт всех твоих достойну».
Ворон похвалой надмен, мя себе пристойну,
Начал, сколько можно громче, кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать;
Но тем самым из его носа растворённа
Выпал на землю тот сыр. Лиска, ободрённа
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Вóрон; только ты без сердца мех».

<1752>

4. Тилемахида (Отрывок)

Древня размера стихом пою отцелюбного сына,
Кой, от-природных берегов поплыв и странствуя долго,
Был провождаем везде Палладюю Ментора в виде:
Много ж коль ни-страдал от гневныя он Афродиты,
За любострастных сея утех презор с омерзеньми;
Но прикровенна премудрость с ним от-всех-бед избавляла,
И возвратишуся в дом даровала рождшего видеть.
Странно ль, быть добродетели так увенчанной успехом?
Муса! повеждь и-вину, и-конец путешествий сыновских,
Купно, в премене царств и-людей, приключения разны;
Рцы, коль-без-кротости юноша пыщ, без скромности
дерзок;
Без направлений стремглав, чужд-искусства без-
навыков дельных;
Вне постоянства превратен, и-твердости вне легкомыслен;
Коль есть медлен ко-благу, творить-зло, игру-
тщу пристрастен;
Чаять всего от-себя, но-без-помощи реяться в бездны:
Всё ж и-сие и то украси примышлений убранством.
А воскриляя сама, утверди парить за-Омиром,
Слог «Одиссии» веди стопой в Фенелонове слоге:
Я не-сравниться хочу прославленным толь стихопевцам:
Слуху российскому тень подобия токмо представлю,
Да громогласных в нас изошрю достигать совершенства.

1766

М. В. Ломоносов (1711–1765)

5. Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;

Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублён,
Теряюсь, мыслями утомлён!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет, —
Скажите, что нас так мятёт?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блестят,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верьхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звёзд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

6. Ода парафрастическая псалма 143 (Отрывок)

Благословен господь мой бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

Заступник и спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О боже, что есть человек?
Что ты ему себя являешь,
И так его ты почитаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.

1744

7. Ода на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 ГОДА (Отрывки)

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Дерзают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее ра́я.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв облобызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойствием не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!
.....

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет,
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.
.....

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,

В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

1747

8

Я знак бессмертия себе воздвигнул
Превыше пирамид и крепче меди,
Что бурный Аквилон сотреть не может,
Ни множество веков, ни едка древность.
Не вовсе я умру, но смерть оставит
Велику часть мою, как жизнь скончаю.
Я буду возрастать повсюду славой,
Пока великий Рим владеет светом.
Где быстрыми шумит струями Авфид,
Где Давнус царствовал в простом народе,
Отечество мое молчать не будет,
Что мне беззатной род препятством не был,
Чтоб внести в Италию стихи эольски
И первому звенеть Алцейской лирой.
Взгордися праведной заслугой, муза,
И увенчай главу дельфийским лавром.

<1747>

9

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.
Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятной перервался
В начале самом сон.
«Кто так стучится смело?» —
Со гневом я вскричал.
«Согрей обмерзло тело, —
Сквозь дверь он отвечал. —
Чего ты устранился?
Я мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу».
Тогда мне жалко стало,

Я свечку засветил,
Не медлиши нимало
К себе его пустил.
Увидел, что крилами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.
Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.
Я теплыми руками
Холодны руки мял,
Я крылья и с кудрями
До с́уха выжимал.
Он чуть лишь ободрился,
«Каков-то, — молвил, — лук,
В дожде, чать, повредился».
И с словом стрéлил вдруг.
Тут грудь мою пронзила
Преострая стрела
И сильно уязвила,
Как злобная пчела.
Он громко рассмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался? —
С насмешкою сказал, —
Мой лук еще годится,
И цел и с тетивой;
Ты будешь век крушиться
Отнынь, хозяин мой».

<1747>

10. На сочетание стихов российских

Я мужа бодрого из давных лет имела,
Однако же вдовой без онога сидела.
Штивелий уверял, что муж мой худ и слаб,
Бессилен, подл, и стар, и дряхлой был арап
Сказал, что у меня кривясь трясутся ноги
И нет мне никакой к супружеству дороги.
Я думала сама, что вправду такова,
Не годна никуда, увечная вдова.
Однако ныне вся уверена Россия,
Что я красавица, Российска поэзія,
Что мой законной муж завидный молодец,
Кто сделал моему несчастью конец.

Между 1751 и 1753

11. Разговор с Анакреоном (Отрывок)

Анакреон

Ода XI

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет»,
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед»;
Я не тужу ни мало,
Еще ль мой волос цел,

Иль темя гладко стало,
И весь я побелел;
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов

Ответ

От зеркала сюда взгляни, Анакреон,
И слушай, что ворчит, нахмурившись, Катон:
«Какую вижу я седую обезьяну?
Не злость ли адская, такой оставя шум,
От ревности на смех склонить мой хочет ум?
Однако я за Рим, за вольность твердо стану,
Мечтаниями я такими не смущусь
И сим от Кесаря кинжалом свобожусь».
Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввести в республику порядок.
Ты век в забавах жил и взял свое с собой,
Его угрюмством в Рим не возвращен покой;
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху;
Зерном твой отнял дух приятной виноград,
Ножом он сам себе был смертный супостат;
Беззлобна роскошь в том была тебе причина,
Упряжка славная была ему судьбина;
Несходства чудны вдруг и сходства понял я,
Умнее кто из вас, другой будь в том судья.

Анакреон

Ода XXVIII

Мастер в живописстве первой,
Первой в Родской стороне,
Мастер, научен Минервой,
Напиши любезну мне.
Напиши ей кудри чёрны,

Без искусных рук уборны,
С благовонием духов,
Буде способ есть таков.

Дай из роз в лице ей крови,
И как снег представь белу,
Проведи дугами брови
По высокому челу,
Не сведи одну с другою,
Не расставь их меж собою,
Сделай хитростью своей,
Как у девушки моей;

Цвет в очах ее небесной,
Как Минервин, покажи
И Венерин взор прелестной
С тихим пламенем вложи,
Чтоб уста без слов вещали
И приятством привлекали
И чтоб их безгласна речь
Показалась медом течь;

Всех приятностей затеи
В подбородок умести
И кругом прекрасной шеи
Дай лилеям расцвести,
В коих нежности дышают,
В коих прелести играют
И по множеству отрад
Водят усумненной взгляд;

Надевай же платье ало
И не тщись всю грудь закрыть,
Чтоб, ее увидев мало,
И о прочем рассудить.
Коль изображенье мочно,
Вижу здесь тебя заочно,
Вижу здесь тебя, мой свет;
Молви ж, дорогой портрет.

Ломоносов

Ответ

Ты счастлив сею красотою
И мастерством, Анакреон,
Но счастливее ты собою
Через приятный лиры звон;
Тебе я ныне подражаю
И живописца избираю,
Дабы потщился написать

Мою возлюбленную Мать.

О мастер в живописстве первой,
Ты первой в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне,
Изобрази ей возраст зрелой
И вид в довольствии весёлой,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу;

Потщись представить члены здравы,
Как должны у богини быть,
По плечам волосы кудрявы
Признаком бодрости завить,
Огнь вложи в небесны очи
Горящих звезд в середине ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажет после туч покой;

Возвысь сосцы, млеком обильны,
И чтоб созревша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
В беседе важность обещали
И так бы слух наш ободряли,
Как чистой голос лебедей,
Коль можно хитростью твоей;

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец;
О коль изображение сходно,
Красно, любезно, благородно,
Великая промолви Мать,
И повели войнам престать.

Между 1756 и 1761

А. П. Сумароков (1717–1777)
12. Ода парафрастическая псалма 143 (Отрывок)

Благословен творец вселенны,
Которым днесь я ополчен!
Се руки ныне вознесены,
И дух к победе устремлен:
Вся мысль к тебе надежду правит;
Твоя рука меня прославит.

Защитник слабыя сей груди

Невидимой своей рукой!
Тобой почтут мои мя люди,
Подверженны под скипетр мой.
Правитель бесконечна века!
Кого ты помнишь! человека.

Его весь век как тень преходит:
Все дни его есть суета.
Как ветер пыль в ничто преводит,
Так гибнет наша красота.
Кого ты, творче, вспоминаешь!
Какой ты прах днесь пославляешь!

1744

13. Семира Трагедия (Отрывок)

ДЕЙСТВИЕ 1

Явление 1

Семира и Избрана.

Семира

Что к горести меня любовь воспламеняла,
Я часто то тебе, Избрана, предвещала.
Сбылось ли то теперь? Рок муки те принёс.
Где помощи искать?! Правители небес,
В тоске и жалости мой дух изнемогает,
И сердце томное крушится и страдает!
С предальной высоты воззрите к сей стране
И, унывающей, подайте крепость мне!
Избрана, я хочу любовника оставить
И, одолев себя, навек себя прославить.

Избрана

Но будешь ли иметь толико много сил?

Семира

Хотя возлюбленный мне больше жизни мил,
Но помню то, что им отец мой свержен с трона
И наша отдана им Игорю корона.
Когда Оскольд, мой брат, надежды не имел
Вселенной показать своих геройских дел,
Я сердца своего тогда не побеждала,
А ныне часть моя совсем пременна стала.
Олег невольников от уз освободил
И щедро из темниц невольных испустил,
Чтоб нашим подданным, отдав им их свободу,
Явить себя отцом плененному народу
И, покорив сердца, искати новых стран.
Но брату моему на то ль дух гордый дан,
Чтоб он был раб и чтоб он пребыл во неволе

И видел Игоря на Киевском престоле?
На то ли Кий сей град стенами окружил,
Чтоб сродник в нем его рабом Олегу был?

1751

14. Гимн Венере

Сафическим стопосложением

Не противлюсь сильной, богиня, власти;
Отвращай лишь только любви напасти.
Взор прельстив, мой разум ты весь пленила,
Сердце склонила.

Хоть страшимся к жизни прейти мятежной,
Произвольно жертвуем страсти нежной.
Ты пространной всею вселенной правишь,
Праздности славишь.

Кои подают от тебя успехи,
Можно ли изъяснить сии утехи:
Всяк об оных, ясно хоть ощущает,
Тёмно вещает.

Из сего мне века не сделай слезна;
Паче мне драгая всего любезна:
Я для той, единой лишь кем пылаю,
Жизни желаю.

Дух мой с нею, радуясь, обитает,
Кровь моя возлюбленным взором тает,
Я живу подвластен в такой неволе
Счастливым боле.

Всё тогда, как с ней, веселясь, бываю,
Удаленный шума, позабываю,
В восхищеньи чувствую жизни сладость,
Крайнюю радость.

Кем горю, я мышлю о ней единой,
И доволен ныне своей судьбиной;
Сердце полно жаром к кому имею,
Тою владею.

<1755>

15. Сонет

Когда вступил я в свет, вступив в него, вопил,
Как рос, в младенчестве, влекомый к добру нраву,
Со плачем прменял младенческу забаву.
Растя, быв отроком, наукой мучим был.

Возрос, познал себя, влюблялся и любил
И часто я вкушал любовную отраву.
Я в мужестве хотел имети честь и славу,
Но тщанием тогда я их не получил.

При старости пришли честь, слава и богатство,
Но скорбь мне сделала в довольствии препятство.
Теперь приходит смерть и дух мой гонит вон.

Но как ни горестен был век мой, а стоною,
Что скончается сей долгий страшный сон.
Родился, жил в слезах, в слезах и умираю.

<1755>

16. На суету человека

Суетен будешь
Ты, человек,
Если забудешь
Краткий свой век.
Время проходит,
Время летит,
Время проводит
Всё, что ни льстит.
Счастье, забава,
Светлость корон,
Пышность и слава —
Всё только сон.
Как ударяет
Колокол час,
Он повторяет
Звоном сей глас:
«Смертный, будь ниже
В жизни ты сей;
Стал ты поближе
К смерти своей!»

<1759>

17. Час смерти

О мысли люты!
Кончается моё
На свете бытиё,
Преходит житиё,
Пришли последние минуты,
Пришел ко мне тот час,
Который преселяет нас
Во мрачну бесконечность.
Отверста моему смятенну духу вечность:

Погаснут данные мне искры божества,
Потухнут мысли все и чувство вещества,
В ничто преобращусь навек из существа;
Престрашную судьбою
Расстанусь навсегда
Со светом и с собою,
Засну, и не проснуся никогда.
На то ль я, боже мой, произведен тобою,
Чтоб сей вкусил я страх
И претворился в прах?
Щедролюбивая и всемогуща сила
Нельзя, чтоб действие лютейшее сносила —
Восстану я опять.
Но, ах, возможно ли исчезнуть и восстать?
Когда есть бог, возможно,
А бог, конечно, есть, мы знаем то неложно.

<1759>

18. Эпиграмма

Танцовщик! Ты богат. Профессор! Ты убог.
Конечно, голова в почтеньи меньше ног.

<1759>

19

Тщетно я скрываю сердца скорби люты,
Тщетно я спокойною кажусь.
Не могу спокойна быть я ни минуты,
Не могу, как много я ни тщусь.
Сердце тяжким стоном, очи током слёзным
Извлекают тайну муки сей;
Ты мое старанье сделал бесполезным,
Ты, о хищник вольности моей!

Ввергнута тобою я в сию злу долю,
Ты спокойный дух мой возмутил,
Ты мою свободу пременял в неволю,
Ты утечи в горесть обратил;
И, к лютейшей муке, ты, того не зная,
Может быть, вздыхаешь о иной,
Может быть, бесплодным пламенем сгорая,
Страждешь ею так, как я тобой.

Зреть тебя желаю, а узрев, мятуся
И боюсь, чтоб взор не изменил;
При тебе смущаюсь, без тебя крушуся,
Что не знаешь, сколько ты мне мил.
Стыд из сердца выгнать страсть мою стремится,

А любовь стремится выгнать стыд.
В сей жестокой брани мой рассудок тьмится,
Сердце рвется, страждет и горит.

Так из муки в муку я себя ввергаю,
И хочу открыться, и стыжусь,
И не знаю прямо, я чего желаю,
Только знаю то, что я крушусь;
Знаю, что всеместно пленна мысль тобою
Вображает мне твой милый зрак;
Знаю, что, вспаленной страстию презлою,
Мне забыть тебя нельзя никак.

<1759>

20. Ворона и Лиса

И птицы держатся людского ремесла.
Ворона сыру кус когда-то унесла
И на дуб села.
Села,
Да только лишь еще ни крошечки не ела.
Увидела Лиса во рту у ней кусок,
И думает она: «Я дам Вороне сок!
Хотя туда не вспряну,
Кусочек этот я достану,
Дуб сколько ни высок».
«Здорово, — говорит Лисица, —
Дружок, Воронушка, названная сестрица!
Прекрасная ты птица!
Какие ноженьки, какой носок,
И можно то сказать тебе без лицемерья,
Что паче всех ты мер, мой светик, хороша!
И попугай ничто перед тобой, душа,
Прекраснее стократ твои павлиньих перья!»
(Нелестны похвалы приятно нам терпеть).
«О, если бы еще умела ты и петь,
Так не было б тебе подобной птицы в мире!»
Ворона горлышко разинула пошире,
Чтоб быти соловьём,
«А сыру, — думает, — и после я поем.
В сию минуту мне здесь дело не о пире!»
Разинула уста
И дождалась поста.
Чуть видит лишь конец Лисицына хвоста.
Хотела петь, не пела,
Хотела есть, не ела.
Причина та тому, что сыру больше нет.
Сыр выпал из роту, — Лисице на обед.

<?>

21

Лжи на свете нет меры,
То ж лукавство да то ж.
Где ни ступишь, тут ложь;
Скроюсь вечно в пещеры,
В мир не помня дверей:
Люди злые зверей.

Я сокроюсь от мира,
В мире дружба — лишь лесть
И притворная честь;
И под видом зефира
Скрыта злоба и яд,
В райском образе ад.

В нем крючок богатится,
Правду в рынокнося
И законы кося;
Льстец у бар там лестится,
Припадая к ногам,
Их подобя богам.

Там Кашей горько плачет:
«Кожу, кожу дерут!»
Долг с Кашея берут;
Он мешки в стену прячет,
А лишась тех вещей,
Стонет, стонет Кашей.

<?>

22

Трепещет и рвется,
Страдает и стонет.
Он верного друга,
На брег сей попадша,
Желает объяти,
Желает избавить,
Желает умереть!
Лицо его бледно,
Глаза утомлённы;
Бессильствуя молвить,
Вздыхает лишь он!

<?>

23

Не грусти, мой свет! Мне грустно и самой,

Что давно я не видалася с тобой, —
Муж ревнивый не пускает никуда;
Отвернусь лишь, так и он идет туда.

Принуждает, чтоб я с ним всегда была;
Говорит он: «Отчего невесела?»
Я вздыхаю по тебе, мой свет, всегда,
Ты из мыслей не выходишь никогда.

Ах, несчастье, ах, несносная беда,
Что досталась я такому, молода;
Мне в совете с ним вовеки не живать.
Никакого мне веселья не видать.

Сокрушил злодей всю молодость мою;
Но поверь, что в мыслях крепко я стою;
Хоть бы он меня и пуще стал губить,
Я тебя, мой свет, вовек буду любить.

<1770>

24. Двадцать две рифмы

Потемкин! Не гнусна хорóша рифма взгляду
И слуху не гадка,
Хотя слагателю приносит и досаду,
Коль муза не гладка,
И геликонскому противна вертограду,
Когда свиньей визжит.
И трудно рифмовать писцу, в науке младу,
Коль рифма прочь бежит.
Увидеть можно рифм великую громаду,
Но должно ль их тянуть?
А глупые писцы их ищут, будто кладу,
В кривой тащат их путь.
Что к ним ни прибредет, поставят рифмой сряду,
Так рифма негодна!
А я на рифму век некстати не наяду,
Хоть рифма не бедна.
К заросшему она вралею приводит саду,
Где только лес густой,
И ко ощипанну под осень винограду,
Где хворост лишь пустой.
Набрався таковы в избах пииты чаду,
Вертятся кубарем
И ставят хижину свою подобно граду,
Вздуваясь пузырем.
Я век ни разума, ни мысли не украду,
Имея чистый ум.
Не брошу рифмою во стихотворство яду

И не испорчу дум.
Не дам, не положу я рифмой порчи складу,
Стихов не поврежу;
Оставлю портить я стихи от рифмы гаду,
Кто гады — не скажу.
Им служит только то за враки во награду,
Что много дураков,
Которые ни в чем не знали сроду ладу,
И вкус у них таков.
Несмысленны чтецы дают писцам отраду,
Толпами хвалят их,
Хотя стихи пищат и спереду и сзаду,
И Аполлон им лих.
Однако скверному такому муз он чаду
Обиды не творит.
Так он не свернется, хотя и врет, ко аду,
И в аде не сгорит.

<1774>

И. Ф. Богданович (1743–1803)

25. Душенька Древняя повесть в вольных стихах (Отрывок)

Не Ахиллесов гнев и не осаду Трои,
Где в шуме вечных ссор кончали дни герои,
Но Душеньку пою.
Тебя, о Душенька! на помощь призываю
Украсить песнь мою,
Котору в простоте и вольности слагаю.
Не лиры громкий звук — услышишь ты свирель.
Сойди ко мне, сойди от мест, тебе приятных,
Вдохни в меня твой жар и разум мой осмелъ
Коснуться счастья селений благодатных,
Где вечно ты без бед проводишь сладки дни,
Где царствуют без скуп веселости одни.
У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаявал не раз.
С тобою нежные присутствуют зефиры,
Бегут от мест, где ты, докучные сатиры,
Хулы и критики, и грусти и беды;
Забавы без тебя приносят лишь труды:
Веселья морщатся, амуры плачут сиры.

О ты, певец богов,
Гомер, отец стихов,
Двойчатых, равных, стройных

И к пению пристойных!
Прости вину мою,
Когда я формой строк себя не беспокою
И мерных песней здесь порядочно не строю.
Черты, без равных стоп, по вольному покрóю,
    На разный образец крою,
    И малой меры и большия,
    И часто рифмы холостые,
Без сочетания законного в стихах,
    Свободно ставлю на концах.
А если от того устану,
Беструдно и отважно стану,
Забыв чернил и перьев страх,
Забыв сатир и критик грóзу,
Писать без рифм иль просто в прозу.
Любя свободу я мою,
Не для похвал себе пою;
Но чтоб в часы прохлад, веселья и покоя
    Приятно рассмеялась Хлюя.

1778–1783

Г. Р. Державин (1743–1816) **26. На смерть князя Мещерского**

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак, сечёт.

Ничто от роковых кохтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глощает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,

И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чаёт;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались клики,
Надгробные там воют лики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышённый,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,

Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

<1779>

27. Ключ

Седящ, увенчан осокóю,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, доли злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои серебристы
Глядится красная заря,
Какие пурпурь огнисты

И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Гора, в день стадом покровённу,
Себя в тебе, любуясь, зрит;
В твоих водах изображённу
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

О! коль ночьюю темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!

Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:
Завидую пиита счастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.

Напой меня, напой тобою,
Да воспую подобно я,
И с чистою твоей струёю
Сравнится в песнях мысль моя,
А лирный глас — с твоим стремленьем.

Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной Россиады,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

1779

28. Разные вина

Вот красно-розово вино,
За здоровье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
    Ты тож румяна, хороша, —
    Так поцелуй меня, душа!

Вот черно-тинтово вино,

За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот слезы ангельски вино,
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

1782

29. Видение Мурзы (Отрывок)

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моём.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росую,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоко
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры.
Прохладу чувствам принося.
Я не спал, — и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,

Обилен, здоров, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединённый
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальних,
Украдкой от придворных лиц,
За рассказы, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгоценные дары
И в досканцах червонцы шлют.

1783–1784

30. Осень во время осады Очакова (Отрывок)

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширяя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопки златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птички,
Ковыль серебрится по степям;
Шумящие красно-желтые листья
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,

Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещрённых
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зелёных
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и доли,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом дома,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

1788

31. Ласточка

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком, сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,

Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там серебре;
Там рощи в одежде зелёной,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластаня струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты чёрны
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, —
Но только лишь придет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостя ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

1792–1794

32. Снегирь

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снегирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?

Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отсюда томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

1800

33. Шуточное желание

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девóчкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался.
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

34. Фонарь (Отрывок)

Гремит оргáн на стогне трубный,
Пронзает ночь и тишину;
Очаровательный огонь чудный
Малюет на стене луну.
В ней ходят тени разнородны:
Волшебник мудрый, чудотворный,
Жезла движеньем, уст, очес

То их творит, то истребляет;
Народ толпами поспешает
Смотреть к нему таких чудес.

Явись!
И бысть.

Пещеры обитатель дикий,
Из тьмы ужасной превеликий
Выходит лев.

Стоит, — по гриве лапой кудри
Златые чешет, вьет хвостом;
И ре́в

И взор его, как в мраке бури,
Как яры молнии, как гром,
Сверкая, по лесам грохочет.
Он рыщет, скачет, пищи хочет

И, меж древес
Озетя агницу смире́нну,
Прыгнув, разверз уж челюсть гневну.
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.

Средь гладких океана сткляных,
Зарею утренней румяных
Спокойных недр
Голубо-сизый, солнцеокой
Усатый, тучный рыбий князь,
Осе́тр,

Из влаги появись глубокой,
Пернатой лыстью вокруг струясь,
Сквозь водну дверь глядит, гуляет;
Но тут ужасный зверь всплывает
К нему из бездн,
Стремит в свои вод реки трубы
И, как серпы, занес уж зубы...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.

С долины мирныя, зелены
В полудни лебедь, вознесённый
Под облака,
Веселый глас свой ниспускает;
Его долина, роща, холм,
Река
Стократно эхом повторяет.
Но тут, как быстрый с свистом гром,

На рамена его сребристы
Орел прожорливый, кохтистый
    Упал с небес.
Клюет, терзает, бьет крылами,
И пух летит, как снег полями...
    Исчезнь! Исчез.

1804

Н. М. Карамзин (1766–1826) 35. Осень

Веют осенние ветры
    В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
    Желтые листья.

Поле и сад опустели;
    Сетуют хólмы;
Пение в рощах умолкло —
    Скрылися птички.

Поздние гуси станицей
    К югу стремятся,
Плавным полетом несяся
    В горних пределах.

Вьются седые туманы
    В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
    К небу восходят.

Странник, стоящий на хólме,
    Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
    Томно вздыхая.

Странник печальный, утешься!
    Вянет Природа
Только на малое время;
    Всё оживится,

Всё обновится весною;
    С гордой улыбкой
Снова Природа восстанет
    В брачной одежде.

Смертный, áх! вянет навеки!
    Старец весною
Чувствует хладную зиму
    Ветхия жизни.

36. Эпитафия

Одна нежная мать просила меня сочинить надгробную надпись для умершей двулетней дочери ее. Я предложил ей на выбор пять эпитафий; она выбрала последнюю и приказала вырезать ее на гробе.

Покойся, милый прах, до радостного утра!

37. <Песня из повести «Остров Борнгольм»>

Законы осуждают
Предмет моей любви;
Но кто, о сердце, может
Противиться тебе?

Какой закон святее
Твоих врожденных чувств?
Какая власть сильнее
Любви и красоты?

Люблю — любить ввек буду.
Кляните страсть мою,
Безжалостные души,
Жестокие сердца!

Священная Природа!
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою.
Ты сердце мне дала;

Твои дары благие
Украсили ее, —
Природа! ты хотела,
Чтоб Лилу я любил!

Твой гром гремел над нами,
Но нас не поражал,
Когда мы наслаждались
В объятиях любви.

О Бóрнгольм, милый Бóрнгольм!
К тебе душа моя
Стремится беспрестанно;
Но тщетно слезы лью,

Томлюся и вздыхаю!
Навек я удален
Родительскою клятвой
От берегов твоих!

Еще ли ты, о Лила,
Живешь в тоске своей?
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь?

Явися мне, явися,
Любезнейшая тень!
Я сам в волнах шумящих
С тобою погребусь.

1793

38. Илья Муромец

Богатырская сказка ^[8]

(Отрывок)

Не хочу с поэтом Греции
звучным гласом Каллиопиным
петь вражды Агамемноновой
с храбрым правнуком Юпитера;
или, следуя Вергилию,
плыть от Трои разоренная
с хитрым сыном Афродитиным
к злачным берегам Италии.
Не желаю в мифологии
черпать дивных, странных вымыслов.
Мы не греки и не римляне;
мы не верим их преданиям;
мы не верим, чтобы бог Сатурн
мог любезного родителя
превратить в уroda жалкого;
чтобы Леды были — курицы
и несли весною яйца;
чтобы Пóллуксы с Еленами
родились от белых лебедей.
Нам другие сказки надобны;
мы другие сказки слышали
от своих покойных мамушек.
Я намерен слогом древности
рассказать теперь одну из них
вам, любезные читатели.

1794

39. Impromptu ^[9] Графине Р**, которой в одной святошной игре досталось быть королевою

Напрасно говорят, что случай есть слепец:
Сию минуту он вручил тебе венец,
Тебе, рожденной быть царицею сердец.
Сей выбор доказал, что случай не слепец.

1796

40. Триолет Лизете

«Лизета чудо в белом свете, —
Вздыхнув, я сам себе сказал, —
Красой подобных нет Лизете;
Лизета чудо в белом свете;
Умом зрела в весеннем цвете».
Когда же злость ее узнал...
«Лизета чудо в белом свете!» —
Вздыхнув, я сам себе сказал.

1796

А. Н. Радищев (1749–1802)

41. Бова (Отрывок)

Из среды туманов серых
Времен бывших и протекших,
Из среды времен волшебных,
Где предметы все и лица,
Чародейной мглой прикрыты,
Окруженны нам казались
Блеском славы и сияньем;
Где являются все вещи
Исполинны и Иройски,
Как то в камере обскуре;
Я из сих времен желал бы
Рассказать старинну повесть,
И представить бы картину
Мнений, нравов, обычаев
Лет тех рыцарских преславных
Где кулак тяжеловесный
Степень был ко громкой славе,
А нередко — ко престолу;
Где с венцом всегда лавровым
Венец миртовой сплетался,
Где сражались за славу
И любили постоянство.

<1799>

Ю. А. Нелединский-Мелецкий (1752–1829)

42. Загадка акrostическая

Довольно именем известна я своим;
Равно клянется плут и непорочный им;
Утехой в бедствиях всего бываю боле;
Жизнь сладостней при мне и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ могу служить одна;
А меж злодеями — не быть я создана.

Примечания

В. К. Тредиаковский. **1** X7 цус, 13-сложный (по Тредиаковскому — «экзаметр» с дополнительным ударением перед цезурой), (АА). **2** X4, одическая строфа (АБАБВВгДДг) (ср. I, **6** и **12**). **3** X7 ц 13-сложный, (ААббВВгг...). **4** Гкз.

М. В. Ломоносов. **5** Я4, абабвв. **6** Я4, аББа (ср. I, **2** и **12**). **7** Я4, одическая строфа. **8** Я5 ц (на третьей стопе), б, ж. **9** ЯЗ легкий, «пример из Анакреонта» (примеч. Ломоносова), (АБАб). **10** Яб, Алдр. **11** ПМК: ЯЗ, (АБАб); Яб, Алдр; X4, АБАбВВгг; Я4, АБАбВВгг.

А. П. Сумароков. **12** Я4, АБАбВВ (ср. I, **2**, **6**). **13** Яб, Алдр. **14** Сапфическая строфа: первые три стиха — — — — — — — —, четвертый — — — —. Как обычно в русских подражаниях античным логоэдам, сильные слоги могут быть безударными: «Не противлюсь...». **15** Яб, сонет со строгой рифмовкой: аББа аББа ВВг ДгД. **16** Д2, (АБАб). **17** Я в 6–2, вольн. рифм. **18** Яб, аа. **19** X 65656565, АБАбВгВг; X5 бц. **20** Я в 6–1. **21** Ан2, АббАвв. **22** Амф2, б. **23** ПеIII, 3, аабб. **24** Яб3.., (АБАбАвАв.., рифма А сквозная).

И. Ф. Богданович. **25** Я в 6–3, эпический.

Г. Р. Державин. **26** Я4, аБаБвГГв. Необычен ритм с повышенной ударностью: I, полноударная форма, вместо четверти — почти половина всех стихов, в том числе единственный в русской поэзии стих Я4 с семью ударениями: «Где́ ж он? — Он та́м. — Где́ та́м? — Не зна́ем»; высокая доля, около одной пятой, асимметричной III формы (то же — I, **27**, **29**, **30**); только треть обычно самой частой IV формы. *Глагол времен, металла звон — бой часов. Надгробные лики — хор певчих.* **27** Я4, АБАбX. Наряду с обычными в XVIII в. рифмами с ё рифмы с ё. **28** Я4, аБаБвв (два последних стиха — рефрен). Типичная для Державина неточная рифма *светловласых — прекрасных.* **29** Я4, (АБАб). Неточные рифмы: *уединённый — царёвны, янтарных — дальних, что-нибудь — шлют.* **30** Я4. 8-ст идут тройками: первое — без рифм, с чередованием окончаний: XxXx...; второе и третье АБАбВгВг. Неточные рифмы *испещрённых — зелёных*; конечное г рифмуется с х: *вокруг — пух. Колпик — колпица, птица из отряда аистов.* **31** ТпаЗ, (АБАб), но первое 4-ст (А'БА'Б); стихотворение замыкается 2-ст АА. Есть рифмы неточные и одна с ё. **32** Лог; в Д4 между 2-й и 3-й стопой — стяжение; спаренные 6-ст: АБАбВг ДеДеВг. Есть неточные рифмы. **33** X4, (ААбВВб). В стихотворении, написанном на пари, нет ни одной буквы Р. **34** Я; после вступительной одической строфы Я4 сложные 16-ст: Я 1144244144442442, аабВвГдв ГдЕЕжЗЗж. Есть неточные рифмы. *Фонарь* — имеется в виду волшебный фонарь. *Озетить* — высмотреть (обл.). *Лысть, лысь* (обл.) — рыба́я кожа.

Н. М. Карамзин. **35** Д 3232, б, XXXX. **36** Яб, моностих. **37** ЯЗ б, XxXx. **38** X4 б, д, эпический, астрофич., с отдельными сверхсхемными ударениями на последнем слоге. **39** Яб, монорим аaaa. **40** Я4, триолет.

А. Н. Радищев. **41** X4 б, ж, эпический, астрофич.

По изд.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. Т. I. М.; Л., 1938.

Ю. А. Нелединский-Мелецкий. **42** Яб, Алдр. Акростих «Дружба».

По изд.: Нелединский-Мелецкий Ю. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 1901.

II. Первая половина XIX века

Жизнь России первой половины XIX в. прошла под знаком великих европейских и русских исторических событий: первой буржуазной революции во Франции, Отечественной войны 1812 г., восстания декабристов. Они определили содержание этой эпохи — дворянского этапа в истории русского освободительного движения. Литературным выражением общественно-политических процессов эпохи была та динамика эстетического развития, которая характеризуется сложным соотношением и сменой направлений: от сентиментализма к романтизму и реализму со всем многообразием его форм отражения действительности. Эта динамика определяет и содержание поэзии первой половины XIX в., ее движение от Карамзина и Жуковского к Пушкину, Лермонтову и Кольцову.

Стих первой половины XIX века

Метрика и ритмика. С 90-х годов XVIII в. в русской литературе развивается «карамзинская школа», а затем романтизм. Частная жизнь человека, его духовный мир становятся предметом изображения — и расцветают новые жанры в поэзии: дружеское послание, элегия, затем баллада, романтическая поэма. Романтизм разрушает жанровую систему классицизма; а с новыми жанрами (или произведениями смешанных, неопределенных жанров) развиваются и новые формы стиха.

Развитие «легких» жанров — анакреонтики, дружеского послания — требует и легкого стиха: расцветает 3-стопный ямб вольной рифмовки, соответствующей жанру послания с его непринужденным чередованием фраз разной длины (II, [7](#)). К середине века намечается тенденция к универсализации этого размера (II, [104](#), [105](#)). Вершины достигает вольный ямб: и в баснях Крылова (II, [1-3](#)), и в дружеских посланиях (II, [10](#)), элегиях (II, [33](#)), и в драматургии («Горе от ума» и «Маскарад»). Но русская басня после Крылова надолго исчезла, а с нею и басенный вольный ямб. В драматургии шедевры Грибоедова и Лермонтова не создали прочной традиции; опыт эпического белого вольного ямба Жуковского (II, [28](#)) тоже не получил развития.

Зато в драматургии, начиная с 20-х годов, после первого опыта Жуковского (II, [23](#)), подхваченного Пушкиным, все чаще пользуются свободным и гибким 5-стопным ямбом — сначала цезурованным («Борис Годунов»), потом бесцезурным («Маленькие трагедии»). Пушкин

обращается к нему и в лирике, и в поэмах — сначала к цезурованному (II, [31](#)), начиная с 1830 г. — к бесцезурному (II, [43](#), [50](#)). Драматурги середины и второй половины века пишут стихотворные пьесы почти исключительно бесцезурным 5-стопным ямбом (Л. А. Мей — «Царская невеста» и «Псковитянка», А. Н. Островский — исторические пьесы и «Снегурочка», А. К. Толстой — драматическая трилогия). Вплоть до нашего времени пишут 5-стопным ямбом (чаще бесцезурным) поэмы и лирические стихотворения (II, [54](#), [63](#), [74](#); III, [1](#), [12](#), [53](#); IV, [75](#), [78](#), [112](#); V, [32](#), [35](#), [114](#)).

На первое место среди всех размеров выдвигается ямб 4-стопный — нестрофический вольной рифмовки в малых жанрах (II, [9](#)) и в поэмах (первый опыт, породивший длительную традицию, — II, [32](#)), строфический — в лирике (II, [37](#), [40](#)), «Евгении Онегине», поэмах (II, [49](#)); этим размером писали во всех жанрах (II, [9](#), [37](#), [40](#)), кроме драматических. Изменяется и ритмический характер ямба, в особенности 4-стопного. В XVIII в. 1-й икт в среднем содержал больше ударений, чем 2-й. В XIX в., начиная с Пушкина, 2-й икт несет в среднем больше ударений, чем 1-й. Это создает более легкую, симметричную ритмику (легкость теперь воспринимается как достоинство): 1-й икт слабый — 2-й сильный — 3-й самый слабый (так как последний икт в стихе всегда ударен, то предпоследний, 3-й икт несет минимум ударений) — 4-й самый сильный.

Универсальным становится и 4-стопный хорей: наряду с песнями (II, [51](#)) им пишут во всех лирических жанрах (II, [38](#), [65](#), [75](#)). После Лермонтова (II, [89](#), [93](#)) становится популярным и 5-стопный хорей.

Во второй четверти XIX в. несколько чаще, чем ранее, встречаются 3-сложные размеры, преимущественно в балладах и в малых жанрах (II, [12](#), [15](#), [17](#), [24](#), [26](#), [36](#), [47](#), [55](#), [70](#), [83](#), [85](#), [88](#), [92](#), [100](#)).

Усиление интереса к античности проявляется в переводах античных авторов и стилизациях и в возрождении полузабытого гекзаметра Третиакковского. С 1812 г. Н. И. Гнедич переводил «Илиаду», публикуя отрывки до выхода в свет полного перевода в 1829 г. Размер этот стал очень популярен (II, [29](#)), как и элегический дистих в малых формах (II, [42](#)). Жуковский перевел гекзаметром «Одиссею» и написал ряд поэм, не связанных с античной тематикой («Ундина», «Наль и Дамаянти»), и даже русскую «Сказку о царе Берендее», а также небольшие произведения (II, [27](#)). Ко второй половине века популярность гекзаметра и элегического дистиха падает.

Происходят изменения и в характере ритмических окончаний. В XVIII в. дактилическими клаузулами пользовались только в стилизациях народного стиха. В первой четверти XIX в. они встречаются и в нестилизованной лирике, хотя и редко, во второй четверти уже чаще. Пионером опять был Жуковский (II, [12](#), [21](#)); Пушкин пользовался ими еще только в стилизациях народного стиха (II, [44](#)); Лермонтов уже пишет стихотворение со сплошными дактилическими рифмами (II, [85](#)). Но расцвет дактилических рифм наступит во второй половине века.

Вообще правило чередования рифм нарушается все чаще. Жуковский даже поэму «Шильонский узник», перевод из Байрона (II, [25](#)), написал 4-стопным ямбом со сплошными мужскими рифмами. В английской поэзии сплошные мужские рифмы были обычными, в русской это была экзотика, смелое новаторство. У Пушкина однородные рифмы довольно редки (II, [38](#), [45](#), [47](#)). После Лермонтова («Мцыри» и др.) однородные рифмы становятся обычными. Появляются изредка дактилические рифмы в чередовании с мужскими (II, [21](#), [60](#)).

У ряда поэтов встречаем интересные метрические эксперименты. Дельвиг пишет «Романс» необычным семистопным хореем, в котором на двух цезурах пропущено по одному слабому слогу (II, [53](#)). А. И. Полежаев традиционно легкие 2-стопники (образец легкого двустопного ямба — II, [34](#)) превращает в трагические (II, [70–72](#)). И. П. Мятлев делает их гротескно-сатирическими

(II, [94](#)) и создает небывалый пеон II (II, [95](#)). Лермонтов в раннем творчестве создает не только строфические 3-сложники с переменной анакрузой (II, [77](#), [79](#)) и логаяды (II, [90](#)), подобные логаядам Жуковского (II, [18](#)), из которых развились дольники, но и настоящие дольники (II, [76](#)). Это были лишь первые шаги, развитие они получили в XX в.

Пристальное изучение фольклора привело к гораздо более тонкому, чем в XVIII в., постижению форм русского народного стиха. Прежде всего привлек внимание стих песни. Пишут их разными хореическими строфами (II, [51](#), [52](#)). Никогда так много песен не писали пеоном III, как в этот период (II, [4](#), [102](#)). Гораздо ближе к сложной ритмике народной песни (тактовик) агитационные песни А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева (II, [56–58](#)). Вершиной литературной народной песни (для него она была органичной) стала поэзия А. В. Кольцова. Он культивировал короткий стих, преимущественно белый. Встречается у него и 3-стопный хорей (II, [98](#), [99](#)), и 2-стопный анапест (II, [100](#)), но особенно своеобразен у него 5-сложник: чистый (II, [97](#)) и в перекрестном сочетании с 2-стопным анапестом (II, [96](#)) и даже с 2-стопным хореем (II, [101](#)). Последний случай особенно интересен: короткие нечетные стихи можно считать с одинаковым основанием и 2-стопным хореем, и 1-стопным анапестом. Родственность обоих размеров с 5-сложником выступает здесь очень отчетливо.

Эпический народный стих в совершенстве постиг Пушкин. Его «Песни западных славян» и «Сказка о рыбаке и рыбке» написаны 3-ударным тактовиком с женскими белыми окончаниями и преобладанием 2-сложных анакруз. Здесь помещен такой стих (II, [39](#)) и более свободный, с преобладанием дактилических окончаний (II, [44](#)). Лермонтов написал подобным стихом «Песню про ... купца Калашникова». Раёшным стихом (подобным VI, [2](#)) Пушкин написал «Сказку о попе и о работнике его Балде». Эти виды стиха, оставаясь лучшей стилизацией, не стали стихом литературным.

Рифма. Рифма этого периода — точная. Наиболее интересное явление этого времени — постепенное сближение произношения стихов с разговорным. Исчезает оканье — и заударные *о* и *а* свободно рифмуются. Конечное *г* чаще рифмуется с *к*, хотя, вероятно, по традиции, иногда и с *х*. Наиболее пестрая картина в рифмах *é* — *ё*. Поэты переходной поры рифмуют то так, то иначе: у Крылова то *спёрло* — *горло* (II, [1](#)), то *нёт* — *пойдёт* (II, [3](#)); то же у Батюшкова, Жуковского, раннего Тютчева (напр., III, [3](#)). У Пушкина уже преобладают рифмы на *ё*, но причастия на *-ённый* всегда рифмуются только с *é* (*надмённый* — *побеждённый* — II, [32](#)). Начиная с Лермонтова в рифме утверждается разговорное произношение.

Строфика. От строфики XVIII в. поэты рассматриваемого периода заимствовали только простые формы: строфическое 2-стишие (II, [17](#), [67](#)), равностопное 4-стишие (II, [40](#), [65](#), [92](#)), 6-стишие абавв (II, [20](#)), 8-стишие из двух 4-стиший (II, [66](#), [95](#)). Развиваются разностопные строфы: 4-стишия асимметричные 6664 (II, [11](#)), 4443 (II, [8](#)), 5554 (III, [1](#)); укороченный последний стих четко завершает строфу и эффектно противоречит симметричной рифмовке абав; 4-стишия симметричные 6464 (II, [41](#)), 4343 (II, [64](#), [77](#), [79](#), [88](#)), 5353 (II, [69](#)), 4242 (II, [68](#)), 5454 (II, [60](#)), 4545 (II, [81](#)) — во всех этих случаях перекрестное чередование стопностей совпадает с перекрестной рифмовкой. Развиваются симметричные, делящиеся пополам 6-стишия аабввб с симметричным чередованием стопностей: 3-й и 6-й стихи короче или длиннее (II, [48](#), [55](#), III, [77](#)). Появляются октавы (II, [19](#), [43](#)). Наконец, создаются весьма сложные строфы, часто — для одного только произведения. Изобретательным новатором в этой области был В. А. Жуковский, особенно в балладах (II, [14](#), [15](#), [20](#), [24](#)), затем А. И. Полежаев (II, [70](#), [72](#)), в конце периода — К. П. Павлова (II, [104](#), [105](#)).

Начинает развиваться «кусовая» полиметрическая композиция в малых жанрах (II, [59](#), [66](#)). Совершенно необычны опыты А. И. Одоевского: чередование разных размеров в пределах одной строфы, одной фразы (II, [61](#)). Это раннее предвестие того, что в XX в. станет делать В. В. Хлебников. Расцветает сонет (II, [54](#)).

Намного богаче и разнообразнее становятся ритмико-интонационные формы. Стих XVIII в. был в основном говорным, за исключением жанра песни. У Жуковского, а вслед за ним Пушкина, Лермонтова и др., напевные формы стиха проникают в элегию, балладу, любовную лирику смешанных жанров (II, [11](#), [17](#), [20](#), [31](#), [37](#), [65](#), [77](#), [84](#), [103](#) и др.). Не случайно многие их стихотворения положены на музыку. Если говорной стих XVIII в. был скован запрещением переноса как «порока», то, начиная с Жуковского, Гнедича, Пушкина, и в гекзаметре, и в стихе вольной рифмовки, и в строфическом фразе или укладывается в рамки стиха, периода, строфы, или свободно переносится из стиха в стих (II, [23](#), [25](#), [50](#), [43](#), [87](#)), даже иногда из строфы в строфу (II, [11](#), [14](#), [41](#)). Развиваются переходные, смешанные интонационно-ритмические формы.

Появляется еще одно средство выделения концовки стихотворения: строфический перебой, изменение порядка рифм в последней строфе (II, [40](#)). Русский стих стал богат и гибок. Этот период называют золотым веком русской поэзии.

И. А. Крылов (1768 или 1769–1844)

1. Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце лстец всегда отыщет уголок.

~ ~ ~

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит,
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать — так, право, сказки!
Какие перушки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье спёрло,
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло, —
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

1808

2. Петух и Жемчужное Зерно

Навозну кучу разрывая,
Петух нашел Жемчужное Зерно
И говорит: «Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко так ценят?
А я бы, право, был гораздо боле рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

~ ~ ~

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

1809

3. Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело — только мука.

~ ~ ~

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка,
Да Лебедь рвется в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав — судить не нам:
Да только воз и ныне там.

1816

А. Ф. Мерзляков (1778–1830) 4. Чувства в разлуке

Что не девица во тереме своём
Заплетает русы кудри серебром, —
Месяц на небе, без ровни, сам-большой,
Убирается своею красотой.
Светлый месяц! весели, дружок, себя!
Знать, кручинушке высоко до тебя!
Ты один, мой друг, гуляешь в небесах,
Ты на небе так, как я в чужих краях;
А не знаешь муки тяжкой — быть одним,
И не сетуешь с приятелем своим!..
Ах! Всмотрись в мои заплаканны глаза,

Отгадай, что говорит моя слеза:
Травка на поле лишь дождичком цветет,
А в разлуке сердце весточкой живет!
Всё ли милая с тобой еще дружна,
Пригорюнившись, сидит ли у окна,
Обо мне ли разговор с тобой ведет
И мои ли она песенки поет?..
Птичка пугана пугается всего!
Горько мучиться для горя одного!
Горько плакать и конца бедам не знать!
Не с кем слез моих к любезной переслать!
У тоски моей нет крыльев полететь,
У души моей нет силы потерпеть,
У любви моей нет воли умереть!
Изнывай же на сторонushке чужой,
Как в могиле завален один живой!
Будь, любезная, здорова, весела;
Знать, ко мне моя судьбинушка пришла!

<1805>

К. Н. Батюшков (1787–1855)

5. Эпитафия

Не нужны надписи для камня моего,
Пишите просто здесь: он был, и нет его!

1809

6. Надпись на гробе пастушки

Подруги милые! в беспечности игривой
Под плясовой напев вы резвитесь в лугах.
И я, как вы, жила в Аркадии счастливой,
И я, на утре дней, в сих рощах и лугах
Минутны радости вкусила:
Любовь в мечтах златых мне счастье сулила:
Но что ж досталось мне в сих радостных
местах? —
Могила!

<1810>

7. Мои пенаты

Послание к Жуковскому и Вяземскому

(Отрывок)

Отчески пенаты,
О пестуны мои!
Вы златом не богаты,
Но любите свои Норы и темны кельи,
Где вас на новосельи

Смиренно здесь и там
Расставил по углам;
Где странник я бездомный,
Всегда в желаньях скромный,
Сыскал себе приют.
О боги! будьте тут
Доступны, благосклонны!
Не вина благовонны,
Не тучный фимиам
Поэт приносит вам,
Но слезы умиленья,
Но сердца тихий жар
И сладки песнопенья,
Богинь пермесских дар!
О лары! уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!..
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном.
В углу, свидетель славы
И суеты мирской,
Висит полузаржавый
Меч прадедов тупой;
Здесь книги выписные,
Там жесткая постель —
Всё утвари простые,
Всё рухляя скудель!
Скудель!.. Но мне дороже,
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..

1812

8. Разлука

Гусар, на саблю опираясь,
В глубокой горести стоял;
Надолго с милой разлучаясь,
Вздыхая, он сказал:

«Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
Клянуся честью и усами
Любви не изменить!

Любви непобедима сила!
Она мой верный щит в войне;

Булат в руке, а в сердце Лила, —
Чего страшиться мне?

Не плачь, красавица! Слезами
Кручине злой не пособить!
А если изменю... усами
Клянусь, наказан быть!

Тогда мой верный конь споткнется,
Летя во вражий стан стрелой,
Уздечка браная порвися
И стремя под ногой!

Пускай булат в руке с размаха
Изломится, как прут гнилой,
И я, бледнея весь от страха,
Явлюсь перед тобой!»

Но верный конь не спотыкался
Под нашим всадником лихим;
Булат в боях не изломался, —
И честь гусара с ним!

А он забыл любовь и слёзы
Своей пастушки дорогой
И рвал в чужбине счастья розы
С красавицей другой.

Но что же сделала пастушка?
Другому сердце отдала.
Любовь красавицам — игрушка,
А клятвы их — слова!

Всё здесь, друзья! изменой дышит,
Теперь нет верности нигде!
Амур, смеясь, все клятвы пишет
Стрелюю на воде.

<1812 и 1813>

9. Мой гений

О, память сердца! Ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны золотые
Небрежно вьющихся волос.

Моей пастушки несравненной

Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

10. <В. Л. Пушкину>

Чутьем поэзию любя,
Стихами лепетал ты, знаю, в колыбели;
Ты был младенцем, и тебя
Лелеял весь Парнас и музы гимны пели,
Качая колыбель усердною рукой:
«Расти, малютка золотой!
Расти, сокровище бесценно!
Ты наш, в тебе запечатлённо
Таланта вечное клеймо!
Ничтожных должностей свинцовое ярмо
Твоей не тронет шеи:
Эроты розы и лилеи,
Счастливы Пафоса затеи,
Гулянья, завтраки и праздность без трудов,
Жизнь без раскаянья, без мудрости плодов,
Твои да будут вечно!
Расти, расти, сердечный!
Не будешь в золоте ходить,
Но будешь без труда на рифмах говорить,
Друзей любить
И кофе жирный пить!»

1817

В. А. Жуковский (1783–1852)

11. Вечер

Элегия

Ручей, вьющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о Муза благодатна,
В венке из юных роз с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат —

Когда поля в тени, а рощи отдалёны
И в зеркале воды колеблющийся град
    Багряным блеском озарёны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
    Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
    С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
    С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклонённой,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
    Поток, кустами осенённой.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
    И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит сёлы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
    В лесу стенанье филoméлы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул
                            волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
    В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
    Как бледно брег ты озлатило!

Сию задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты,
    С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?

Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья, о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропюю,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Тащиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой.
Другой... о небо правосудно!..

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Заглядят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвящённых?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил брести неведомой стезёй,
Быть другом мирных сел, любить красы
природы,
Дышать над сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто, в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разливают,

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?..

Как узнать?..

Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

1806

12. Моя богиня (Отрывок)

Какую бессмертную
Венчать предпочтительно
Пред всеми богинями
Олимпа надзвездного?
Не спорю с питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, строгими;
Но свежей гирляндюю
Венчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разнообразную,
Всегда животворную,
Любимицу Зевсову,
Богиню Фантазию.

1809

13. Певец во стане русских воинов (Отрывок)

Тот наш, кто первый в бой летит
На гибель супостата.
Кто слабость падшего щадит
И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
Он махом мощной длани
Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани;
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.
Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!
О, диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...

Могущий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины.
Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!
Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь — и бог наш мщенье.

1812

14. Светлана (Отрывок)

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Кляли перстень золотой,
Серьги изумрудны;
Расстилали белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны
Тускло светится луна
В сумраке тумана —
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

1808–1812

15. Эолова арфа (Отрывок)

Владыка Морвены,
Жил в дедовском замке могучий Ордал;
Над озером стены
Зубчатые замок с холма возвышал;
Прибрежны дубравы
Склонялись к вода́м,
И стлался кудрявый
Кустарник по злачным окрестным холмам.

Спокойствие сеней
Дубравных там часто лай псов нарушал;
Рогатых еленей,
И вепрей, и ланей могучий Ордал
С отважными псами
Гонял по холмам;
И долы с холмами,

Шумя, отвечали зовущим рогам.

В жилище Ордала
Веселость из ближних и дальних краёв
Гостей собирала;
И убраны были чертоги пиров
Еленей рогами;
И в память отцам
Висели рядами
Их шлемы, кольчуги, щиты по стенам.

И в дружных беседах
Любил за бокалом рассказы Ордал
О древних победах
И взоры на брони отцов устремлял:
Чеканны их латы
В глубоких рубцах;
Мечи их зубчаты;
Щиты их и шлемы избиты в боях.

Младая Минвана
Красой озаряла родительский дом;
Как зыби тумана,
Зарею златимы над свежим холмом,
Так кудри густые
С главы молодой
На перси молодые,
Вияся, бежали струей золотой.

Приятней денницы
Задумчивый пламень во взорах сиял:
Сквозь темны ресницы
Он сладкое в душу смятенье вливал;
Потока журчанье —
Приятность речей;
Как роза дыханье;
Душа же прекрасней и прелестей в ней.

1814

16. Песня

К востоку, всё к востоку
Стремление земли —
К востоку, всё к востоку
Летит моя душа;
Далеко на востоке,
За синевою лесов,
За синими горами
Прекрасная живет.

И мне в разлуке с нею
Всё мнится, что она —
Прекрасное преданье
Чудесной старины,
Что мне она явилась
Когда-то в древни дни,
Что мне об ней остался
Один блаженный сон.

1815

17. Мщение

Изменой слуга паладина убил:
Убийце завиден сан рыцаря был.

Свершилось убийство ночью порой —
И труп поглощен был глубокой рекой.

И шпоры и латы убийца надел
И в них на коня паладинова сел.

И мост на коне проскакать он спешит,
Но конь поднялся на дыбы и храпит.

Он шпоры вонзает в крутые бока —
Конь бешеный сбросил в реку седока.

Он выплыть из всех напрягается сил.
Но панцырь тяжелый его утопил.

1816

18. Жалоба пастуха

На ту знакомую гору
Сто раз я в день прихожу;
Стою, склоняся на посох,
И в дол с вершины гляжу.

Вздыхнув, медлительным шагом
Иду вослед я овцам
И часто, часто в долину
Схожу, не чувствуя сам.

Весь луг по-прежнему полон
Младой цветов красоты;
Я рву их — сам же не знаю,
Кому отдать мне цветы.

Здесь часто в дождик и в грóзу
Стою, к земле пригвождён:
Всё жду, чтоб дверь отворилась...

Но то обманчивый сон.

Над милой хижинкой светит,

Видаю, радуга мне...

К чему? Она удалилась!

Она в чужой стороне!

Она всё дале! всё дале!

И скоро слух замолчит!

Бегите ж, овцы, бегите!

Здесь горе душу томит!

1817

19. Двенадцать спящих дев

Старинная повесть в двух балладах

Вступление

Опять ты здесь, мой благодатный Гений,

Воздушная подруга юных дней;

Опять с толпой знакомых привидений

Теснишься ты, Мечта, к душе моей...

Приди ж, о друг! дай прежних

вдохновений,

Минувшею мне жизнь повей,

Побудь со мной, продли очарованья,

Дай сладкого вкусить воспоминанья.

Ты образы веселых лет примчала —

И много милых теней восстает;

И то, чем жизнь столь некогда пленяла,

Что рок, отняв, назад не отдает,

То всё опять душа моя узнала;

Проснулась Скорбь, и Жалоба зовет

Сопутников, с пути сошедших прежде

И здесь вотще поверивших надежде.

К ним не дойдут последней песни звуки;

Рассеян круг, где первую я пел;

Не встретят их простертые к ним руки;

Прекрасный сон их жизни улетел.

Других умчал могущий дух разлуки;

Счастливым край, их знавший, опустел;

Разбросаны по всем дорогам мира —

Не им поет задумчивая лира.

И снова в томном сердце воскресает

Стремленье в оный таинственный свет;

Давнишний глас на лире оживает,

Чуть слышимый, как Геня полёт;

И душу хладную разогревает

Опять тоска по благам прежних лет:
Всё близкое мне зрится отдалённым,
Отжившее, как прежде, оживлённым.

1810–1817

20. Узник (Отрывок)

«За днями дни идут, идут...

Напрасно;

Они свободы не ведут

Прекрасной;

Об ней тоскую и молюсь,

Ее зову, не дозовусь.

Смотрю в высокое окно

Темницы:

Всё небо светом зажжено

Денницы;

На свежих крыльях ветерка

Летают вольны облака.

Итак, все блага заменить

Могилой;

И бросить свет, когда в нем жить

Так мило;

Ах! дайте в свете подышать;

Еще мне рано умирать.

Лишь миг весенним бытиём

Жила я;

Лишь миг на празднике земном

Была я;

Душа готовилась любить...

И всё покинуть, всё забыты!».

1819

21. Песня

Отымают наши радости

Без замены хладный свет;

Вдохновенье пылкой младости

Гаснет с чувством жертвой лет;

Не одно ланит пылание

Тратим с юностью живой —

Видим сердца увядание

Прежде юности самой.

Наше счастье разбитое

Видим мы игрушкой волн,

И в далекий мрак сердитое

Море мчит наш бедный чёлн;
Стрелки нет путеводительной,
Иль вотще ее магнит
В бурю к пристани спасительной
Челн беспарусный манит.

Хлад, как будто ускорённая
Смерть, заходит в душу к нам;
К наслажденью охлаждённая,
Охладев к самим бедам,
Без стремленья, без желанья
В нас душа заглушена
И навек очарования
Слез отрадных лишена.

На минуту ли улыбкою
Мертвый лик наш оживет,
Или *прежнее* ошибкою
В сердце сонное зайдет —
То обман; то плющ, играющий
По развалинам седым;
Сверху лист благоухающий —
Прах и тление под ним.

Оживите сердце вялое;
Дайте быть по старине;
Иль оплакивать бывалое
Слез бывалых дайте мне.
Сладко, сладко появление
Ручейка в пустой глуши;
Так и слезы — освежение
Запустевших души.

<1820>

22. Воспоминание

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
    Не говори с тоской: *их нет*:
    Но с благодарностию: *были*.

1821

23. Орлеанская дева (Отрывок)

Раймонд

...Молчи, идет Берtrand; он возвратился
Из города. Но что несет он?

Берtrand

Вы

Дивитесь, что с таким добром я к вам
Являюсь?

Т и б о

Подлинно; откуда взял
Ты этот шлем? На что знак бед и смерти
Принес ты к нам в жилище тишины?
(*Иоанна ... подходит ближе*)

Б е р т р а н д

И сам едва могу я объяснить,
Как мне достался он. Я покупал
Железные изделия в Вокулере;
На площади толпилась тьма народа
Вкруг беглецов, лишь только прибежавших
С недоброю из Орлеана вестью;
Весь город был в волненьи; сквозь толпу
С усилием я продирался... вдруг
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
В руках у ней был этот шлем; она,
Пронзительно в глаза мне посмотрев,
Сказала: ты, я знаю, ищешь шлема;
Вот шлем, не дорог он, возьми. — На что? —
Я отвечал ей, — к латникам пойди;
Я земледелец, мне нет нужды в шлеме. —
Но я никак не мог отговориться;
— Возьми, возьми! — она одно твердила, —
Теперь для головы стальная кровля
Приютнее всех каменных палат. —
И так из улицы одной в другую
Она за мной гналася с этим шлемом.
Я посмотрел: он был красив и светел;
Был рыцарской достоин головы;
Я взял его, чтоб ближе разглядеть;
Но между тем, как я стоял в сомненьи,
Она из глаз моих, как сон, пропала;
Ее толпой народа унесло...
И этот шлем в моих руках остался.

И о а н н а (*ухватясь за него поспешно*)

Отдай мне шлем.

Б е р т р а н д

На что? Такой наряд
Не девичьей назначен голове.

И о а н н а (*вырывает шлем*)

Отдай, он мой и мне принадлежит...

24. Замок Смальгольм, или Иванов вечер

До рассвета поднявшись, коня оседлал
Знаменитый Смальгольмский барон;
И без отдыха гнал, меж утесов и скал,
Он коня, торопясь в Бротерстон.

Не с могучим Боклю совокупно спешил
На военное дело барон;
Не в кровавом бою переведаться мнил
За Шотландию с Англией он;

Но в железной броне он сидит на коне;
Наточил он свой меч боевой;
И покрыт он щитом; и топор за седлом
Укреплен двадцатифунтовой.

Через три дни домой возвратился барон,
Отуманен и бледен лицом;
Через силу и конь, опенен, запылён,
Под тяжелым ступал седоком.

Анкрамморския битвы барон не видал,
Где потоками кровь их лилась,
Где на Эверса грозно Боклю напирал,
Где за родину бился Дуглас;

Но железный шолом был иссечен на нём,
Был изрублен и панцырь и щит,
Был недавнею кровью топор за седлом,
Но не английской кровью покрыт.

Соскочив у часовни с коня за стеной,
Притаяся в кустах, он стоял;
И три раза он свистнул — и паж молодой
На условленный свист прибежал.

«Подойди, мой малютка, мой паж молодой,
И присядь на колена мои;
Ты младенец, но ты откровенен душой,
И слова непритворны твои.

Я в отлучке был три дни, мой паж молодой;
Мне теперь ты всю правду скажи:
Что заметил? Что было с твоей госпожой?
И кто был у твоей госпожи?»

«Госпожа по ночам к отдаленным скалам,
Где маяк, приходила тайком
(Ведь огни по горам зажжены, чтоб врагам

Не прокрасться во мраке ночном).

И на первую ночь непогода была,
И без умолку филин кричал;
И она в непогоду ночную пошла
На вершину пустынную скал.

Тихомолком подкрался я к ней в темноте;
И сидела одна — я узрел;
Не стоял часовой на пустой высоте;
Одиноко маяк пламенел.

На другую же ночь — я за ней по следам
На вершину опять побежал —
О творец, у огня одинокого там
Мне неведомый рыцарь стоял.

Подпершись мечом, он стоял пред огнём,
И беседовал долго он с ней;
Но под шумным дождем, но при ветре ночном,
Я расслушать не мог их речей.

И последняя ночь безненастна была,
И порывистый ветер молчал;
И к маяку она на свиданье пошла;
У маяка уж рыцарь стоял.

И сказала (я слышал): «В полуночный час,
Перед светлым Ивановым днём,
Приходи ты; мой муж не опасен для нас;
Он теперь на свиданьи ином;

Он с могучим Боклю ополчился теперь;
Он в сраженьи забыл про меня —
И тайком отопру я для милого дверь
Накануне Иванова дня».

«Я не властен прийти, я не должен прийти,
Я не смею прийти (был ответ);
Пред Ивановым днем одиноким путем
Я пойду... мне товарища нет».

«О, сомнение прочь! безмятежная ночь
Пред великим Ивановым днем
И тиха и темна, и свиданьям она
Благосклонна в молчаньи своем.

Я собак привяжу, часовых уложу,
Я крыльцо пересыплю травой,
И в приюте моем, пред Ивановым днем,
Безопасен ты будешь со мной».

«Пусть собака молчит, часовой не трубит
И трава не слышна под ногой, —
Но священник есть там; он не спит по ночам,
Он приход мой узнает ночной».

«Он уйдет к той поре: в монастырь на горе
Панихиду он позван служить:
Кто-то был умерщвлен; по душе его он
Будет три дни поминки творить».

Он нахмурясь глядел, он как мертвый бледнел,
Он ужасен стоял при огне.

«Пусть о том, кто убит, он поминки творит:
То, быть может, поминки по мне.

Но полуночный час благосклонен для нас:
Я приду под защитой мглы».

Он сказал... и она... я смотрю... уж одна
У маяка пустынной скалы».

И Смальгольмский барон, поражен, раздражен,
И кипел, и горел, и сверкал.

«Но скажи наконец, кто ночной сей пришлец?
Он, клянусь небесами, пропал!»

«Показалось мне при блестящем огне:
Был шолом с соколиным пером,
И палаш боевой на цепи золотой,
Три звезды на щите голубом».

«Нет, мой паж молодой, ты обманут мечтой;
Сей полуночный, мрачный пришлец
Был не властен прийти: он убит на пути;
Он в могилу зарыт, он мертвец».

«Нет! не чудилось мне; я стоял при огне
И увидел, услышал я сам,
Как его обняла, как его назвала:
То был рыцарь Ричард Кольдингам».

И Смальгольмский барон, изумлен, поражен,
И хладел, и бледнел, и дрожал.

«Нет! в могиле покой: он лежит под землей,
Ты неправду мне, паж мой, сказал.

Где бежит и шумит меж утесами Твид,
Где подымлетя мрачный Эльдон,
Уж три ночи, как там твой Ричард Кольдингам
Потаенным врагом умерщвлен.

Нет! сверканье огня ослепило твой взгляд;

Оглушен был ты бурей ночной;
Уж три ночи, три дня, как поминки творят
Чернецы за его упокой».

Он идет в ворота, он уже на крыльце,
Он взошел по крутым ступеням
На площадку, и видит: с печалью в лице
Одиноко-унылая там

Молодая жена — и тиха и бледна,
И в мечтании грустном глядит
На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

«Я с тобою опять, молодая жена». —
«В добрый час, благородный барон.
Что расскажешь ты мне? Решена ли война?
Поразил ли Боклю иль сражён?»

«Англичанин разбит; англичанин бежит
С Анкрамморских кровавых полей;
И Боклю наблюдать мне маяк мой велит
И беречься недобрых гостей».

При ответе таком изменилась лицом,
И ни слова... ни слова и он;
И пошла в свой покой с наклоненной главой,
И за нею суровый барон.

Ночь покойна была, но заснуть не дала.
Он вздыхал, он с собой говорил:
«Не пробудится он; не подыметсЯ он;
Мертвецы не встают из могил».

Уж заря занялась; был таинственный час
Меж рассветом и утренней тьмой;
И глубоким он сном пред Ивановым днем
Вдруг заснул близ жены молодой.

Не спалось лишь ей, не смыкала очей...
И бродящим, открытым очам,
При лампадном огне, в шишаке и броне
Вдруг явился Ричард Кольдингам.

«Воротись, удались», — она говорит.
«Я к свиданью тобой приглашён;
Мне известно, кто здесь, неожиданный, спит,
Не страшись, не услышит нас он.

Я во мраке ночном потаенным врагом
На дороге изменой убит;

Уж три ночи, три дня, как монахи меня
Поминают — и труп мой зарыт.

Он с тобой, он с тобой, сей убийца ночной!
И ужасный теперь ему сон!
И надолго во мгле на пустынной скале,
Где маяк, я бродить осуждён;

Где видалися мы под защитою тьмы,
Там скитаюсь теперь мертвецом;
И сюда с высоты не сошел бы... но ты
Заклинала Ивановым днем».

Содрогнулась она и, смятенья полна,
Вопросила: «Но что же с тобой?
Дай один мне ответ — ты спасен ли, иль нет?..»
Он печально потряс головой.

«Выкупáется кровью пролитая кровь, —
То убийце скажи моему.
Беззаконную небо карает любовь, —
Ты сама будь свидетель тому».

Он тяжелою шуйцей коснулся стола;
Ей десницею руку пожал —
И десница как острое пламя была,
И по членам огонь пробежал.

И печать роковая в столе вожжена:
Отразились пальцы на нем;
На руке ж — но таинственно руку она
Закрывала с тех пор полотном.

Есть монахиня в древних Драйбургских
стенах:
И грустна и на свет не глядит;
Есть в Мельрозской обители мрачный монах:
И дичится людей и молчит.

Сей монах молчаливый и мрачный — кто он?
Та монахиня — кто же она?
То убийца, суровый Смальгольмский барон;
То его молодая жена.

1822

25. Шильонский узник *Повесть (Отрывок)*

I

Взгляните на меня: я сед;
Но не от хилости и лет;
Не страх незапный в ночь одну

До срока дал мне седину.
Я сгорблен, лоб наморщен мой;
Но не труды, не хлад, не зной —
Тюрьма разрушила меня.
Лишенный сладостного дня,
Дыша без воздуха, в цепях,
Я медленно дряхлел и чах,
И жизнь казалась без конца.
Удел несчастного отца:
За веру смерть и, стыд цепей —
Уделом стал и сыновей.
Нас было шесть — пяти уж нет.
Отец, страдалец с юных лет,
Погибший старцем на костре,
Два брата, падшие во пре,
Отдав на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь.
Три заживо схоронены
На дне тюремной глубины —
И двух сожрала глубина;
Лишь я, развалина одна,
Себе на горе уцелел,
Чтоб их оплакивать удел.

II

На лоне вод стоит Шильон;
Там в подземелье семь колонн
Покрыты влажным мохом лет.
На них печальный брезжит свет,
Луч, ненароком с вышины
Упавший в трещину стены
И заронившийся во мглу.
И на сыром тюрьмы полу
Он светит тускло-одинок,
Как над болотом огонёк,
Во мраке веющий ночном.
Колонна каждая с кольцом;
И цепи в кольцах тех висят;
И тех цепей железо — яд;
Мне в члены вгрызлося оно;
Не будет ввек истреблено
Клеймо, надавленное им.
И день тяжел глазам моим,
Отвыкнувшим с толь давних лет.
Глядеть на радующий свет;
И к воле я душой остыл
С тех пор, как брат последний был

Убит неволей предо мной,
И рядом с мертвым я, живой,
Терзался на полу тюрьмы.

1822

26. Ночной смотр

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает барабанщик;
И ходит он взад и вперед,
И бьет он проворно тревогу.
И в темных гробах барабан
Могучую будит пехоту:
Встают молодцы егеря,
Встают старики гренадеры,
Встают из-под русских снегов,
С роскошных полей италийских,
Встают с африканских степей,
С горячих песков Палестины.

В двенадцать часов по ночам
Выходит трубач из могилы;
И скачет он взад и вперед,
И громко трубит он тревогу.
И в темных могилах труба
Могучую конницу будит:
Седые гусары встают,
Встают усачи кирасиры;
И с севера, с юга летят,
С востока и с запада мчатся
На легких воздушных конях
Один за другим эскадроны.

В двенадцать часов по ночам
Из гроба встает полководец;
На нем сверх мундира сюртук;
Он с маленькой шляпой и шпагой;
На старом коне боевом
Он медленно едет по фронту;
И маршалы едут за ним,
И едут за ним адъютанты;
И армия честь отдает.
Становится он перед нею;
И с музыкой мимо его
Проходят полки за полками.

И всех генералов своих
Потом он в кружок собирает,
И ближнему на ухо сам

Он шепчет пароль свой и лозунг;
И армии всей отдают
Они тот пароль и тот лозунг:
И Франция — тот их пароль,
Тот лозунг — Святая Елена.
Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

1836

27. <А. С. Пушкин>

Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза.
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,
Что выражалось на нем, — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья
Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! Но какую-то мыслью, глубокой, высокою

мыслью

Было объято оно: мнилось мне, что ему
В этот миг предстояло как будто какое виденье,
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:
что видишь?

1837

28. Рустем и Зораб Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Наме) (Отрывок)

Из книги царственной Ирана
Я повесть выпишу для вас
О подвигах Рустема и Зораба.

Заря едва на небе занялася,
Когда Рустем, Ирана богатырь,
Проснулся. Встав с постели, он сказал:
— Мы на царя Афразиаба
Опять идем войною;
Мои сабульские дружины
Готовы; завтра поведу
Их в Истахар, где силы все Ирана
Шах Кейкавус для грозного набега
Соединил. Но чем же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой меч,
Могучий конь мой Гром
Без дела; мне ж безделье нестерпимо. —

И на охоту собрался
Рустем; себя стянул широким кушаком,
Колчан с стрелами калеными
Закинул за спину, взял лук огромный,
Кинжал засунул за кушак
И Грома, сильного коня,
Из стойла вывел. Конь, наскучив
Покоем, бешено от радости заржал;
Рустем сел на коня и, не простившись дома
Ни с кем, ни с матерью, ни с братом,
Поехал в путь, оборотив
Глаза, как лев, почуявший добычу,
В ту сторону, где за горами
Лежал Туран...

1847

Н. И. Гнедич (1784–1833) 29. Ласточка

Ласточка, ласточка, как я люблю твои вешние песни!
Милый твой вид я люблю, как весна и живой и веселый!
Пой, весны провозвестница, пой и кружись надо мною;
Может быть, сладкие песни и мне напоешь ты на душу.

Птица, любезная людям! ты любишь сама человека;
Ты лишь одна из пернатых свободных гостишь в его доме;
Днями чистой любви под его наслаждаешься кровлей;
Дружбе его и свой маленький дом и семейство вверяешь,
И, зимы лишь бежа, оставляешь дом человека.
С первым паденьем листов улетаешь ты, милая гостья!
Но куда? за какие моря, за какие пределы
Странствуешь ты, чтоб искать обновления жизни
прекрасной,
Песней искать и любви, без которых жить ты не можешь?
Кто по пустыням воздушным, досель не отгаданный нами,
Путь для тебя указывает, чтоб снова пред нами являться?
С первым дыханьем весны ты являешься снова, как с неба,
Песнями нас привечать с воскресеньем бессмертной
природы.
Хату и пышный чертог избираешь ты, вольная птица,
Домом себе; но ни хаты жилец, ни чертога владыка
Дерзкой рукою не может гнезда твоего прикоснуться,
Если он счастья дома с тобой потерять не страшится.
Счастье приносишь ты в дом, где приют нетревожный
находишь,
Божия птица,^[10] как набожный пахарь тебя называет:
Он как священную птицу тебя почитает и любит
(Так песнопевцев народы в века благочестия чтили).

Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816

32. Руслан и Людмила (Отрывок)

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомлённый,
Не ест, не пьет Руслан влюблённый;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья.
В уныньи, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыли кубки круговые,
И брашна неприятны им;
Не слышат вещего Баяна;
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;

В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надмѣнный,
В пирах никем не побеждённый,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы
Младой хазарский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.

1817–1820

33

Погасло днёвное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдалённый,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоённый...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей,
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,
Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце хладное страданью предала.
Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,

Которым без любви я жертвовал собой,
Покою, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые,
Подруги тайные моей весны златая,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

1820

34. Адели

Играй, Адель,
Не знай печали;
Хариты, Лель
Тебя венчали
И колыбель
Твою качали;
Твоя весна
Тиха, ясна;
Для наслажденья
Ты рождена;
Час упоенья
Лови, лови!
Младые лета
Отдай любви
И в шуме света
Люби, Адель,
Мою свирель.

1822

35. Ночь

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи тёмной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя...
твоя!..

1823

36. Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы

И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

1825

37. И. И. Пущину

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединённый,
Печальным снегом занесённый,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

1826

37 а

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,

И братья меч вам отдадут.

1827

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

38

1828

Еще дуют холодные ветры
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранние цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ль луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

39

1828

40. Приметы

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

1829

41

А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сберечь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

IV

Ну, женские и мужеские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги
И по три в ряд в октаву заезжай!
Не бойтесь, мы не будем слишком строги;
Держись вольней и только не плошай,
А там уже: привыкнем, слава богу.
И выедем на ровную дорогу.

V

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

VI

Немного отдохнем на этой точке.
Что? перестать или *пустить на пе?*..
Признаться вам, я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе.
Иначе стих то в яме, то на кочке,
И хоть лежу теперь на канапе,
Всё кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VII

<Октавы трудны (взяв уловку лисью,
Сказать я мог, что кисел виноград).
Мне видно с ними над парнасской высью
Век не бывать. — Не лучше ли назад
Скорей вести свою дружину рысью? —
Уж рифмами кой-как они бренчат —
Кой-как уж до конца октаву эту
Я дотянул. Стыд русскому поэту!

VIII

Но возвратиться всё ж я не хочу
К четырёхстопным ямба, мере низкой.

С гекзаметром... о с ним я не шучу:
Он мне невмочь. А стих александрийской?..
Уж не его ль себе я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкой
И с жалом даже — точная змия;
Мне кажется, что с ним управлюсь я.

IX

Он вынянчен был мамкою не дурой —
(За ним смотрел степенный Буало)
Шагал он чинно, стянут был цезурой,
Но пудреной пиитике назло
Растреплен он свободною цензурой —
Учение не впрок ему пошло:
Ниго с товарищи, друзья природы,
Его гулять пустили без цезуры...>

1830

44. Сказка о медведихе (Отрывок)

Как весенней теплою порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила медведиха
Со милыми детушками медвежатами
Погулять, посмотреть, себя показать.
Села медведиха под белой березою;
Стали медвежата промеж собой играть,
По муравушке валяться,
Боротися, кувыркаться.
Отколь ни возьмись мужик идет,
Он во руках несет рогатину,
А нож-то у него за поясом,
А мешок-то у него за плечьми.
Как завидела медведиха
Мужика со рогатиной,
Заревела медведиха,
Стала кликать малых детушек,
Своих глупых медвежатушек.
Ах вы детушки, медвежатушки,
Перестаньте играть, валяться,
Боротися, кувыркаться.
Уж как знать на нас мужик идет.
Становитесь, хоронитесь за меня.
Уж как я вас мужику не выдам
И сама мужику .... выем.

~ ~ ~

медвежатушки испугались,

За медведиху бросались,
А медведиха осержалась,
На дыбы подымалась.
А мужик-от он догадлив был,
Он пускался на медведиху,
Он сажал в нее рогатину
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медведиха о сыру землю,
А мужик-то ей брюхо порол,
Брюхо порол да шкуру сымал,
Малых медвежатусшек в мешок поклат,
А поклатши-то домой пошел.
«Вот тебе, жена, подарочек,
Что медвежия шуба в пятьдесят рублей,
А что вот тебе другой подарочек,
Трои медвежата по пять рублей».

~ ~ ~

Не звоны пошли по городу,
Пошли вести по всему по лесу,
Дошли вести до медведя чернобурого,
Что убил мужик его медведиху,
Распорол ей брюхо белое,
Брюхо распорол да шкуру сымал,
Медвежатусшек в мешок поклат.
В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
Про свою ли сударушку,
Чернобурюю медведиху...

<1830>

45. Эхо

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
    На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
    Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
    И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
    И ты, поэт!

1831

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: «Поведай мне: в сей казни что сокрыто?»

Виргилий мне: «Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имел всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете».
Тут грешник жареный протяжно возопил:
«О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент невероятный!» —
Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яйцо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо,
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале —
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

1832

47. Будрыс и его сыновья

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.

Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без
страха:
В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
И оттуда привез себе жонку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
И под буркою ноша большая.
«Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
Черной буркой ее покрывая.
«Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?»
— «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не
хочет,
А гостей на три свадьбы сзывает.

1833

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.

Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грёз.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку как зверка
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных
Да визг, да звон оков.

1833

49. Езерский *(Отрывок из неоконченной поэмы)*

Х

...Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел пятнадцать тысяч душ.
Из них отцу его досталась
Осьмая часть — и та сполна
Была сперва заложена,
Потом в ломбарде продавалась...
А сам он жалованьем жил

И регистратором служил.

XI

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?»
— А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.
Державин двух своих соседев
И смерть Мещерского воспел;
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов
И похорон, сменивших пир,
Хоть этим не смущался мир.

XII

Заметят мне, что есть же разность
Между Державиным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной,
Что князь Мещерский был сенатор,
А не коллежский регистратор —
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,
Что нет, к тому же, перевода
Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни;
Иль я не этого прихода?
Иль разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

XIII

Зачем крутится ветер в овраге
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты поэт,

И для тебя условий нет...

1832

50

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!.. боже! Освяти
В нем сердце правдою твоей и миром.

1834

А. А. Дельвиг (1798–1831) **51. Русская песня**

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,
Где всю ночьку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странах,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,

У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок:
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимню ночь на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.

1820

52. Русская песня

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья-пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы молодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не вьюги —
В лесе звери лютые,
Да не люди!

1820

53. Романс

Одинок месяц плыл, зыбляся в тумане,
Одинок воздыхал витязь на кургане.

Свежих трав не щипал конь его унылый:
«Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!

Не к добру грудь моя тяжело вздыхает,
Не к добру сердце мне что-то предвещает;

Не к добру без еды ты стоишь унылый!
Конь мой, конь, верный конь, понесемся к милой!»

Конь вздрогнул и сильнее витязь возмутился,
В милый край, в страшный край, как стрела пустился.

Ночь прошла, всё светло: виден храм с дубровой,
Конь заржал, конь взвился над могилой новой.

1820

54. Вдохновение

Сонет

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,
Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье,

И презренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками;

Он ставит честь превыше всех честей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

1820

А. А. Бестужев (1797–1837) и К. Ф. Рылеев (1795–1826) Сочиненные совместно агитационные песни

55

Ты скажи, говори,
Как в России цари
Правят.

Ты скажи поскорей,
Как в России царей
Давят.

Как капралы Петра
Провожали с двора
Тихо.

А жена пред дворцом
Разъезжала верхом
Лихо.

Как курносый злодей
Воцарился по ней.
Горе!

Но господь, русский бог,
Бедным людям помог
Вскоре.

<1823>

56 (Отрывок)

Ах, тошно мне
И в родной стороне;
Всё в неволе,
В тяжкой доле,
Видно, век вековать.

Долго ль русский народ
Будет рухлядью господ,
И людьми,
Как скотами,
Долго ль будут торговать?

Кто же нас кабалил,
Кто им барство присудил
И над нами,
Бедняками,
Будто с плетью посадил?

Глупость прежних крестьян
Стала воле в изъян,
И свобода
У народа
Силой бар задушена.

А что силой отнято,
Силой выручим мы то.
И в приволье,
На раздолье
Стариною заживем.

А теперь господа
Грабят нас без стыда,
И обманом
Их карманом
Стала наша мошна.

Они кожу с нас дерут,
Мы посеем — они жнут.
Они воры,

Живодеры,
Как пиявки, кровь сосут...

<1823>

Из «Подблюдных песен» 57

Уж как на небе две радуги,
А у добрых людей две радости:
Правда в суде, да свобода везде.
Да и будут они россиянам даны. Слава!
.....

58

Как идет кузнец да из кузницы. Слава!
Что несет кузнец? Да три ножика.
Вот уж первой-то нож на злодеев вельмож,
А другой-то нож — на попов, на святош.
А молитву сотворя — третий нож на царя.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется. Слава!

1824 или 1825

А. И. Одоевский (1802–1839) 59. Тризна

Утихнул бой Гафурский. По волнам
Летят изгнанники отчизны.
Они, пристав к Исландии брегам,
Убитым в честь готовят тризны.
Златится мед, играет меч с мечом...
Обряд исполнили священный,
И мрачные воссели пред холмом
И внемлют арфе вдохновенной.

Скальд

Утешьтесь о павших! Они в облаках
Пьют юных Валкирий живые лобзанья.
Их чела цветут на небесных пирах,
Над прахом костей расцветает преданье.
Утешьтесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенный жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

1828

60. А. М. Янушкевичу, разделившему со мною ветку кипарисовую с могилы Лауры

В странах, где сочны лозы виноградные,

Где воздух, солнце, сень лесов
Дарят живые чувства и отрадные,
И в девах дышит жизнь цветов,
Ты был! — пронес пылливый посох странника
Туда, где бьет Воклюзский ключ...
Где ж встретил я тебя, теперь изгнанника?
В степях, в краю снегов и туч!
И что осталось в память солнца южного?
Одну лишь ветку ты хранил
С могилы Лáуры: — полный чувства дружного.
И ту со мною разделил!
Так будем же печалью заветными
Делиться здесь, в отчизне вьюг,
И крыльями, для мира незаметными,
Перелетать на чудный юг,
Туда, где дол цветет весною яркою
Под шепот Авиньонских струй
И мысль твоя с Лаурой и Петраркою
Слилась, как нежный поцелуй.

1836

61. Брак Грузии с Русским царством

Дева черноглазая! Дева чернобровая!
Грузия! дочь и зари, и огня!
Страсть и нега томная, прелесть вечно новая
Дышат в тебе, сожигая меня!
Не томит тебя кручина
Прежних, пасмурных годов!
Много было женихов,
Ты избрала — Исполина!

Вот он идет: по могучим плечам
Пышно бегут светлорусые волны;
Взоры подобны небесным звездám,
Весь он и жизни и крепости полный,
Гордо идет, без щита и меча;
Только с левого плеча,
Зыблясь, падает порфира;
Светл он, как снег; грудь, что степь, широка,
А железная рука
Твердо правит осью мира.

Вышла невеста навстречу; любовь
Зноем полудня зажгла ее кровь;
И, откинув покрывало
От стыдливого чела,
В даль всё глядела, всем звукам внимала,
Там, под Казбеком, в ущелье Дарьяла,

Жениха она ждала.

В сладостном восторге с ним повстречалась

И перстнями поменялась;

В пене Терека к нему

бросилась бурно в объятия, припала

Нежно на грудь жениху своему.

Приняла думу, и вся — просияла.

Прошлых веков не тревожься печалью,

Вечно к России любовью гори, —

Слитая с нею, как с бранною сталью

Пурпур зари.

1838

И. И. Козлов (1779–1840) **62. Вечерний звон**

Вечерний звон, вечерний звон!

Как много дум наводит он

О юных днях в краю родном,

Где я любил, где отчий дом,

И как я, с ним навек простясь

Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней

Весны обманчивой моей!

И сколько нет теперь в живых

Тогда веселых, молодых!

И крепок их могильный сон;

Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!

Напев унывный надо мной

В долине ветер разнесет;

Другой певец по ней пройдет,

И уж не я, а будет он

В раздумье петь вечерний звон!

<1827>

Е. А. Баратынский (1800–1844) **63. Поцелуй**

Сей поцелуй, дарованный тобой,

Преследует мое воображенье:

И в шуме дня и в тишине ночной

Я чувствую его напечатленье!

Случайным сном забудусь ли порой —

Мне снишься ты, мне снится наслажденье!

Блаженствую, обманутый мечтой,

Но в тот же миг встречаю пробужденье, —
Обман исчез, один я, и со мной
Одна любовь, одно изнеможенье.

1822

64. Звезда

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? Ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна,
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
Что с думою глядит,
И взору шлет ответный взор,
И нежностью горит.

1824

Из летучих облаков,
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов.

Так мгновенные созданы
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

<1829>

66. Последний поэт (Отрывок)

Век шествует путем своим железным,
В сердцах корысть, и общая мечта
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещения
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла;
В ней опять цветут науки,
Носит понт торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит! Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве
Омира Холмы, леса, берега лазурных рек.
Цветет Парнас! пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт, — идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной
Поет, увы! он благодать страстей;

Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подымлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?
Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им!
Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

<1835>

67

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется,
Скорбь-невзгода распоеется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой,

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый,

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!

1839

68. Звезды

Мою звезду я знаю, знаю,
И мой бокал
Я наливаю, наливаю,
Как наливал.
Гоненьям рока, злобе света
Смеюся я:
Живет не здесь — в звездах Мозта
Душа моя!
Когда ж коснутся уст прелестных
Уста мои,
Не нужно мне ни звезд небесных,

Ни звезд Аи!

<1839>

69

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свои не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И, тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
Без нужды ночь сменя,
Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
Венец пустого дня!

<1840>

А. И. Полежаев (1804 или 1805–1838) **70. Песнь пленного ирокезца**

Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Равнодушно они
Для забавы детей
Отдирать от костей
Будут жилы мои!
Обругают, убьют
И мой труп разорвут!
Но стерплю! Не скажу ничего,
Не наморщю чела моего!
И, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Неподвижен и смел,
Встречу миг роковой
И, как воин и муж,
Перейду в страну душ.
Перед сонмом теней воспою
Я бесстрашную гибель мою.
И рассказ мой пленит
Их внимательный слух,
И воинственный дух

Стариков оживит;
И пройдет по устам
Слава громким делам.
И рекут они в голос один:
«Ты достойный прапрадедов сын!»
Совокупной толпой
Мы на землю сойдем
И в родных разоьем
Пыл вражды боевой;
Победим, поразим
И врагам отомстим!
Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижим и смел
Встречу миг роковой!

Между 1826–1828

71. Провидение (Отрывок)

Я погибал..
Мой злобный гений
Торжествовал!..
Отступник мнений
Своих отцов,
Враг угнетений,
Как царь духóв,
В душе безбожной
Надежды ложной
Я не питал
И из Эреба
Мольбы на небо
Не воссылал.
Мольба и вера
Для Люцифера
Не созданы, —
Гордыне смелой
Они смешны.
Злодей созрелый,
В виду смертей
В когтях чертей —
Всегда злодей.
Порабощенье,
Как зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье.
Окаменен,

Как холодный камень,
Ожесточен,
Как серный пламень,
Я погибал
Без сожалений,
Без утешений...
Мой злобный гений
Торжествовал!

Между 1826–1828

72. Песнь погибающего пловца (Отрывок)

I

Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот крутится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далёк...
Тонет, тонет
Мой челнок!

II

Всё чернее
Свод надзвездный,
Всё страшнее
Воют бездны.
Глубь без дна —
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!..

III

Горе, горе!
Он настигнет:
В шумном море
Челн погибнет!
Гроб готов...
Треск громов
Над пучиной
Ярых вод —
Вздых пустынный
Разнесет!

<1832>

73. Песня

У меня ль, молодца,
Ровно в двадцать лет
Со бела со лица
Спал румяный цвет,
Черный волос кольцом
Не бежит с плеча;
На ремне золотом
Нет грозы-меча,
За железным щитом
Нет копья-огня,
Под черкесским седлом
Нет стрелы-коня;
Нет перстней дорогих
Подарить милóй!
Без невесты жених,
Без попа налой...
Расступись, расступись,
Мать сыра земля!
Прекратись, прекратись,
Жизнь-тоска моя!
Лишь по ней, по милóй,
Красен белый свет;
Без милóй, дорогой
Счастья в мире нет!

<1832>

Н. М. Языков (1803–1846)

74. Песня

Он был поэт: беспечными глазами
Глядел на мир и миру был чужой;
Он сладостно беседовал с друзьями;
Он красоту боготворил душой;
Он воспевал счастливыми стихами
Харит, вино, и дружбу, и покой.

Блажен, кто знал разумное веселье!
Чья жизнь была свободна и чиста,
Кто с музами делил свое безделье,
Кому любви прохладные уста
Свевали с вежд недолгое похмелье,
И с ним — его довольная мечта!

И в честь ему на будущие лета
Не худо бы сей учредить обряд:
Порою звезд и месячного света
Мы сходимся в благоуханный сад

И там поем любимый гимн поэта,
И до утра фиалы прозвенят!

Пусть видит мир, как наших поминают,
Как иногда свирели звук простой
Да скромный хмель и мирт переживают
Победный гром и памятник златой,
И многие, уж заодно, познают,
Что называть мирскою суетой.
1831

75. Бессонница

Что мечты мои волнует
На привычном ложе сна?
На лицо и грудь мне дует
Свежим воздухом весна,
Тихо очи мне целует
Полуночная луна.

Ты ль, приют восторгам, нежным,
Радость юности моей,
Ангел взором безмятежным,
Ангел прелестью очей,
Персей блеском белоснежным,
Мягких золотом кудрей!

Ты ли мне любви мечтами
Прогоняешь мирны сны?
Ты ли свежими устами
Навеваешь свет луны,
Скрыта легкими тенями
Соблазнительной весны?

Благодатное виденье,
Тихий ангел! успокой,
Усыпи души волненье,
Чувства жаркие напой
И даруй мне утомленье,
Освященное тобой!

1831

М. Ю. Лермонтов (1814–1841) 76. Баллада

(Из Байрона)

Берегись! берегись! над бургосским путем
Сидит один черный монах;
Он бормочет молитву во мраке ночном,
Панихиду о прошлых годах.
Когда Мавр пришел в наш родимый дол,

Оскверняячи церкви порог,
Он без дальних слов выгнал всех чернецов;
Одного только выгнать не мог.

Для добра или зла (я слышал не один,
И не мне бы б том говорить),
Когда возвратился тех мест господин,
Он никак не хотел уходить.
Хоть никто не видал, как по замку блуждал
Монах, но зачем возражать?
Ибо слышал не раз я старинный рассказ,
Который страшусь повторять.

Рождался ли сын, он рыдал в тишине,
Когда ж прекратился сей род,
Он по звучным полам при бледной луне
Бродил и взад и вперед.

1830

77. Желание

Зачем я не птица, не ворон степной.
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

1831

78. Небо и звезды

Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и подумать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!

Чем ты несчастлив? —
Скажут мне люди.
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..

Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы хотел.

1831

79. Земля и небо

Как землю нам больше небес не любить?
Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в сто раз,
Но мы знаем, какое оно.

О надеждах и муках былых вспоминать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность надежды земной,
А краткость печали смешит.

Страшна в настоящем бывает душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вкусить в небесах,
Но с миром расстаться нам жаль.

Что во власти у нас, то приятнее нам,
Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим ясней,
Как оно породнилось с душой.

1831

80. Казачья колыбельная песня

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь.
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовься в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Ребенка милого рожденье
 Приветствует мой запоздалый стих.
 Да будет с ним благословенье
 Всех ангелов небесных и земных!
 Да будет он отца достоин,
 Как мать его, прекрасен и любим;
 Да будет дух его спокоен
 И в правде тверд, как божий херувим.
 Пускай не знает он до срока
 Ни мук любви, ни славы жадных дум;
 Пускай глядит он без упрека
 На ложный блеск и ложный мира шум;
 Пускай не ищет он причины
 Чужим страстям и радостям своим,
 И выйдет он из светской тины
 Душою бел и сердцем невредим!

1839

82. И скучно и грустно

И скучно и грустно, и некому руку подать
 В минуту душевной невзгоды...
 Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
 А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
 А вечно любить невозможно.
 В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
 И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
 Исчезнет при слове рассудка;
 И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем
 вокруг, —
 Такая пустая и глупая шутка...

1840

Есть речи — значенье
 Темно иль ничтожно,
 Но им без волненья
 Внимать невозможно.

Как полны их звуки
 Безумством желанья!
 В них слезы разлуки,

В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

1840

84. Из Гете

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840

85. Тучи

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные..
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

86. Завещание

Наедине с тобою, брат,

Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

87. Сказка для детей *(Отрывок из поэмы)*

1

Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок;
Поэты в том виновны не совсем
(Хотя у многих стих не вовсе гладок);
И публика не права между тем.
Кто виноват, кто прав — уж я не знаю,
А сам стихов давно я не читаю —
Не потому, чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для звучных строф
Златое время... в нашем веке зрелом,

Известно вам, все заняты мы делом.

2

Стихов я не читаю — но люблю
Марать шутя бумаги лист летучий;
Свой стих за хвост отважно я ловлю;
Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм — как например на ю.
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избежать:
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.

3

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело всё, что ново!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.
Бог знает где заветная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ее листов — и слышно; c'est joli?..^[11]
Иль мышь над ней старается в пыли?..
Но этот черт совсем иного сорта —
Аристократ и не похож на черта.

4

Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню: розовые шторы
Опущены, с трудом лишь может глаз
Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,
И, девственным дыханьем напоенный,
Огнем в лицо вам пышет воздух сонный;
Вот ручка, вот плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуется молодой, но строгий профиль...
И на него взирает Мефистофель.

<1839–1840>

88

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растёт.

1841

89. Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

90

*Sie liebten sich beide, doch keener
Wollt'es dem andern gestehn.*

Heine. ^[12]

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

1841

91. Свиданье (Отрывок)

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители

Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старую
На сумрачной горе
Под свежую чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
Как сторожи, стоят;
И поступью несмелую
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинную
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синею Курой,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;

Я жду с тоской бесплодную,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

1841

92. Листок

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя;
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

— На что мне тебя? — отвечает младая чинара,
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цветуща для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море.

1841

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,

И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

И. П. Мятлев (1796–1844) 94. Фантастическая высказка

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.

Так и я:
Жизнь моя
Отцвела,
Отбыла;
Я пленен,
Я влюблен,
Но в кого?
Ничего
Не скажу;
Протужу,
Пока сил
Не лишил

Меня бог;
Но чтоб мог
Разлюбить,
Позабить —
Никогда.
Навсегда
Я с тоской,
Грусти злой
Не бегу:
Не могу
Убежать,
Перестать
Я любить —
Буду жить
И тужить.

Таракан
Как в стакан
Попадет —
Пропадет,
На стекло
Тяжело
Не всползет.

1833

95. Фонарики

Фонарики, сударики,
Скажите-ка вы мне,
Что видели, что слышали
В ночной вы тишине?
Так чинно вы расставлены
По улицам у нас:
Ночные караульщики,
Ваш верен зоркий глаз!

Вы видели ль, заметили ль,
Как девушка одна,
На цыпочках, тихохонько
И робости полна,
Близ стенки пробирается,
Чтоб друга увидеть
И шепотом, украдкою
«Люблю!» ему сказать.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль, как юноша
Нетерпеливо ждет,
Как сердцем, взором, мыслию
Красавицу зовет...
И вот они встречаются —
И радость, и любовь;
И вот они назначили
Свиданье завтра вновь.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль несчастную,
Убитую тоской,
Как будто тень бродящую,
Как призрак гробовой,
Ту женщину безумную,
Заплаканы глаза:
Ее все жизни радости
Разрушила гроза.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль преступника,
Как в горести немой
От совести убежища
Он ищет в час ночной?
Вы видели ль веселого
Гуляку в сюртуке,
Оборванном, запачканном,
С бутылкою в руке?

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль
Того не говорят.

Вы видели ль сиротушку,
Прижавшись в уголок,
Как просит у прохожего,
Чтоб, бедной, ей помог;
Как горемычной холодно.
Как страшно в темноте.
Ужель никто не сжалится,

И гибнуть сироте?

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Вы видели ль мечтателя,
Поэта в час ночной?
За рифмой своенравною
Гоняясь, как шальной,
Он хочет муку тайную
И неба благодать
Толпе, ему внимающей,
Звучнее передать.

Фонарики, сударики
Горят себе, горят,
А видели ль, не видели ль —
Того не говорят.

Быть может, не заметили...
Да им и дела нет;
Гореть им только велено,
Покуда будет свет.
Окутанный рогожею
Фонарщик их зажег;
Но чувства прозорливости
Им передать не мог!..

Фонарики, сударики
Народ всё деловой:
Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!
Они на то поставлены,
Чтоб видел их народ,
Чтоб величались, славились,
Но только без хлопот.

Им, дескать, не приказано
Вокруг себя смотреть,
Одна у них обязанность:
Стоять тут и гореть.
Да и гореть, покудова
Кто не задует их.
Так что же и тревожиться
О горестях людских!

Фонарики, сударики —
Народ всё деловой:

Чиновники, сановники —
Всё люди с головой!

1841

А. В. Кольцов (1809–1842) **96. Песня**

Ты не пой, соловей,
Под моим окном;
Улети в леса
Моей родины!

Полюби ты окно
Души-девицы...
Прощебечь нежно ей
Про мою тоску;

Ты скажи, как без ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Перед осенью.

Без нее ночью мне
Месяц сумрачен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.

Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?

Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?

Что ж поешь, соловей,
Под моим окном?
Улетай, улетай
К душе-девице!

1832

97. Не шуми ты, рожь

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего

Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе
Не своей душе —
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум!

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!

1834

98. Русская песня

В поле ветер веет,
Травку колыхает,
Путь, мою дорогу
Пылью покрывает.

Выходи ж ты, туча,
С страшною грозюю,
Обойми свет белый,
Закрой темнотою.

Молодец удалый
Соловьем засвищет!
Без пути — без света
Свою долю сыщет.

Что ему дорога!
Тучи громовые!
Как придут по сердцу —
Очи голубые!

Что ему на свете
Доля нелюдская,
Когда его любит —
Она, молодая!

1838

99. Русская песня

Без ума, без разума
Меня замуж выдали,
Золотой век девичий
Силой укорóтали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нежили,
За стеклом от солнушка
Красоту лелеяли,

Чтоб я век свой замужем
Горевала, плакала,
Без любви, без радости
Сокрушалась, мучилась?

Говорят родимые:
«Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчее придётся».

Хорошо, состарившись,
Рассуждать, советовать
И с собою молодость
Без расчета сравнивать!

1839

100. Русская песня

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!

То ли дело — вдвоем
Над рекою сидеть,
На зеленую степь,
На цветочки глядеть!

То ли дело — вдвоем
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать;

Поутру, на заре,
Обнимать-проводить,
Вечерком у ворот
Его вновь поджидать!

1840

101. Русская песня

Дуют ветры,
Ветры буйные,
Ходят тучи,
Тучи темные.

Не видать в них
Света белого;
Не видать в них
Солнца Краснова.

Во сырой мгле,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...

В эту пору
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну девицу!

С ней зимою —
Лето теплое;
При бездолюи —
Горе — не горе!

1840

Е. П. Гребенка (1812–1848) 102. Песня

Молода еще девица я была,
Наша армия в поход куда-то шла.

Вечерело. Я стояла у ворот —
А по улице всё конница идет.

К воротам подъехал барин молодой,
Мне сказал: «Напой, красавица, водой!»

Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал...

Он уехал... Долго я смотрела вслед:
Жарко стало мне, в очах мутился свет,

Целу ноченьку мне спать было невмочь.
Раскрасавец барин снился мне всю ночь.

Вот недавно — я вдовой уже была,
Четырех уж дочек замуж отдала —

К нам заехал на квартиру генерал...
Весь простреленный, так жалобно
  стонал...

Я взглянула — встрепенулася душой:
Это он, красавец барин молодой!

Тот же голос, тот огонь в его глазах,
Только много седины в его кудрях.

И опять я целу ночку не спала,
Целу ночку молодой опять была...

<1841>

103. Черные очи

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Всё, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам!

1843

К. К. Павлова (1807–1893) **104**

К могиле той заветной
Не приходи уныло,
В которой смолкнет сила
Всей жизненной грозы.

Отвергну плач я тщетный,
Цветы твои и пени;
К чему бесплотной тени
Две розы, две слезы?..

1851

105. Серенада

Ты всё, что сердцу мило,
С чем я сжился умом;
Ты мне любовь и сила, —
Спи безмятежным сном!

Ты мне любовь и сила,
И свет в пути моем;
Всё, что мне жизнь сулила, —
Спи безмятежным сном.

Всё, что мне жизнь сулила
Напрасно с каждым днем;
Весь бред молодого пыла, —
Спи безмятежным сном.

Весь бред молодого пыла
О счастья земном
Судьба осуществила, —
Спи безмятежным сном.

Судьба осуществила
Всё в образе одном,
Одно горит светило, —
Спи безмятежным сном!

Одно горит светило
Мне радостным лучом,
Как буря б ни грозила, —
Спи безмятежным сном!

Как буря б ни грозила,
Хотя б сквозь вихрь и гром
Неслось мое ветрило, —
Спи безмятежным сном!

1851

Примечания

И. А. Крылов. **1** Я в 6–4, рифмы с ё. **2** Я в 6–1. **3** Я в 6–4, рифмы с ё.

А. Ф. Мерзляков. **4** ПеIII 3, (аа).

К. Н. Батюшков. **5** Я6, аа. **6** Я 66664661, АБАБВВ6В. **7** ЯЗ, вольн. рифм. **8** Я 4443, АБАБ. **9** Я4, вольн. рифм. **10** Я в 6–2.

В. А. Жуковский. **11** Я 6664, аБаБ, рифмы с ё, одна с ё. Переносы из строфы в строфу. **12** Амф2, б, д, астрофич. **13** Я 4343., аБаБвГвГдЕдЕ. **14** X, 14-ст 43434343443443, аБаБвГвГддЕжжЕ. Основа этой сложной балладной строфы — одическая строфа с зеркальной рифмовкой и добавлением в начале одного 4-ст. **15** Амф, балладное 8-ст 24242224, АБАБвГвГ, рифма с ё. **16** ЯЗ, б, ХхХхХхХх. **17** Амф4, балладное 2-ст аа. **18** Лог √-√-√-(√), ХаХа, рифма

с ё. **19** Я5 бц (с преобладанием словораздела на 2-й стопе), октавы. **20** Я, балладное 6-ст 414144, аБаБвв. **21** X4, А'бА'бВ'гВ'г, рифмы с ё и ё. **22** Я 6644, аБаБ. **23** Я5 бц, б. **24** Ан 4343, балладное 4-ст, рифмы м. Все четные стихи в строфах рифмуются между собой. Рифмовка нечетных изменчива; то рифмуются, как обычно, стихи между собой (пятое 4-ст); то полустиишия одного стиха друг с другом, а концы стихов не зарифмованы (третье 4-ст); то рифма тройная — зарифмованы стихи и одно из полустииший (первое 4-ст); то зарифмованы первое полустиишие с первым, второе со вторым (второе 4-ст); то рифма четверная, одна во всех полустиишиях (десятое 4-ст). Один из вариантов этой строфы (рифмовка полустииший между собой при незарифмованных стихах) заимствовал у Жуковского Мицкевич в своей балладе «Три Будрыса», но, по условиям польского языка, все рифмы ж, цн. Пушкин, переведя эту балладу, сохранил такую строфу (см. II, **47**). **25** Я4, (аа). Первый в русской поэзии лиро-эпический астрофич. Я4 со сплошной м рифмой и смежной рифмовкой. **26** АмфЗ, б. Балладное 12-ст. хХхХхХхХхХхХ. **27** Расшатанный Гкз (или элегический дистих?). Четные стихи — то Пент, то Гкз; 6-й и 8-й стихи — 5-ст. и 4-ст. **28** Я в 6–3, б, эпический. Неупорядоченно чередуются м и ж окончания. Часты переносы.

Н. И. Гнедич. **29** Гкз. **30** Чередование Гкз и его полустииший, аБаБ.

А. С. Пушкин. **31** Я5 ц, аББах. Кольцо строфы; 5-й стих повторяет начало (до ц) 1-го стиха. Все строфы построены одинаково, вследствие чего 5-й стих — синтаксический рефрен всех трех строф. 2-й стих каждой строфы — точный рефрен. Такое музыкальное построение уникально в поэзии Пушкина. **32** Я4 вольн. рифм., впервые примененный в поэме. Впоследствии такой стих стал обычным в поэмах Пушкина и многих других поэтов. **33** Я в 6–4, элегический. Все Я5 ц. Рефрен «Шуми, шуми, послушное ветрило» в стихотворении вольн. рифм, не прикреплен к определенному месту. **34** Я2, легкий, вольн. рифм. **35** Я6, Алдр, есть переносы. **36** Амф в 4–2. **37** Я4, 5-ст АБААБ, рифмы с ё. **37а** Я4, нетожд. 4-ст. **38** X4. Первые два стиха разбиты на зарифмованные полустиишия. **39** Имитация народного стиха. Ткт, б, ж. **40** Я4, нетожд. 4-ст: два аБаБ, третье аББа — перебой подчеркивает два заключительных стиха, концовку. **41** Я 6464, (аБаБ). Межстрофический перенос, контраст 1-го симметричного 4-ст и 2-го — с внутрстиховыми паузами и переносами. **42** Элегический дистих. Стихотворение написано после окончания «Евгения Онегина». **43** Я5 бц, октавы, в которых соблюдено чередование м и ж рифм между строфами (ср. II, **19**). Заключенные в угловые скобки строфы VII–IX Пушкин исключил для сокращения. *Четырехстопный ямб мне надоел.* Итальянские октавы писались силлабическим 11-сложником; по длине стиха ему ближе Я5, которым писал октавы Жуковский. Однако октавы стих. «Осень» Пушкин написал Я6. В русских октавах чаще встречаются Я5. *Так писывал Шихматов богомольный* и т. д. — шутка. С. А. Ширинский-Шихматов, постригшийся в конце жизни в монахи, второстепенный поэт, не употреблял глагольных рифм, его прозвали «безглагольный»; в «Домике в Коломне» у Пушкина глагольных рифм меньше, чем обычно {Брюсов, 61–62}. *На пё* — термин карточной игры в фараон (штосс). *Люблю цезуру на второй стопе* — смысл шутки в том, что поэт нарушает якобы любимую им цезуру словом «цезуру». *И с жалом даже — точная змия* — парная рифма уподобляется раздвоенному языку змеи. *Буало* — теоретик классицизма, осуждавший переносы в александрийском стихе. *Стянут был цезурой* — для классицизма характерна сильная цезура. *Hugo... гулять пустили без цезуры.* Французские романтики (а также и русские — II, **35**) свободно пользовались ослаблявшими цезуру переносами из полустиишия в полустиишие, осуждавшимися сторонниками классицизма; Тредиаковский в «Новом и кратком способе...» посвятил целый раздел тому, как избежать «порока» — слабой цезуры. **44** Имитация народного стиха, более свободная, чем II, **39**; Ткт, преобладают д окончания. **45** Я 444242, ааабаб. Этой строфой, заимствованной из английской поэзии (ср. V, **33**), Пушкин написал еще стихотворение «Обвал». **46** Я6, терцины, полуподражание, полупародия на

Данте. В отличие от итальянских терцин, в которых все рифмы ж, Пушкин соблюдает чередование рифм. [47](#) См. [примечание к II, 24. 48](#) Я 443443, аабввб, рифма с ё. [49](#) Онегинская строфа. [50](#) Я5 бц, б с частыми переносами, чередование окончаний не соблюдено.

По изд.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949.

А. А. Дельвиг. [51](#) Х4, б, м. Стихи объединены попарно тематически и синтаксически. [52](#) Х, б 3232. Х'ХХ'Х, 4-ст симметричны. [53](#) Лог; каждый стих составлен из Х2 м + Х2 м + Х3 ж; столкновение ударений по законам языка вызывает паузу. АА. Синтаксический параллелизм и анафоры скрепляют 2-ст. [54](#) Я5 ц.

А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев. [55](#) Лог строфический: Ан2, Ан2, Д1 (или Х1). 3-ст объединяются рифмами попарно: аабввб. Строфа послужила Пушкину образцом для эпиграфа к «Пиковой даме»: «А в ненастные дни || Собирались они || Часто...» и т. д. [56](#) Ткт2 па, парные 5-ст: аабвв, гддв. [57](#) Ткт в песенный. [58](#) Ткт в песенный.

А. И. Одоевский. [59](#) ПМК: 8-ст Я 5454... (Я5 ц), аБаБвГвГ, 8-ст Амф4, аБаБвГвГ. [60](#) Я 5–4 (Я5 бц), в рифмовке редкое тогда в ямбах чередование (А'БА'б). С могилы Ляуры... — «у» в этом стихе неслоговое. [61](#) Сложная ПМК: Лог строфический, 4-ст Х6 цн-Д4-Х6 цн-Д4, А'БА'б; Х4, 4-ст АББА; Д4 аБаБ; Лог строфический: Д4, Х4, Х4, Д4, Х4, Х4, аБааБ; размеры последнего куска те же в другом порядке; 2-й стих соединяет Я3 и Д2, затем следуют непредсказуемые сочетания Х4 и Д4; концовка — Д2. В «кусках» 4, 5, 6 размеры сменяются внутри предложений, смена размеров расходится с рифмовкой (ср. IV, [135](#) и V, [105](#)).

И. И. Козлов. [62](#) Я4, аабвв.

Е. А. Баратынский. [63](#) Я5 ц, одиночное 10-ст аБаБаБаБаБ, 1-я редакция. [64](#) Я 4343, хаха. [65](#) Х4, АБАб. [66](#) ПМК: чередование 8-ст Я5 ц, АБАбВгВг и 8-ст Х4, АБАбВгВг. [67](#) Х4, АА. [68](#) Я 4242, (АБАб). [69](#) Я 5353 (Я5 ц), АБАб.

А. И. Полежаев. [70](#) Ан 33222222, аабввбг. [71](#) Я2, вольн. рифм. [72](#) Х2, 10-ст АБАбввГдГд. [73](#) Лог строфический: нечетные стихи Ан2, четные — Х3, (абаб).

Н. М. Языков. [74](#) Я5 ц, АБАБАб. [75](#) Х4, АБАБАб.

М. Ю. Лермонтов. [76](#) Дк па неурегулированные, 8-ст 43434343, аабхвхв, заключительное — 4-ст. [77](#) Тпа урегулированный, 4343, аабб. [78](#) Д б, ХХХх. Первое 5-ст 33344, следующие 22244. [79](#) Тпа неурегулированный, 4343, хаха. [80](#) 8-ст Х43434343, АБАбВгВг. Последний стих — рефрен, поэтому последняя пара рифм — сквозная (в 1-й строфе и все четные). Кольцо стихотворения. [81](#) Я 4545 (Я5 ц), (АБАб). [82](#) Амф 5354, аБаБ. [83](#) Амф2, АБАБ. [84](#) Х3, (АБАб). [85](#) Д4, А'Б'А'Б'. [86](#) Я 43434433, 8-ст абабввГГ. [87](#) Я5 бц, 11-ст аБаБа ВВггДД. [88](#) Амф 4343, парные 4-ст: АБВб, АгВг. [89](#) Х5, АББА. [90](#) Лог на основе Амф5, между 1-м и 2-м сильными слогами — стяжение; нетожд. 4-ст ААББ и ВГВГ. [91](#) Я3, балладное 12-ст А'БА'бВ'гВ'гД'еД'е. [92](#) Амф5, ААББ. [93](#) Х5 с ц на 3-м слоге, АБАб.

По изд.: Лермонтов М. Ю. Собр. соч. Т. I. Л., 1979; т. II, 1980.

И. П. Мятлев. [94](#) Ан1 (или Х2), обрамляющее 7-ст аабввб, в середине (аа). [95](#) ПеII 2, 8-ст Х'аХ'аХ'бХ'б + рефрен 4-ст Х'вХ'в.

А. В. Кольцов. Во всех песнях Кольцова симметричны 4-ст 2 + 2. [96](#) Лог строфический, б, 4-ст Ан2 м-5-сл-Ан2 м-5-сл. [97](#) 5-сл, б, 4-ст. [98](#) Х3, ХАХА. Встречаются синкопы. [99](#) Х3, б, — Х'Х'Х'Х'. [100](#) Ан2, хаха. [101](#) Лог строфический, б. Нечетные стихи — Х2 ж, или Ан1 ж; четные — 5-сл.

Е. П. Гребенка. [102](#) ПеIII 3, аа. [103](#) 5-сл сдвоенный, 4-ст с неупорядоченным чередованием д и м смежных рифм.

К. П. Павлова. [104](#) Я3, спаренные 4-ст АББв, АГГв. [105](#) Я3, 4-ст на две рифмы АБАб; 4-й стих строфы — рефрен, 3-й подхватывается и становится 1-м в следующей строфе. Поэтесса

писала, что эти стихи «написаны больше для музыки» (Павлова К. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1964, с. 564).

III. Вторая половина XIX века

Вторая половина XIX в. — пореформенная эпоха, разночинный период в истории русского освободительного движения. Отмеченная борьбой двух основных исторических тенденций — демократической и либеральной, эта эпоха наложила свой отпечаток на литературу. Это время расцвета критического реализма, новый период и в истории русской поэзии. Он начался с острой полемики вокруг вопроса о смысле и назначении искусства, вылившейся в борьбу двух четко определившихся направлений — «некрасовской школы» и поэзии «чистого искусства».

Многие поэты второй половины XIX в. (Тютчев, Фет, А. К. Толстой и др.) внесли весомый вклад в историю русской поэзии. Но ведущее значение для этого поэтического периода имеет Некрасов.

Стих второй половины XIX века

Метрика. Основные завоевания этого периода в области метрики — широкое распространение 3-сложных размеров (III, [19](#), [24](#), [26](#), [36](#), [38](#), [51](#), [52](#), [55](#), [56](#), [60](#) и др.) и дактилических рифм. Если раньше 3-сложниками пользовались только в малых жанрах, то Некрасов и другие поэты пишут ими также большие стихотворения и поэмы (III, [59](#), [62](#), [63](#)). 3-сложники становятся универсальными. Если в XVIII в. ямбы составляли более 80% всех стихотворных строк, а 3-сложники менее 1 %, если в первой четверти XIX в. — соответственно 3/4 и около 4%, то в рассматриваемый период ямбы — около 2/3, 3-сложники — 13% {[Вишневский, 255](#)}. А у Некрасова ямбы — около 1/2, 3-сложники — около 1/3. 3-сложники преобладают 3-стопные (III, [38](#), [51](#), [55](#), [59](#), [62](#), [63](#), [64](#), [76](#)), реже 4-стопные (III, [19](#), [32](#), [52](#)) и чередование различных стопностей; 5-стопные единичны (III, [30](#)).

Сравнив приведенные здесь 3-стопные анапесты Некрасова (III, [51](#), [55](#), [59](#), [62](#), [63](#), [64](#)), можно увидеть, как разнообразны они ритмически и интонационно — от стиха песенного до разговорного.

Дактилические рифмы в 40-х годах употреблялись еще чаще в комическом стихе, куплетном или фельетонном, например в 3-стопном ямбе с перекрестным чередованием с мужскими: А'БА'Б

(III, [50](#)). С середины века дактилические рифмы становятся столь же универсальными, как и женские (III, [21](#), [28](#), [29](#), [59](#), [60](#), [64](#), [72](#), [73](#), [76](#)). Единственный размер, к которому они не прививались, — 4-стопный ямб. В виде единичного эксперимента они появляются даже в александрийском стихе, вместо женских (III, [80](#)).

Опыты подражания народному стиху становятся малочисленными — и только в малых жанрах (III, [39](#), [43](#), [44](#)). Со второй трети XIX в. подражание русской народной песне многими чертами начинает сближаться с цыганским романсом (ср. II, [102](#), [103](#); III, [48](#)). Наиболее органично усвоивший поэтику фольклора поэт, Некрасов, впитал народно-поэтическую лексику, синтаксис, образность, но из особенностей народного стиха воспринял лишь дактилические рифмы — и сделал их достоянием стиха литературного.

Некрасов — единственный поэт XIX в., 15 раз допустивший пропуски метрического ударения (трибрахии) в 3-сложниках (III, [59](#), [60](#), [63](#)), которые разовьются спустя полвека. У Некрасова же встречаются перебои метра, предвосхищающие достижения поэтов XX в., в частности Маяковского. В нескольких произведениях он среди обычных 3-сложников допускает стяжения, вводя отдельные дольникостихи (III, [52](#), [58](#)); или выделяет концовку, ставя дактиль вместо анапеста (III, [56](#)); или добавляет лишний слог, превращая дактиль в тактовик — при этом, опять-таки, в «дактилический» тактовик вместо анапеста (III, [58](#)).

Немногие современники оценили эти новшества. Редактор первого посмертного издания Некрасова поправлял мнимые ошибки поэта. Н. Г. Чернышевский справедливо писал: «Обыкновенный повод к поправкам подает ему «неправильность размера»; а на самом деле размер стиха, поправляемого им, правилен. Дело в том, что Некрасов иногда вставляет двусложную стопу в стих пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это делается так, как делает Некрасов, то не составляет неправильности. Приведу один пример. В «Песне странника» Некрасов написал:

Уж я в третью: мужик! Что ты бабу бьешь?

В «Посмертном издании» стих поправлен:
...что ты бабу-то бьешь?

Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложной: это дает особую силу выражению. Поправка портит стих».^[13]

Немногочисленны, но чрезвычайно выразительны метрические перебои у Тютчева, притом в наиболее традиционном, а поэтому самом консервативном размере — 4-стопном ямбе (III, [5](#), [16](#)). Новаторство Некрасова и Тютчева было по достоинству оценено в наши дни, на фоне Блока, Маяковского и Пастернака, когда стали привычными и дольники, и тактовики, и трибрахии, и метрические перебои. Единичные примеры свободного стиха (III, [22](#)) — предвестие XX в.

Рифма. В этот период начинает развиваться приблизительная рифма (*берёза — слёзы*); теоретически ее обосновал и часто применял во всех жанрах А. К. Толстой (III, [40](#), [42](#)), но основным фоном остается рифма точная. Лирика, фольклорные стилизации удовлетворяются привычными рифмами, в дактилических особенно высок процент грамматических: *утешéния — спасéния* и т. п.

В сатире часты рифмы составные, с именами собственными, варваризмами (III, [50](#), [62](#), [63](#)). Д. Д. Минаева прозвали королем рифмы: его каламбурные рифмы, как и составные рифмы Некрасова-фельетониста, предвосхищают достижения Маяковского.

Большее значение, чем в предшествующий период, начинает приобретать звуковая инструментовка стиха, в частности внутренняя рифма (III, [21](#), [25](#), [29](#), [31](#), [56](#), [58](#), [61](#), [64](#)).

Строфика. Возрастает удельный вес строфических произведений. Если в XVIII и первой четверти XIX в. их количество составляло приблизительно треть всех стихотворных произведений, то теперь заметно превышает половину {Исследования, 48}. Преобладают 4-стишия. Огромные сложные строфы, как у Державина и Жуковского, сходят на нет. Зато виртуозно варьируются у Фета и некоторых других поэтов 6-стишия (III, 11, 29, 33, 34, 77, 79), 8-стишия (III, 14, 31, 35), необычны нечетные строфы (III, 26, 36, 47), даже 4-стишия звучат необычно (III, 24). Особо надо отметить строфы с холостыми стихами. Встречаются два типа. Один — 4-стишие с зарифмованными только четными стихами хаха (III, 65, 69), ставшее с середины века под влиянием переводов из Гейне очень популярным. Другой — индивидуальные строфы. У раннего Тютчева они были похожи на державинские (III, 2, 4), у Фета — своеобразны (III, 32, 36).

Продолжают развиваться разностопные строфы, прежде всего — 4-стишия (III, 21, 24, 27, 33). Крайняя степень контрастной разностопности — рифма-эхо (III, 68) и соединение в строфе разных метров (III, 45) — пока только в сатире.

Учащаются примеры строфического вольного стиха (III, 15, 17). Сонет отходит на задний план; из других твердых форм неожиданно появляется секстина — у Л. А. Мея (III, 78), Л. Н. Трефолева. В отличие от канонической формы, обе они — рифмованные.

Необыкновенные строфоиды белого 3-стопного ямба создает Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» и в стихотворении «Зеленый шум» (III, 61), писавшемся одновременно с началом поэмы. Чередование дактилических и мужских клаузул не задано моделью строфы, а зависит от синтаксического строя. Внутри одного предложения, которое может охватывать в поэме от 2 до 7 стихов (в стихотворении от 2 до 5), все окончания дактилические; конец фразы обозначается мужской клаузулой. Это столь же индивидуальная структура, как, например, онегинская строфа, и если встречается у кого-либо, то звучит ритмической цитатой.

Ф. И. Тютчев (1803–1873)

1

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
    Стихия бьет о берег свой.

То глас ее; он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
    В неизмеримость темных волн.

Небесный свод; горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
    Со всех сторон окружены.

<1830>

2. Двум сестрам

Обеих вас я видел вместе —

И всю тебя узнал я в ней...
Та ж взоров тихость, нежность гласа,
Та ж прелесть утреннего часа,
Что веяла с главы твоей!

И всё, как в зеркале волшебном,
Всё обозначилоя вновь:
Минувших дней печаль и радость,
Твоя утраченная младость,
Моя погибшая любовь!

1830

3. Безумие

Там, где с землею обгорелой
Слился, как дым, небесный свод, —
Там в беззаботности весёлой
Безумье жалкое живёт.

Под раскаленными лучами,
Зарывшись в пламенных песках,
Оно стеклянными очами
Чего-то ищет в облаках.

То вспрянет вдруг и, чутким ухом
Припав к растреснутой земле,
Чему-то внемлет жадным слухом
С довольством тайным на челе.

И мнит, что слышит струй кипенье,
Что слышит ток подземных вод,
И колыбельное их пенье,
И шумный из земли исход!..

1830

4. Листья

Пусть сосны и ели
Всю зиму торчат,
В снега и метели
Закутавшись, спят.
Их тощая зелень,
Как иглы ежа,
Хоть ввек не желтеет,
Но ввек не свежа.

Мы ж, легкое племя,
Цветем и блестим
И краткое время
На сучьях гостим.

Всё красное лето
Мы были в красе,
Играли с лучами,
Купались в росе!..

Но птички отпели,
Цветы отцвели,
Лучи побледнели,
Зефиры ушли.
Так что же нам даром
Висеть и желтеть?
Не лучше ль за ними
И нам улететь!

О буйные ветры,
Скорее, скорей!
Скорей нас сорвите
С докучных ветвей!
Сорвите, умчите,
Мы ждать не хотим,
Летите, летите!
Мы с вами летим!..

1830

5. Silentium!^[14]

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

<1830>

6. Весеннее успокоение

(Из Уланда)

О, не кладите меня
В землю сырую —
Скройте, заройте меня
В траву густую!

Пускай дыханье ветерка
Шевелит травую,
Свирель поет издалика,
Светло и тихо облака
Плывут надо мною!..

<1832>

7. Сон на море

И море и буря качали наш челн;
Я, сонный, был предан всей прихоти волн.
Две беспредельности были во мне,
И мной своевольно играли оне.
Вкруг меня, как кимвалы, звучали скалы,
Окликались ветры и пели валы.
Я в хаосе звуков лежал оглушен,
Но над хаосом звуков носился мой сон.
Болезненно-яркий, волшебнo-немой,
Он веял легко над гремящею тьмой.
В лучах огневицы развил он свой мир —
Земля зеленела, светился эфир,
Сады-лабиринфы, чертоги, столпы,
И сонмы кипели безмолвной толпы.
Я много узнал мне неведомых лиц,
Зрел тварей волшебных, таинственных птиц,
По высям творенья, как бог, я шагал,
И мир подо мною недвижимый сиял.
Но все грезы насквозь, как волшебника вой,
Мне слышался грохот пучины морской,
И в тихую область видений и снов
Врывалася пена ревущих валов.

<1836>

8

С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Всё выше, дале вьется он,
И вот ушел за небосклон.

Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,

Я, царь земли, прирос к земле!..

<1836>

9

Душа моя — Элизиум теней,
Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
Ни помыслам години буйной сей,
Ни радостям, ни горю не причастных.

Душа моя, Элизиум теней,
Что общего меж жизнью и тобою!
Меж вами, призраки минувших, лучших дней
И сей бесчувственной толпою?..

<1836>

10. День и ночь

На мир таинственный духóв,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов.
День — сей блистательный покров —
День, земнородных оживленье,
Души болящей исцеленье,
Друг человеков и богов!

Но меркнет день — настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрóва
Сорвав, отбрасывает прочь...
И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами —
Вот отчего нам ночь страшна!

<1839>

11. Русской женщине

Вдали от солнца и природы,
Вдали от света и искусства,
Вдали от жизни и любви
Мелькнут твои молодые годы,
Живые помертвеют чувства,
Мечты развеются твои...

И жизнь твоя пройдет незрима,
В краю безлюдном, безымянном,
На незамеченной земле, —
Как исчезает облак дыма

На небе тусклом и туманном,
В осенней беспредельной мгле...

1848 или 1849

12

Как дымный столп светлеет в вышине! —
Как тень внизу скользит неуловима!..
«Вот наша жизнь, — промолвила ты мне, —
Не светлый дым, блестящий при луне,
А эта тень, бегущая от дыма...»

1848 или 1849

13

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.

<1849>

14. Поэзия

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

<1850>

15

Не знаю я, коснется ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
    Пройдет ли обморок духовный?

    Но если бы душа могла
Здесь, на земле, найти успокоенье,
    Мне благодатью ты б была —
Ты, ты, мое земное провиденье!..

1851

16. Последняя любовь

О, как на склоне наших лет

Нежней мы любим и суеверней...
Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Полнеба обхватила тень,
Лишь там, на западе, бродит сиянье,
Помедли, помедли, вечерний день,
Продлись, продлись, очарованье.

Пускай скудеет в жилах кровь,
Но в сердце не скудеет нежность...
О ты, последняя любовь!
Ты и блаженство и безнадежность.

Между 1852 и 1854

17

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде, —
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь —
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

1857

18

Природа — сфинкс. И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может случиться, никакой от века
Загадки нет и не было у ней.

1869

И. С. Тургенев (1818–1883) 19. (В дороге)

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,

Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

20

Отсутствующими глазами
Увижу я незримый свет,
Отсутствующими ушами
Услышу хор немых планет.
Отсутствующими руками
Без красок напишу портрет.
Отсутствующими зубами
Съем невещественный паштет,
И буду рассуждать о том
Несуществующим умом.

1881

А. А. Фет (1820–1892) 21

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,
Я при свечах навела;
В два ряда свет — и таинственным трепетом
Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:
Там, за спиной, нет огня...
Тяжкое что-то над шею белою
Плавает, давит меня!

Ну как уставят гробами дубовыми
Весь этот ряд между свеч!
Ну как лохматый с глазами свинцовыми
Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и жарче дня...
Дух захватило в груди...
Суженый! золото, серебро!.. Чур меня,
Чур меня — сгинь, пропади!

<1842>

22

Здравствуй! тысячу раз мой привет тебе, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,

Тихая, теплая,
Серебром окаймленная!

Робко, свечу потушив, подхожу я к окну...
Меня не видать, зато сам я всё вижу...

Дождусь, непременно дождусь:
Калитка вздрогнёт, растворяясь,
Цветы, закачавшись, сильнее запахнут, и долго,
Долго при месяце будет мелькать покрывало.

<1842>

23

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полон жаждой;

Рассказать, что с той же страстью,
Как вчера, пришел я снова,
Что душа все так же счастью
И тебе служить готова;

Рассказать, что отовсюду
На меня весельем веет,
Что не знаю сам, что́ буду
Петь, — но только песня зреет.

<1843>

24

Как мошки зарею,
Крылатые звуки толпятся;
С любимой мечтою
Не хочется сердцу расстаться.

Но цвет вдохновенья
Печален средь буднишних терний;
Былое стремленье
Далеко, как отблеск вечерний.

Но память былого
Всё крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!

Ветер злой, ветер крутой в поле
 Заливается,
 А сугроб на степной воле
 Завивается.

При луне на версте мороз —
 Огонечками.
 Про живых ветер весть пронес
 С позвоночками.

Под дубовым крестом свистит,
 Раздувается.
 Серый заяц степной хрустит,
 Не пугается.

<1847>

Напрасно!
 Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,
 И тягостно сердцу, что лгать я обязан всечасно;
 Тебе улыбаюсь, а внутренне горько я плачу,
 Напрасно.

Разлука!
 Душа человека какие выносит мученья!
 А часто на них намекнуть лишь достаточно
 звука.

Стою как безумный, еще не постиг выраженья:
 Разлука.

Свиданье!
 Разбей этот кубок: в нем капля надежды таится.
 Она-то продлит и она-то усилит страданье,
 И в жизни туманной всё будет обманчиво сниться
 Свиданье.

Не нами
 Бессилье изведано слов к выраженью желаний.
 Безмолвные муки сказались людям веками,
 Но очередь наша, и кончится ряд испытаний
 Не нами.

Но больно,
 Что жребии жизни святым побужденьям
 враждебны;
 В груди человека до них бы добраться

довольно...
Нет! вырвать и бросить; те язвы, быть может,
целебны, —
Но больно.

<1852>

27. Певице

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко среди незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

<1857>

28

Лесом мы шли по тропинке единственной
В поздний и сумрачный час.
Я посмотрел: запад с дрожью таинственной
Гас.

Что-то хотелось сказать на прощание, —
Сердца не понял никто;
Что же сказать про его обмирание?
Что?

Думы ли реют тревожно-несвязные,
Плачет ли сердце в груди, —
Скоро повысыплют звезды алмазные,
Жди!

<1858>

29

Сны и тени,
Сновиденья,

В сумрак трепетно манящие,
Все ступени
Усыпленья
Легким роем преходящие,

Не мешайте
Мне спускаться
К переходу сокровенному,
Дайте, дайте
Мне умчаться
С вами к свету отдаленному.

Только минем
Сумрак свода, —
Тени станем мы прозрачные
И покинем
Там у входа
Покрывала наши мрачные.

1859

30

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистой, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, всё беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой
кручине?

Как не забыть, хоть на время, язвительных
терний

Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

1863

31. Горячий ключ

Помнишь тот горячий ключ,
Как он чист был и бегуч,
Как дрожал в нем солнца луч
И качался,
Как пестрел соседний бор,
Как белели выси гор,
Как тепло в нем звездный хор
Повторялся.

Обмелел он и остыл,
Словно в землю уходил,
Оставляя следом ил
        Бледно-красный.

Долго-долго я алкал,
Жилу жаркую меж скал
С тайной ревностью искал,
        Но напрасной.

Вдруг в горах промчался гром,
Потряслась земля кругом,
Я бежал, покинув дом,
        Мне грозящий, —
Оглянулся — чудный вид:
Старый ключ прошиб гранит
И над бездною висит,
        Весь кипящий!

<1870>

32

Что ты, голубчик, задумчив сидишь,
Слышишь — не слышишь, глядишь —
  не глядишь?

Утро давно, а в глазах у тебя,
Я посмотрю, и не день и не ночь.
— Точно случилось жемчужную нить
Подле меня тебе врозь уронить.
Чудную песню я слышал во сне,
Несколько слов до явú мне прожгло.
Эти слова-то ищу я опять
Все, как звучали они, подобрать.
Верно, ах, верно, сказала б ты мне,
В чем этот голос меня укорял.

1875

33

Это утро, радость эта,
Эта мощь и дня и света,
        Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
        Этот говор вод,

Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
        Этот пух — не лист,
Эти горы, эти доли,

Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это всё — весна.

<1881>

34. Шопену

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки —
Ты еще со мной!

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, —
И не нужно мне надежды:
Этот час — он мой!

Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепенулось;
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое, —
Я на всё, на всё иное
Отпылал, потух!

Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки —
Разорвется вдруг!

<1882>

35

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.

Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

1883

Сад весь в цвету,
Вечер в огне,
Так освежительно-радостно мне!

Вот я стою,
Вот я иду,
Словно таинственной речи я жду.

Эта заря,
Эта весна
Так непостижна, зато так ясна!

Счастья ли полн,
Плачу ли я,
Ты — благодатная тайна моя.

<1884>

36

Давно в любви отрады мало:
Без отзыва вздохи, без радости слезы;
Что было сладко — горько стало,
Осыпались розы, рассеялись грезы.

Оставь меня, смешай с толпою!
Но ты отвернулась, а сетуешь, видно,
И всё еще больна ты мною...
О, как же мне тяжело и как мне обидно!

1891

37

А. К. Толстой (1817–1875)

38

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,

А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

1851

39

Ты не спрашивай, не распытай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя, почему люблю,
И за что люблю, и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытай:
Что сестра ль ты мне, молода ль жена
Или детище ты мне малое?

И не знаю я, и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати.
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднебесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки.
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал;
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

1851

40. Благоразумие

Поразмыслив аккуратно,
Я избрал себе дорожку
И иду по ней без шума,
Понемножку, понемножку!

Впрочем, я ведь не бесстрастен,
Я не холоден душою,
И во мне ведь закипает
Ретивое, ретивое!

Если кто меня обидит,
Не спущу я, как же можно!

Из себя как раз я выйду,
Осторожно, осторожно!

Без ума могу любить я,
Но любить, конечно, с толком,
Я готов и правду резать,
Тихомолком, тихомолком!

Если б брат мой захлебнулся,
Я б не стал махать руками,
Тотчас кинулся бы в воду,
С пузырями, с пузырями!

Рад за родину сразиться!
Пусть услышу лишь картечь я,
Грудью лягу в чистом поле,
Без увечья, без увечья!

Послужу я и в синклите,
Так чтоб ведали потомки;
Но уж если пасть придется
Так соломки, так соломки!

Кто мне друг, тот друг мне вечно.
Все родные сердцу близки,
Всем союзникам служу я,
По-австрийски, по-австрийски!

1853 или 1854

41

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

<1854>

42

Острою секирой ранена береза,
По коре серебристой покатались слезы;
Ты не плачь, береза, бедная, не сетуй!
Рана не смертельна, вылечится к лету,
Будешь красоваться, листьями убрана...
Лишь больное сердце не залечит раны!

43

Ходит Спесь, надуваючись,
 С боку на бок переваливаясь.
 Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
 Шапка-то на нем во целу сажень,
 Пузо-то его все в жемчуге,
 Сзади-то у него раззолочено.
 А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
 Да ворота некрашены!
 А и помолился б Спесь во церкви божией,
 Да пол не метён!
 Идет Спесь, видит: на небе радуга;
 Повернул Спесь во другую сторону:
 Не пригоже-де мне нагибаться!

<1856>

44

Ой, честь ли то молодцу лен прясти?
 А и хвала ли боярину кичку носить?
 Воеводе по воду ходить?
 Гуслиарю-певуну во приказе сидеть?
 Во приказе сидеть, потолок коптить?
 Ой, коня б ему! гусли б звонкие!
 Ой, в луга б ему, во зеленый бор!
 Через реченьку да в темный сад,
 Где соловушка на черемушке
 Целу ноченьку напролет поет!

<1857>

45

У приказных ворот собирался народ
                                 Густо;
 Говорит в простоте, что в его животе
                                 Пусто!
 «Дурачье! — сказал дьяк, — из вас должен быть всяк
                                 В теле;
 Еще в Думе вчера мы с трудом осетра
                                 Съели!»
 На базар мужик вез через реку обоз
                                 Пакли;
 Мужичок-то, вишь, прост, знай везет через мост,
                                 Так ли?
 «Вишь, дурак! — сказал дьяк, — тебе мост, чай, пустяк,
                                 Дудки?»

Ты б его поберег, ведьплыли ж поперек
Утки!»

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,
Вишь ты!
В полотенце свернул, да поймал караул,
Ништо!
Дьяк сказал: «Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать, стало, Ваське и дать
Таску!»

Пришел к дьяку больной; говорит: «Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче!
И не лечь, и не сесть, и не можно мне съесть
Столько!»
«Вишь, дурак! — сказал дьяк, — ну не ешь натошак;
Только!»

Пришел к дьяку истец, говорит: «Ты отец
Бедных;
Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
Медных, —
Я б те всыпал, ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка!»
«Сыпь сейчас, — сказал дьяк, подставляя колпак, —
Ну-тка!»

<1857>

46

Запад гаснет в дали бледно-розовой,
Звезды небо усеяли чистое,
Соловей свищет в роще березовой,
И травую запахло душистою.

Знаю, что тебе в думушку вкралось,
Знаю сердца немолчные жалобы,
Не хочу я, чтоб ты притворялася
И к улыбке себя принуждала бы!

Твое сердце болит безотрадное,
В нем не светит звезда ни единая —
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока песня звучит соловьиная.

Соловьиная песня унылая,
Что как жалоба катится слезная,

Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушает звездное!

<1858>

Я. П. Полонский (1819–1898) 47. Татарская песня

Он у каменной башни стоял под стеной;
И я помню, на нем был кафтан дорогой;
И мелькала, под красным сукном,
Голубая рубашка на нем...

Презирайте за то, что его я люблю!
Злые люди, грозите судом —
Я суда не боюсь и вины не таю!

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Золотая граната растет под стеной;
Всех плодов не достать никакою рукой;
Всех красивых мужчин для чего
Стала б я привораживать! Но
Приютила б я к сердцу, во мраке ночей
Приголубила б только его —
И уж больше любви мне не нужно ничьей!

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Разлучили, сгубили нас горы, холмы
Эриванские! Вечно холодной зимы
Вечным снегом покрыты оне!
Говорят, на чужой стороне
Девы Грузии блеском своей красоты
Увлекают сердца... Обо мне
В той стране, милый мой, не забудешь ли ты?

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

Говорят, злая весть к нам оттуда пришла:
За горами кровавая битва была;
Там засада была... Говорят,
Будто наших сарбазов отряд
Истреблен ненавистной изменою... Чу!
Кто-то скачет... копыта стучат...
Пыль столбом... я дрожу и молитву шепчу...

Не бросай в меня камнями!..
Я и так уже ранена...

1846

48. Песня цыганки

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдет — и спозаранок
В степь, далеко, милый мой,
Я уйду с толпой цыганок
За кибиткой кочевой.

На прощанье шаль с каймою
Ты на мне узлом стяни:
Как концы ее, с тобою
Мы сходились в эти дни.

Кто-то мне судьбу предскажет?
Кто-то завтра, сокол мой,
На груди моей развяжет
Узел, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милого любя,
Будет песни петь, играя
На коленях у тебя!

Мой костер в тумане светит;
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит;
Мы простимся на мосту.

1853

49. На берегах Италии

Я по красному щебню схожу один
К морю сонному,
Словно тучками, мглою далеких вершин
Окаймленному.

Ах! как млеют, вдали замыкая залив,
Выси горные!
Как рисуются здесь, уходя в тень олив,
Козы черные...

Пастухи вдали, на свои жезлы,
С их котомками,
Опершись, стоят на краю скалы
Над обломками.

Там, у взморья, когда-то стоял чертог
С колоннадами,
И наяды плескались в его порог
Под аркадами.

Там недавно мне снился роскошный сон —
Но... всегда ли я
Ради этих снов забывал твой стон,
О Италия!

Вдохновляемый плачем твоим, я схожу
К морю сонному,
Словно тучками, мглою далеких вершин
Окаймленному.

Там в лазурном тумане толпой встают
Тени бледные.
То не тени встают — по волнам плывут
Пушки медные.

Корабельный флаг отдаленьем скрыт,
Словно дымкою.
Там судьба твоя с фитилем стоит
Невидимкою...

1858

Н. А. Некрасов (1821–1877) **50. Говорун (Отрывок)**

Мотивы итальянские
Мне не дают заснуть,
И страсти африканские
Волнуют кровь и грудь:
Всё грезятся балкончики,
И искры черных глаз
Сверкают как червончики
В день по сту тысяч раз.
Отбою нет от думушки:
Эх! жизнь моя!.. увы!..
Зачем женили, кумушки,
Меня так рано вы!
На свете много водится
Красавиц, и каких!
А нам любить приходится
Курносых и рябых.
Что за красotka Боржия!..
Менялся весь в лице
И даже (не топор же я!)
Заплакал при конце;

Во всем талант, гармония...
Видал не много лиц
Таких, как у Альбони, я —
Певица из певиц,
В уме производящая
Содом и кутерьму,
Так много говорящая
И сердцу и уму;

Высокая и белая,
Красива и ловка,
И уж заматерелая —
Не скажешь, что жидка!
Избытки даже лишние
Заметны в ней души,
И верхние, и нижние —
Все ноты хороши!..

Чтоб только петь, как Гарция,
И удивлять весь свет —
Не пожалел бы гарнца я
Серебряных монет.
На миг заботы вечные
Смолкают, не томят,
И струны все сердечные
В груди дрожат, звучат —
Звучат в ответ чудеснице.
Могуча и легка,
Душа как бы по лестнице
Восходит в облака.

1845

51. Тройка

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой

Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка...
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвести,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоём, полном движенья,
Полном жизни, — появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой...

1846

52. Псовая охота (Отрывок)

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,

Инеем зелень долины блестит,
А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.
Но равнодушно встречают псари
Яркую ленту огнистой зари,
И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.
«В Банники, — крикнул помещик, —
набрось!»
Борзовщики разъезжаются врозь,
А предводитель команды собачьей,
В острове скрылся крикун-доезжачий.
Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,
То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»
То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.
Варом-варит закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,
В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!
Однопометников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,
Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!
Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

1846

53

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и не жившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,

Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она не далека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска...
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны...

1850

54. Гробок

Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет, детинушка.
На глаза его суровые
Слезы выжала кручинушка.

А как было живо дитяtko,
То и дело говорилось:
«Чтоб ты лопнуло, проклятое!
Да зачем ты и родился?»

1850

55

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!
Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир — и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участия...

<1851>

56

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилась
Клевета по Руси по родной.
Не тужи! пусть растет, прибавляется,
Не тужи! как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается

Добрый словцом.

1860

КОРОБЕЙНИКИ (Отрывки) 57

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!
Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокою —
Все товары разложу.
Цены сам платил не малые,
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец,
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

58. Песня убогого странника

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?

Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба, —
Я опять во стада, —
и т. д.

1861

59. Рыцарь на час (Отрывки)

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать.
.....
Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну — и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли норкой слезою страдания
Все позорные пятна мои!

Чтоб ты силу свободную, гордую.
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою

И на правый поставила путь...

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная, —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебнo светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!

1860–1862

60

Литература с трескучими фразами,
Полная духа античеловечного.
Администрация наша с указами
О забирании всякого встречного, —
Дайте вздохнуть!..
Я простился с столицами,
Мирно живу средь полей.
Но и крестьяне с унылыми лицами
Не услаждают очей;
Их нищета, их терпенье безмерное
Только досаду родит...
Что же ты любишь, дитя малoverное,
Где же твой идол стоит?..

1862

61. Зеленый шум^[15]

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, — всё зелено:
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,

Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяйшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилась,
Как лето жил я в Питере...
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит — молчит жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не дает:
Убить... так жаль сердечную!
Стерпеть — так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:
«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я острый нож...
Да вдруг весна подкралась...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,

По-новому, весеннему...

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна — в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И — бог тебе судья!»

1863

62. О погоде. Крещенские морозы (Отрывок)

«Государь мой! куда вы бежите?»
— «В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас!» — «Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш нос!
Побелел!» — «А! весьма благодарен!»
— «Ну, а мой-то?» — «Да ваш лучезарен!»
— «То-то! — принял я меры...» — «Чего-с?»
— «Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!».

1863–1865

63. Недавнее время (Отрывок)

Безобидные, мирные темы!
Не озлят, не поссорят они...
Интересами личными все мы
Занимались больше в те дни.
Впрочем, были у нас русофилы
(Те, что видели в немцах врагов),
Наезжали к нам славянофилы,
Светский тип их тогда был таков:
В Петербурге шампанское с квасом
Попивали из древних ковшей,
А в Москве восхваляли с экстазом
Допетровский порядок вещей,
Но, живя за границей, владели
Очень плохо родным языком,
И понятия они не имели
О славянском призвании своем.
Я однажды смеялся до колик,
Слыша, как князь NN говорил:

«Я, душа моя, славянофил».
— «А религия ваша?» — «Католик».

1863–1871

64

Смолкли честные, доблестно павшие,
Смолкли их голоса одинокие,
За несчастный народ вопиявшие,
Но разнуданы страсти жестокие.

Вихорь злобы и бешенства носится
Над тобою, страна безответная.
Всё живое, всё доброе косится...
Слышно только, о ночь безрассветная!

Среди мрака, тобою разлитого,
Как враги, торжествуя, скликаются,
Как на труп великана убитого
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

Между 1872 и 1874

М. Л. Михайлов (1829–1865)

65 <Из Гейне>

Как трепещет, отражаясь
В море плещущем, луна;
А сама идет по небу
И спокойна и ясна, —
Так и ты идешь, спокойна
И ясна, своим путем;
Но дрожит твой светлый образ
В сердце трепетном моем.

1857

66

Говорят, весна пришла,
Ярки дни и ночь тепла;
Луг зеленый весь в цветах,
Соловьи поют в лесах.
Я хожу среди лугов —
Я ищу твоих следов;
В чаще слушаю лесной,
Не раздастся ль голос твой.

Где ж весна и где цветы?
Их срывать не ходишь ты.
Где же песня соловья?

Не слышна мне речь твоя...
Не пришла еще весна.
День угрюм, ночь холодна.
Поле иней куют,
Птицы плачут, не поют.

<1862>

67. Эпиграммы

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Много у нас толковали в журналах о прессе свободной.
Публика так поняла: гни нас свободно под пресс!

ВЗЫСКАНИЕ

Каторгу даже и казнь именуют указы взысканьем:
Взыскан (так понимай!) царскою милостью ты.

<1862–1864>

В. С. Курочкин (1831–1875)

68

Я не поэт — и, не связанный узами
С музами,
Не обольщаюсь ни лживой, ни правую
Славою.
Родине предан любовью безвестною,
Честною,
Не воспевая с певцами присяжными,
Важными
Злое и доброе, с равными шансами,
Стансами,
Я положил свое чувство сыновнее
Всё в нее.

Но не могу же я плакать от радости
С гадости,
Или искать красоту в безобразии
Азии,
Или курить в направлении заданном
Ладаном,
То есть — заигрывать с злом и невзгодами
Одами.

С рифмами лазить особого счастья
К власти я
Не нахожу — там какие бы ни были
Прибыли.
Рифмы мои ходят поступью твердою,
Гордою,
Располагаясь богатыми парами —

Барами!

Ну, не дадут мне за них в Академии
Премии,
Не приведут их в примерах пиитики
Критики:
«Нет ничего, мол, для «чтения народного»
Годного,
Нет возносящего душу парения
Гения,
Нету воинственной, храброй и в старости,
Ярости
И ни одной для Петрушки и Васеньки
Басенки».

Что ж? Мне сама мать-природа оставила
Правила,
Чувством простым одарив одинаково
Всякого.
Если найдут книжку с песнями разными
Праздными
Добрые люди внимания стоящей —
Что еще?
Если ж я рифмой свободной и смелою
Сделаю
Кроме того впечатленья известное,
Честное, —
В нем и поэзия будет обильная,
Сильная
Тем, что не связана даже и с музами
Узами.

<1859>

Д. Д. Минаев (1835–1889)

69 (Отрывок)

От германского поэта
Перенять не в силах гений,
Могут наши стихотворцы
Брать размер его творений.

Пусть рифмует через строчку
Современный русский Гейне,
А в воде подобных песен
Можно плавать, как в бассейне.

Я стихом владею плохо,
Но — клянусь здесь перед всеми —
Напишу я тем размером

Каждый вечер по поэме,
Каждый вечер по поэме,
Без усидчивой работы,
Где сплетутся через строку
Вместе с рифмами остроты.

1865

70. Эпиграммы

В ресторане ел суп сидя я,
Суп был сладок, как субсидия,
О которой сплю и думаю,
Соблазняем круглой суммой.

1865

Нельзя довериться надежде,
Она ужасно часто лжет:
Он подавал надежды прежде,
Теперь доносы подает.

<1870>

Я не гожусь, конечно, в судьи,
Но не смущен твоим вопросом.
Пусть Тамберлик берет до грудью,
А ты, мой друг, берешь до — носом.

<1870>

В ФИНЛЯНДИИ

Область рифм — моя стихия,
И легко пишу стихи я;
Без раздумья, без отсрочки
Я бегу к строке от строчки,
Даже к финским скалам бурым
Обращаясь с каламбуром.

<1876>

СВОИ ЛЮДИ

Вор про другого не скажет и в сторону:
«Вор он!..»
Глаза, известно, не выколет ворону
Ворон.

<1879>

ЧИНОВНЫМ НЕМЦАМ

В России немец каждый,
Чинов страдая жаждой,

За них себя раз пять
Позволит нам распять.
По этой-то причине
Перед тобою, росс,
Он задирает нос
При ордене, при чине:
Для немца ведь чины
Вкуснее ветчины.

<1879>

ПОСЛЕ БЕНЕФИСА

«Чья же пьеса нынче шла?»
— «Александрова». — «Была
С шиком сыграна, без шика ли?»
— «С шиком, с шиком: громко шикали».

1879

Б. М<АРКЕВИ>ЧУ

На днях, влача с собой огромных два портсака,
Приплелся он в вокзал; с лица струился пот...
«Ему не донести!» — вокруг сожалел народ,
И только лишь какой-то забияка
Сказал: «Не беспокойтесь — *донесет!*..»

1879–1880

В АЛЬБОМ КРУППУ-МЛАДШЕМУ. ПРИЕХАВШЕМУ В ПЕТЕРБУРГ

Ем ли суп из манных круп,
Или конский вижу круп —
Мне на ум приходит Крупп,
А за ним — большая масса,
Груда «пушечного мяса»...
Ах, да будет не тернист
Путь такого человека:
Он великий гуманист
Девятнадцатого века!

1880

71. Рифмы и каламбуры

(Из тетради сумасшедшего поэта)

I

Женихи, носов не весьте,
Приходя к своей невесте.

II

Ценят золото по весу,
А по шалостям — повесу.

III

Не ходи, как все разини,
Без подарка ты к Розине,
Но, ей делая визиты,
Каждый раз букет вези ты.

IV

Я, встречаясь с Изабеллою,
Нежным взглядом дорожу,
Как наградой, и, за белую
Ручку взяв ее, дрожу.

V

Черты прекрасные, молю я,
Изобрази мне, их малюя,
И я написанный пастелью
Портрет повешу над постелью.

VI

С нею я дошел до сада,
И прошла моя досада,
И теперь я весь алею,
Вспомнив темную аллею.

IX

Ты грустно восклицаешь: «та ли я?
В сто сантиметров моя талия...»
Действительно, такому стану
Похвал я выразить не стану.

XIII

В полудневный зной на Сене
Я искал напрасно сени,
Вспомнив Волгу, где, на сене
Лежа, слушал песню Сени:
«Ах, вы, сени мои, сени!..»

XIV

На пикнике, под тенью ели
Мы пили более, чем ели,
И, зная толк в вине и в эле,
Домой вернулись еле-еле.

1880

Л. Н. Трефолев (1839–1905) 72. Песня о Камаринском мужике (Отрывок)

Как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его всклокочена

И дешевкою подмочена;
Свежей крови струйки алые
Покрывают щеки впалые.

Ах ты милый друг, голубчик мой Касьян!
Ты сегодня именинник, значит — пьян.
Двадцать девять дней бывает в феврале,
В день последний спят Касьяны на земле.
В этот день для них зеленое вино
Уж особенно пьяно, пьяно, пьяно.

Февраля двадцать девятого
Целый штоф вина проклятого
Влил Касьян в утробу грешную,
Позабыл жену сердешную
И своих родимых деточек,
Близнецов двух, малолеточек.

Заломивши лихо шапку набекрень,
Он отправился к куме своей в курень.
Там кума его калачики пекла;
Баба добрая, румяна и бела,
Испекла ему калачик горячо
И уважила... еще, еще, еще.

1867

73. На бедного Макара и шишки валяются *(Отрывок)*

Макарам все не ладится. Над бедными Макарами
Судьба-злодейка тешится жестокими ударами.
У нашего крестьянина, у бедного Макарушки,
Ни денег нет на черный день, ни бабы нет сударушки.
По правде-то, и деньги есть: бренчит копейка медная,
И баба есть: лежит она, иссохшая и бледная.
Помочь бы ей, да чем помочь? Не по карману дороги
Все лекаря и знахари, лихие наши вороги...

1872

К. К. Случевский (1837–1904) **74. На кладбище**

Я лежу себе на гробовой плите,
Я смотрю, как ходят тучи в высоте,
Как под ними быстро ласточки летят
И на солнце ярко крыльями блестят.
Я смотрю, как в ясном небе надо мной
Обнимается зеленый клен с сосной,
Как рисуется по дымке облаков
Подвижной узор причудливых листов.
Я смотрю, как тени длинные растут,

Как по небу тихо сумерки плывут,
Как летают, лбами стучаясь, жуки,
Расставляют в листьях сети пауки...

Слышу я, как под могильною плитой.
Кто-то ежится, ворочает землей,
Слышу я, как камень точат и скребут
И меня чуть слышным голосом зовут:
«Слушай, милый, я давно устал лежать!
Дай мне воздухом весенним подышать,
Дай мне, милый мой, на белый свет взглянуть,
Дай расправить мне придавленную грудь.
В царстве мертвых только тишь да темнота,
Корни цепкие, да гниль, да мокрота,
Очи впавшие засыпаны песком,
Череп голый мой источен червяком,
Надоела мне безмолвная родня.
Ты не ляжешь ли, голубчик, за меня?»

Я молчал и только слушал: под плитой
Долго стучал костяною головой.
Долго корни грыз и землю скреб мертвец,
Копошился и притихнул наконец.
Я лежал себе на гробовой плите,
Я смотрел, как мчались тучи в высоте,
Как румяный день на небе догорал,
Как на небо бледный месяц выплывал,
Как летали, лбами стучаясь, жуки,
Как на травы выползали светляки...

1860

75. Зимний пейзаж

Да, удивительные, право, шутки света
Есть в пейзаже зимнем, нам родном!
Так иногда равнина, пеленой снегов одета,
Богато зарумяненная солнечным лучом,
Какой-то старческой свежестью сияет.
Речонка быстрая, что по равнине протекает
И, кольцами, изгибами крутясь,
Глубокою зимой не замерзает, —
Вступает с небом в цветовую связь!
Небес зеленых яркая окраска
Ее совсем невероятно зеленил;
По снегу белому она, зеленая, бежит,
Зеленая, как изумруд, как ряска...

И так и кажется тогда, что перед нами
Земля и небо шутят, краски обменяв:

Сияет небо, свой румянец снегу передав,
Цвет зелени полей — он принят небесами,
И, как бы в память прошлого, как след следа,
Бежит по снегу белому зеленая вода.
О! если б можно было вам, равнины неба,
Приняв в себя все краски лета и весны,
Взять наши горести, сомненья, нужду хлеба —
Отдав взамен немного вашей тишины
И вашего покоя... нам они нужны!

<Около 1880>

А. Н. Апухтин (1840–1893)

76

Когда будете, дети, студентами,
Не ломайте голов над моментами,
Над Гамлэтами, Лирами, Кентами,
Над царями и президентами,
Над морями и над континентами,
Не якшайтесь там с оппонентами,
Поступайте хитро с конкурентами.
А как кончите курс эминентами
И на службу пойдете с патентами —
Не глядите на службе доцентами
И не брезгайте, дети, презентами!
Окружайте себя контрагентами,
Говорите всегда комплиментами,
У начальников будьте клиентами,
Утешайте их жен инструментами,
Угощайте старух пеперментами —
Воздадут вам за эти с процентами:
Обошьют вам мундир позументами,
Грудь украсят звездáми и лентами!..
А когда доктора с орнаментами
Назовут вас, увы, пациентами
И уморят вас медикаментами..
Отпоет архиерей вас с регентами.
Хоронить понесут с ассистентами,
Обеспечат детей ваших рентами
(Чтоб им в опере быть абонентами)
И прикрают ваш прах монументами.

1860-е годы

М. Н. Соймонов (1831–1888)

77. Бабье дело

На полосыньке я жала,
Золоты снопы вязала —

Молодая;
Истомилась, разомлела...
То-то наше бабье дело —
Доля злая!
Тяжела, — да ничего бы,
Коли в сердце нет зазнобы
Да тревоги;
А с зазной... толку мало!..
На снопах я задремала
У дороги.
Милый тут как тут случился,
Усмехнулся, наклонился,
Стал ласкаться,
Целовать... а полоса-то
Так осталась, недожата,
Осыпаться...
Муж с свекровью долго ждали:
«Клин-от весь, чай, — рассуждали —
Выжнет Маша».
А над Машей ночь темнела...
То-то наше бабье дело —
Глупость наша!..

1880-е годы

Л. А. Мей (1822–1862) **78. Секстина**

Опять, опять звучит в душе моей унылой
Знакомый голосок, и девственная тень
Опять передо мной с неотразимой силой
Из мрака прошлого встает, как ясный день;
Но тщетно памятью ты вызван, призрак милый!
Я устарел: и жить и чувствовать — мне лень.

Давно с моей душой сроднилась эта лень,
Как ветер с осенью угрюмой и унылой,
Как взгляд влюбленного с приветным взглядом милой,
Как с бором вековым таинственная тень;
Она гнетет меня и каждый божий день
Овладевает мной все с новой, с новой силой.

Порою сердце вдруг забьется прежней силой;
Порой спадут с души могильный сон и лень;
Сквозь ночи вечные проглянет светлый день:
Я оживу на миг и песнею унылой
Стараюсь разогнать докучливую тень,
Но краток этот миг, нечаянный и милый...

Куда ж сокрылись вы, дни молодости милой,

Когда кипела жизнь неукротимой силой,
Когда печаль и грусть скользили, словно тень,
По сердцу юному, и тягостная лень
Еще не гнездилась в душе моей унылой,
И новым красным днем сменялся красный день?

Увы!.. Пришел и он, тот незабвенный день,
День расставания с былого жизнью милой...
По морю жизни я, усталый и унылый,
Плыву... меня волна неведомою силой
Несет — бог весть куда, а только плыть мне лень,
И все вокруг меня — густая мгла и тень.

Зачем же, разогнав привычную мне тень,
Сквозь ночи вечные проглянул светлый день?
Зачем, когда и жить и чувствовать мне лень,
Опять передо мной явился призрак милый,
И голосок его с неотразимой силой
Опять, опять звучит в душе моей унылой?

1851

79. Галатея (Отрывок)

Белую глыбою мрамора, высей прибрежных отброском,
Страстно пленился ваятель на рынке паросском;
Стал перед ней — вдохновенный, дрожа и горя...
Феб утомленный закинул свой щит златокованный за море,
И разливалась на мраморе
Вешним румянцем заря...

Видел ваятель, как чистые крупинки камня смягчались,
В нежное тело и в алую кровь превращались,
Как округлялись формы — волна за волной,
Как, словно воск, растопилась мрамора масса послушная
И облеклася, бездушная,
В образ жены молодой.

«Душу ей, душу живую! — воскликнул ваятель в восторге. —
Душу вложи ей, Зевес!»

Изумились на торге

Граждане — старцы, и мужи, и жены, и все,
Кто только был на агоре...Но, полон святым вдохновением,
Он обращался с молением
К чудной, незримой Красе:

«Вижу тебя, богоданная, вижу и чую душою;
Жизнь и природа красны мне одною тобою...
Облик бессмертья провижу я в смертных чертах...»
И перед нею, своей вдохновенною свыше идеею,
Перед своей Галатеею,

Пигмалион пал во прах...

1858

80. Юлий Кесарь и Сервилия (Из цикла «Камеи»)

Когда перед него, диктатора избранного,
Всемирного вождя, всемирно увенчанного,
С твоею матерью предстала рядом ты,
В разоблачении девичьей красоты, —
Весь женский стыд в тебе сгорел перед идеею,
Что ты останешься бесценною камеею.
Что Юлий Кесарь сам тобою победим
И что краса твоя бессмертна, как и Рим.

1861

Примечания

Ф. И. Тютчев. **1** Я 5554 (Я5 ц), нетожд. 4-ст. **2** Я4, ХаББа. Державинский тип строфы с холостым стихом. **3** Я4, АБАБ. В одной строфе сочетаются архаичное *весёлой* и разговорное *живёт*. **4** Амф2, 8-ст АБАБХвХв; в последнем 8-ст перебой: ХвХвАБАБ. **5** Я4, ааббвв. Резкие метрические перебои, сдвиг ударения (мнимые Амф): 4-й и 5-й стихи первой строфы, 5-й последней. **6** Нетожд. строфы (4-ст + 5-ст). Дк на 2-сложной основе, па. **7** Тпа неурегулированный, 4-ст, анакрузы 1- и 2-сложные, (аа). Перебоем выделен «дактилический» 3-й стих. **8** Я4, аабб. **9** Я5 бц, аБаБ. Последние два стиха выделены перебоем: удлинённый Я6 и укороченный заключительный Я4. **10** Я4, 8-ст аББавГв. **11** Я4. 6-ст АБвАБв. **12** Я5 ц, одиночное 5-ст аБааБ. **13** Д4, одиночное 6-ст АБВ'В'АБ. **14** Я4, одиночное 8-ст аабввББа. **15** Я в 5 ц—4, аБаБ. **16** Я4, аБаБ. Резкие метрические перебои; лишние слоги в стихах 2-м, 4-м, 6-м, 7-м, 12-м (некоторые исследователи считают это — Дк на основе Я4). **17** Я в 6—4, АБАБ; в последней строфе перебой: ВгВ. **18** Я5 бц, одиночное 4-ст аББа.

И. С. Тургенев. **19** Д4, АБ'АБ'. Симметричная напевная анафорическая композиция. **20** Я4, одиночное 10-ст АБАБАБАбвв — четверное созвучие, продленная октава. Анафора «Отсутствующими...» создает необычный ритм: нагнетенье редкой формы VII. — Я. П. Полонский пишет в воспоминаниях, что Тургенев «откровенно сознавался, что мысль вечно жить не только его не привлекала и не радовала, напротив пугала! — Что я буду делать целую вечность?! — говорил он... — Жизни же без тела я и представить себе не могу... И вот, вследствие одного из таких разговоров Ив. Серг., развеселившись, экспромтом сложил стихи о том, как он будет жить за гробом» (Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. Л., 1970, с. 423).

А. А. Фет. **21** Д 4343 А'БА'Б. Богатая звуковая инструментовка: созвучия, усиливающие конечные рифмы (*трепетным лепетом — трепетом, душой оробелою — шею белою*), двойные рифмы (*гробами дубовыми — глазами свинцовыми*), внутренние рифмы (*ярче и жарче*). — Стихотворение из цикла «Гадания». **22** Свободный стих. **23** Х4, АБАБ. Нагнетающая экспрессию романсная анафорическая композиция. В концовке — сильный перенос (...буду || Петь...). **24** Амф 2323, АБАБ. **25** Лог; Ан2 + Х1, АБ'АБ' и Ан2 + Я1, аБ'аБ'. **26** Амф 15551, АБАБА, кольцо строфы. **27** Ан 4343, аабб. **28** Д 4343, А'БА'Б. **29** Х 224224, 6-ст ААБ'ААБ'. **30** Д5, обрамляющие 4-ст АББА, среднее ВГВГ. Кольцевая композиция: два первых стиха повторяются в конце в обратном порядке. — Это импрессионистическое стихотворение со статической композицией можно читать снизу вверх. **31** Х 44424442, 8-ст аабввввБ. Строфа — усложнение популярного 6-

ст аабввб. [32](#) Д4 аахх. Редкое 4-ст с двумя холостыми стихами в конце (ср. IV, [90](#) и [92](#)). [33](#) X 443443, ААБВВБ. Романсная анафорическая композиция (ср. III, [35](#)). В стихотворении нет ни одного глагола. [34](#) X 444443, спаренные 6-ст ААБББв, ДДЭЕЕв. [35](#) Лог строфический: нечетные стихи АнЗ, четные ДЗ, одиночное 8-ст на две рифмы АБАБАБАБ. Анафорическая композиция (ср. III, [33](#)). [36](#) Д 224, хаа. При сходной композиции иногда сливают короткие строки, получается цезурное усечение (см. [примечание к II, 53](#)). [37](#) Лог строфический: нечетные стихи — Я4, четные — Амф4, АБАБ.

А. К. Толстой. [38](#) АмфЗ, АБАБ. [39](#) 5-сл сдвоенный, б. [40](#) Х4, ХАХА. Своеобразный рефрен: повторение слова в последнем стихе 4-ст. [41](#) Х4, ААбб; анафорическая композиция. [42](#) Хб ц, одиночное 6-ст ААББВВ. [43](#) Имитация народного стиха, ТктЗ с отступлениями, б. Окончания д, по одному гд и м. [44](#) Имитация неравноударного народного стиха. [45](#) Лог строфический: нечетные стихи — Ан4 ц, четные — Х1; внутренняя рифма ц с окончанием (ср. II, [47](#)), 8-ст. [46](#) АнЗ, А'Б'А'Б'.

По изд.: **Толстой** А. К. Собр. соч. Т. 1. М., 1963.

Я. П. Полонский. [47](#) Ан 4433434, 7-ст аабввбв; рефрен Ан2, А'А'. Рифма в рефрене неточная. [48](#) Х4 АБАБ. [49](#) Ранний Дк 4141, аВ'аВ'. Нечетные стихи — Ан с единичными нерегулярными стяжениями, четные — Ан1.

Н. А. Некрасов. [50](#) ЯЗ, (А'БА'б), фельетонно-куплетный. Гротескные рифмы — составные и с именами собственными; некрасовские неточные с созвучием звонких и глухих согласных (*лишние — нижние*). [51](#) АнЗ, АБАБ, напевный; симметричные строфы. В конечной строфе перебой: ААбб. [52](#) Д4, 2-ст с чередованием рифм: АА, бб, ВВ, гг... В последнем 2-ст встречающееся несколько раз в «Псовой охоте» стяжение при синтаксическом параллелизме полустий. [53](#) Я5 бц, один стих Я4. Нетожд. 5-ст. [54](#) Х4, Х'А'Х'А'. [55](#) АнЗ, АБАБ; симметричные строфы. [56](#) АнЗ и Ан 3232, (А'БА'б) — последний стих перебой: Д2. [57](#) Х4 (А'БА'б), песенный, 4-ст делятся симметрично. [58](#) Лог; за одним стихом Ан4 идет двустийный рефрен ДЗ, причем во втором стихе лишний слог превращает Д в Ткт; такие 3-ст скреплены рифмами попарно: аБ'Б' аБ'Б'. [59](#) АнЗ, вольн. рифм., преобладает А'БА'б. В стихе «Русокудрая, голубокая» — трибрахий. [60](#) Нетожд. 4-ст.: Д4, (А'Б'А'Б'), затем Д 4343, (В'ГВ'г). [61](#) ЯЗ астрофич., б; д в середине фразы, м в конце; рефрен Я4. [62](#) АнЗ, вольн. рифм. Разговорный стих, много внутрстиховых пауз, переносы. [63](#) АнЗ, вольн. рифм., преобладает (АБАБ). В стихах «Наезжали к нам славянофилы» и «Я, душа моя, славянофил» — трибрахии. [64](#) АнЗ, нетожд. строфы: два 4-ст А'Б'А'Б' и 5-ст А'Б'А'Б'Б'; строфический перебой — «лишний» стих выделяет концовку. — Стихотворение — отклик на разгул реакции в 70-х годах.

М. Л. Михайлов. [65](#) Х4, ХаХа. [66](#) Х4, 8-ст аабввгг. [67](#) Элегический дистих, звучащий пародийно, так как этот «возвышенный» стих применен в эпиграммах с каламбурами.

По изд.: **Михайлов** М. Собр. стихотворений. БП, бс. 1-е изд. Л., 1953.

В. С. Курочкин. [68](#) Д 4141, (А'А'). Рифма-эхо. Кольцо стихотворения.

По изд.: **Курочкин** В. С. Собр. стихотворений. БП, бс. 1-е изд. Л., 1947.

Д. Д. Минаев. [69](#) Х4 ХАХА (ср. III, [65](#)). [70, 71](#) Современники прозвали Минаева «Королем рифм» за виртуозные каламбурные рифмы в язвительных эпиграммах ([70](#)) и шуточных стихах ([71](#)).

По изд.: **Минаев** Д. Д. Собр. стихотворений. БП, бс. 1-е изд. Л., 1947.

Л. Н. Трефолев. [72](#) ПМК: 6-ст Х4, А'А'Б'Б'В'В'В чередуются с 6-ст ПеIII З, аабвв. ПеIII здесь необычен по теме и экспрессивному ореолу. [73](#) Я7 ц (4 + 3), (А'А').

По изд.: **Трефолев** Л. Стихотворения. БП, с. 1-е изд. Л., 1951.

К. К. Случевский. [74](#) ПеIII З, (аа), необычный по теме. [75](#) Я в 7–5 (Яб бц). Такой расшатанный размер — предвестие зыбкого метра. Второй стих Х5.

А. Н. Апухтин. [76](#) АнЗ, (А'А'А'...) Монорим.

М. Н. Соймонов. [77](#) X 442442, (ААБВВБ).

Л. А. Мей. [78](#) Яб. Секстина рифмованная. [79](#) Д 655633, ААБВ'В'б. Прихотливое 6-ст: чередование стопностей расходится с чередованием рифм. [80](#) Я8, А'А'бб... Необычное изменение Алдр: с м парами рифм чередуются не ж, а д.

IV. Начало XX века

Начало XX в. — период пролетарского этапа освободительного движения, развития марксистских идей в России, эпоха трех революций. Крайнее обострение социальных противоречий определило пестроту идейных течений и литературных направлений этой поры: с одной стороны, развивается реалистическое направление, закладываются основы социалистического реализма, с другой — возникают модернистские школы, объединяемые неприятием гражданского искусства, стремлением уйти от актуальных общественных проблем. Ценность поэзии этого времени определяется многообразием художественных поисков, обогащением поэтической техники, интонационно-ритмического строя.

Стих начала XX века

Метрика, ритмика. Главные завоевания этого времени — новые метры (дольник, тактовик, акцентный стих) и новые, необычные размеры старых. Начнем с последних.

Прежде всего это сверхдлинные размеры у К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, а за ними у многих: 8-, 10-, даже 12-стопные хорей и ямбы (IV, [1](#), [16](#), [25](#), [36](#), [123](#)); 6-, 7-, 8-стопные трехсложники (IV, [14](#), [28](#), [124](#), [125](#)); Бальмонтовские 4-стопные пеоны, в их числе небывалый I (IV, [7](#), [8](#), [15](#)) и счетверенный 5-сложник (IV, [13](#)). (Пеон III и 5-сложник теряют при этом ореол народно-песенного размера — ср. также III, [74](#); IV, [23](#).) Такие сверхдлинные стихи не могут обойтись без цезуры, двух (IV, [36](#)), даже трех (IV, [13](#), [123](#)). Часто возникает цезурное наращение, т. е. прибавление перед цезурой безударного слога, реже двух — как в длинных и сверхдлинных размерах (IV, [3](#), [16](#), [28](#), [119](#), [120](#), [121](#)), так и в средних. Широкое распространение получил 4-стопный ямб с цезурным наращением (IV, [5](#), [43](#), [61](#)). Реже встречается цезурное усечение (IV, [91](#), [124](#)).

Иногда в сверхдлинных размерах на цезурах стоят регулярные внутренние рифмы, порой перекликающиеся с концевыми. Однако, как уже говорилось, такие строки нельзя разбить на ряд коротких, например 4-стишную цепь рифм «Фантазии» Бальмонта (IV, [1](#)) А|А||А|б||В|В||В|б превратить в 8-стишие АААбВВВб: сверхдлинные строки создают ту напевную «изысканность русской медлительной речи», к которой стремился Бальмонт и его последователи (см. также IV, [36](#)).

Так же замедляют стих ставшие привычными дактилические рифмы, даже в 4-стопном ямбе (IV, [53](#)), еще более — редкие гипердактилические с ударением на 4-м с конца слоге (IV, [22](#), [54](#)) и даже на 5-м (IV, [35](#)).

Необычно звучат вольные стихи разных метров, строфические и нестрофические (IV, [20](#), [21](#), [66](#), [67](#), [69](#), [84](#)).

Начиная с Брюсова и особенно Блока, широко употребительными становятся редкие ранее дольники. Первоначально в них преобладает исходная форма — строки чистых 3-сложников (IV, [30](#)); наряду с постоянными анакрузами (IV, [60](#)) нередки переменные (IV, [49](#), [94](#), [101](#), [102](#)). Возможно, именно под влиянием таких дольников возрождается почти забытый во второй половине XIX в. метр — 3-сложники с переменной анакрузой (IV, [39](#), [89](#), [91](#)). Очень разнообразны дольники Блока: отмеченные выше урегулированные и неурегулированные — переходная форма к тактовикам (IV, [52](#)), даже редкие белые (IV, [63](#); см. также IV, [94](#)).

Многие поэты развивают формы еще более свободные — тактовик и акцентный стих, а также разнообразные способы ритмических перебоев (это тенденция, противоположная подчеркнутой мелодичности Бальмонта и Северянина): Блок (IV, [50](#), [51](#), [58](#)), Анненский (IV, [42](#), [45](#)), Саша Черный (IV, [86](#), [87](#)), Мандельштам (IV, [113](#), [114](#)). Вообще у этих поэтов много неясных, переходных форм — и не только от дольников к тактовику, а от тактовика к акцентному, но даже от ямба, хорей, анапеста — к тактовику (см., напр., IV, [111](#), [116](#) или перебои размера в концовке у Анненского — IV, 45). Появляются стихотворения, написанные разными размерами — не только урегулированными (строфические логаяды), но и неурегулированными (IV, [45](#)). До предела довел эту тенденцию своим зыбким метром Хлебников (IV, [128](#), [129](#), [132](#), [135](#)).

Ранние тактовики и в особенности акцентный стих заметно прозаизированы и по словарю, и по структуре фразы (IV, [50](#), [51](#), [86](#)); в них еще нет той подчеркнутой выделенности слова, которая отличает стих Маяковского. Однако тенденция к такому выделению слов проявляется у А. Белого и С. Черного даже в силлабо-тонических размерах, только вольных, особенно если в них часты короткие строчки, дробящие фразу на части (IV, [67](#), [69](#), [89](#)). Это неожиданно проявляется даже в строфическом вольном стихе, в котором парадоксально сочетаются известное место рифмы и непредсказуемая длина стиха (IV, [66](#)).

Как и другие размеры, дольники могут быть и разговорными, например у Ахматовой (IV, [99](#), [102](#)), и напевными, как нередко у Блока (IV, [52](#), [60](#)).

Чаще, чем в XIX в., встречаются логаяды, как строфические, в которых упорядочение чередуются строки, написанные различными размерами (IV, [32](#), [46](#); ср. II, [61](#)), так и строчные, в которых два полустушия одного стиха написаны разными размерами (IV, [77](#), [122](#)).

Поиски новых форм стиха порой доходят до прямого экспериментирования. Брюсов в 1918 г. выпустил книгу «Опыты по метрике и ритмике, по эвфонии и созвучиям, по строфике и формам (стихи 1912–1918 гг.)». Там есть чистые пеоны («Застонали, зазвенели золотые веретена...»), одностопные хорей, в которых все слова зарифмованы («Моря | вязкий | шум, || Вторя | пляске | дум...»), 5-сложные рифмы (IV, [35](#)) и т. п. А. Белый, автор известных статей о ритмике 4-стопного ямба, пишет стихотворение, в котором 3/4 строк — VII его форма — самая редкая (IV, [70](#)). Творчество Хлебникова — это сплошной эксперимент (IV, [128–135](#)).

Издредка поэты обращаются к свободному стиху (IV, [56](#), [95](#)).

В конце XIX в. встречалось смешение на равных правах «длинных», 5- и 6-стопных ямбов; иногда — бесцезурные 6-стопные (III, [75](#)). Встречаются расшатанные бесцезурные 6-стопные ямбы и в XX в. (IV, [17](#)).

Тенденция к расшатыванию классического урегулированного стиха проявляется и в рифме, и в строфике.

Фоника. Никогда раньше поэты не уделяли так много внимания звуковой инструментровке стихов, как в этот период, и каждый поэт по-своему. Замедленным ритмам поэтов, культивировавших напевный стих, соответствуют подчеркнута однообразные аллитерации: один звук многократно повторяется в строфе или в целом стихотворении (IV, [4](#), [5](#), [12](#)); часты внутренние рифмы, сочетания слов с одинаковыми корнями или суффиксами, наконец, повторы целых слов и словосочетаний, а, следовательно, и звуков (IV, [3](#), [15](#), [22](#), [23](#), [35](#), [38](#), [119](#), [126](#)). Порой «магия звуков» становилась самоцелью. Интересно сравнить с этой точки зрения стихотворение Баратынского «Звезды» (II, [68](#)) и явно перекликающееся с ним по звуковому и строфическому строению стихотворение Сологуба «Звезда Маир» (IV, [24](#)). У Баратынского «звезды» Моэт и Аи — это метафорически переосмысленные, но вполне реальные марки шампанского; у Сологуба Маир, Ойле, Лигой — придуманные, экзотически звучащие имена. До предела, до «заумного языка» довели игру звуками некоторые футуристы.

Оставив в стороне вызывающе абсурдные «еуы», «дыр бул щыл» и т. п. А. А. Крученых, обратимся к действительно интересным опытам В. В. Хлебникова. Это был несомненно очень талантливый поэт, для которого словесное экспериментирование было важнее создания законченных поэтических произведений. Его попытки определить семантику звуков научного значения не имеют (так же, как и у Рембо или А. Белого), но плодотворен был принцип сочетаний слов не только по образным, как в метафоре, но и по звуковым ассоциациям. Рядом с чистым лабораторным экспериментом — создание неологизмов из сходных корней «чур» и «чар» (IV, [132](#)) — возникают и такие поэтические произведения, как «Заклятие смехом» (IV, [129](#)). Владимир Маяковский писал: «Хлебников — не поэт для потребителей... Хлебников — поэт для производителя... Для Хлебникова слово — самостоятельная сила, организующая материал чувств и мыслей. Отсюда — углубление в корни, в источник слова, во время, когда название соответствовало вещи... „Лыс“ — то, чем стал „лес“; „лось“, „лис“ — те, кто живет в лесу. Хлебниковские строки —

Леса лысы.

Леса обезлосили. Леса обезлисили —

не разорвешь — железная цепь» {[Маяковский, 23–24](#)}.

Но такие бесплодные эксперименты, как создание целых стихотворений и даже поэм «перевертней», в которых каждая строчка одинаково читается слева направо и справа налево (IV, [133](#)), Маяковский справедливо назвал «штукарством» {[там же, 25](#)}.

В этот период начинается разработка разных видов неточных рифм — Брюсовым (IV, [31](#)), Анненским (IV, [40](#)), Блоком (IV, [52](#), [54](#)), С. Черным (IV, [87](#)), а затем Маяковским, Асеевым и другими.

Строфика, композиция. У ряда поэтов — Сологуба, Брюсова, А. Блока, Вяч. Иванова и др. — заметен интерес к изысканным строфам. Простые перекрестные 4-стишия становятся необычными благодаря причудливому чередованию стопностей (IV, [2](#), [18](#), [19](#), [29](#)); расхождение чередования рифм и последовательности стопностей встречаются и в других моделях строф (IV, [72](#)). Даже традиционное перекрестное чередование 5- и 2-стопных хореев А. Белый сделал индивидуальным благодаря зеркальной композиции строф: 5252 и 2525 (IV, [71](#)). Поражают у него строфические вольные стихи, то с одинаковой моделью (IV, [66](#)), то нетождественные, с запутанной рифмовкой, не сразу улавливаемой слухом (IV, [67](#), [69](#)).

Изысканно звучат парные строфы, в которых какой-либо стих рифмуется с соответствующим стихом следующей строфы (IV, [40](#), [59](#)), моноримы (IV, [25](#)) и сквозные рифмы (IV, [27](#)). Строфой из белых стихов, напоминающей карамзинские, Ахматова пишет стихотворение «Александрю Блоку» (IV, [105](#)); тот отвечает ей такой же строфой (IV, [64](#)). В отличие от строфических белых стихов, экстравагантно звучат строфы с холостыми стихами ААХх и АХАх у С. Черного (IV, [90](#), [92](#)). В них гораздо сильнее, чем у Державина (I, [27](#)) и Фета (III, [36](#)), выражен эффект обманутого ожидания.

Многие поэты обращаются к твердым формам — популярным ранее, как сонет (IV, [44](#)), и новым. Появляются первые венки сонетов (IV, [78](#)), рондо (IV, [97](#)), рондель (IV, [76](#)), газель (IV, [96](#)). Особенную популярность приобретает триолет (IV, [26](#)) — Бальмонт, Сологуб пишут сборники триолетов.

Развиваются различные формы полиметрии, простые и усложненные (IV, [40](#), [82](#), [83](#)), вплоть до строфических логоэдов.

Интересный образец — «Второй удар» Кузмина (IV, [98](#)). Все строки — III форма 3-дольника; в 6-стишии ААхББх только последний стих звучит перебоем: традиционное 6-стишие замыкалось рифмой. Это 6-стишие было исходной формой для «Поэмы без героя» Ахматовой (IV, [107](#)), поэтесса раскрепостила строфу — вернула концевую рифму и свободу дольки и иногда к смежно рифмующимся парам добавляла один-два стиха, что создавало заметный перебой.

Вообще поэты XX в. чаще, чем ранее, прибегают к перебоям и строфическим (IV, [47](#)), и метрическим, и рифменным как к сильному выразительному средству. Исчезновение рифмы в «Переутомлении» С. Черного не только выделяет концовку, но и завершает тему стихотворения (IV, [82](#)). Неожиданная смена метров, длины стихов, способов рифмовки в строфах очень резко выделяет строки и усиливает силу трагизма в стихотворениях Блока «Я сегодня не помню, что было вчера...» и «Поздней осенью из гавани...» (IV, [58](#), [59](#)).

Разумеется, наряду с новыми формами поэты всех направлений пользуются традиционными размерами (IV, [12](#), [22](#), [24](#), [26](#), [27](#), [44](#), [47](#), [62](#), [75](#), [78](#) и др.), точными рифмами (в этот период у большинства поэтов они преобладают), привычными моделями строф (IV, [3](#), [17](#), [37](#), [49](#), [62](#), [68](#), [84](#) и др.). Свободные метрические формы обычно укладываются в простые строфические (IV, [49](#), [51](#), [86](#), [87](#), [113](#) и др.); при усложненных строфах поэты чаще пользуются традиционными размерами (IV, [40](#), [75](#), [90](#)). Характерна «Поэма о старых размерах» И. Северянина (IV, [127](#)): поэт воспевает «старые размеры» простым 3-стопным ямбом в сложной строфической композиции АБВгАБВг.

К. Д. Бальмонт (1867–1942)

1. Фантазия

Как живые изваянья, в искрах лунного сиянья,
Чуть трепещут очертанья сосен, елей и берез;
Вещий лес спокойно дремлет, яркий блеск луны приемлет
И роптанью ветра внемлет, весь исполнен тайных грез.
Слыша тихий стон метели, шепчут сосны, шепчут ели,
В мягкой бархатной постели им отрадно почивать,
Ни о чем не вспоминая, ничего не проклиная,
Ветви стройные склоняя, звукам полночи внимать.

Чьи-то вздохи, чье-то пенье, чье-то скорбное моленье,
И тоска, и упоенье, — точно искрится звезда,
Точно светлый дождь струится, — и деревьям что-то

мнится,
То, что людям не приснится, никому и никогда.
Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи,
В час глубокой полуночи мчатся духи через лес.
Что́ их мучит, что́ тревожит? Что́, как червь, их тайно
гложет?
Отчего их рой не может петь отрадный гимн небес?

Всё сильней звучит их пенье, всё слышнее в нем томленье,
Неустанного стремленья неизменная печаль, —
Точно их томит тревога, жажда веры, жажда бога,
Точно мук у них так много, точно им чего-то жаль.
А луна всё льет сиянье, и без муки, без страданья
Чуть трепещут очертанья вещей сказочных стволов;
Все они так сладко дремлют, безучастно стонам внемлют
И с спокойствием приемлют чары ясных, светлых снов.

<1893>

2. Нить Ариадны

Меж прошлым и будущим нить
Я тку неустанной, проворной рукою:
Хочу для грядущих столетий покорно и честно служить
Борьбой, и трудом, и тоскою, —

Тоскою о том, чего нет,
Что дремлет пока, как цветок под водою,
О том, что когда-то проснется чрез многие тысячи лет,
Чтоб вспыхнуть падучей звездой.

Есть много не сказанных слов
И много созданий, не созданных ныне, —
Их столько же, сколько песчинок среди бесконечных
песков

В немой аравийской пустыне.

<1894>

3

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие-то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,

Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И всё выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

<1894>

4. Камыши

Полночной порою в болотной глуши
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.

О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?

Мелькают, мигают — и снова их нет.
И снова забрезжил блуждающий свет.

Полночной порой камыши шелестят.
В них жабы гнездятся, в них змеи свистят.

В болоте дрожит умирающий лик.
То месяц багровый печально поник.

И тиной запахло. И сырость ползет.
Трясина заманит, сожмет, засосет.

«Кого? Для чего?» — камыши говорят.
«Зачем огоньки между нами горят?»

Но месяц печальный безмолвно поник.
Не знает. Склоняет всё ниже свой лик.

И вздох повторяя погибшей души,
Тоскливо, бесшумно, шуршат камыши.

<1895>

5

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув, немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,

Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая, —
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном —
И гром проснется в немом просторе.

Но, снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой
И, вечно вольный, забвеньем вею.

<1897>

6. К Бодлеру

Как страшно-радостный и близкий мне пример,
Ты всё мне чудишься, о царственный Бодлер,
Любовник ужасов, обрывов и химер!

Ты, павший в пропасти, но жаждавший вершин,
Ты, видевший лазурь сквозь тяжкий желтый сплин,
Ты, между варваров заложник-властелин!

Ты, знавший Женщину, как демона мечты,
Ты, знавший Демона, как духа красоты,
Сам с женскою душой, сам властный демон ты!

Познавший таинства мистических ядов,
Понявший образность гигантских городов.
Поток бурлящийся, рожденный царством льдов!

Ты, в чей богатый дух навек перелита
В одну симфонию трикратная мечта:
Благоухания, и звуки, и цвета!

Ты — дух, блуждающий в разрушенных мирах,
Где привидения друг в друге будят страх,
Ты — черный, призрачный, отверженный монах

Пребудь же призраком навек в душе моей,
С тобой дай слиться мне, о маг и чародей,
Чтоб я без ужаса мог быть среди людей!

1899

7. Безветрие

Я чувствую какие-то прозрачные пространства
Далёко в беспредельности, свободной от всего;
В них нет ни нашей радуги, ни звездного убранства

В них всё хрустально-призрачно, воздушно
и мертво.

Безмерными провалами небесного Эфира
Они как бы оплотами от нас ограждены,
И в центре мироздания они всегда вне мира,
Светлей снегов нетающих нагорной вышины.

Нежней, чем ночью лунною дрожанье паутины,
Нежней, чем отражения перистых облаков,
Чем в замысле художника рождение картины,
Чем даль навек утраченных родимых берегов.

И только те, что в сумраке скитания земного
Об этих странах помнили, всегда лишь их любя,
Оттуда в мир пришедшие, туда вернутся снова,
Чтоб в царствии безветрия навек забыть себя.

<1900>

8. Придорожные травы

Спите, полумертвые увядшие цветы,
Так и не узнавшие расцвета красоты,
Близ путей заезженных возвращенные творцом,
Смятые невидевшим тяжелым колесом.

В час, когда все празднуют рождение весны,
В час, когда сбываются несбыточные сны,
Всем дано безумствовать, лишь вам одним нельзя,
Возле вас раскинулась закаятая стезя.

Вот, полуизломаны, лежите вы в пыли,
Вы, что в небо дальше светло глядеть могли,
Вы, что встретить счастье могли бы, как и все,
В женственной, в нетронутой, в девической красе.

Спите же, взглянувшие на страшный пыльный путь,
Вашим равным — царствовать, а вам — навек уснуть,
Богом обделенные на празднике мечты,
Спите, не видавшие расцвета красоты.

1900

9. Я не знаю мудрости

Я не знаю мудрости, годной для других,
Только мимолетности я влагаю в стих.
В каждой мимолетности вижу я миры,
Полные изменчивой радужной игры.
Не кляните, мудрые. Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву.

И зову мечтателей... Вас я не зову!

<1902>

10. Прерывистый шелест

Есть другие планеты, где ветры певучие тише,
Где небо бледнее, травы тоньше и выше,
Где прерывисто льются
Переменные светы,
Но своей переменою только ласкают, смеются.
Есть иные планеты,
Где мы были когда-то,
Где мы будем потом.
Не теперь, а когда, потеряв —
Себя потеряв без возврата,
Мы будем любить истомленные стебли седых
шелестящих трав,
Без аромата,
Тонких, высоких, как звезды — печальных,
Любящих сонный покой мест погребальных,
Над нашей могилою спящих
И тихо, так тихо, так сумрачно-тихо под луной
шелестящих.

<1903>

11. Гимн Солнцу

Жизни податель,
Светлый создатель,
Солнце, тебя я пою!
Пусть хоть несчастной
Сделай, но страстной,
Жаркой и властной
Душу мою!

Жизни податель,
Бог и создатель,
Страшный сжигающий свет!
Дай мне — на пире
Звуком быть в лире, —
Лучшего в мире
Счастья нет!

<1903>

12. Лунный свет

Легкий лист, на липе млея,
Лунный луч в себя вобрал —
Спит зеленая аллея,
Лишь вверху поет хорал.

Это — лунное томленье,
С нежным вешним ветерком,
Легкость ласк влагает в пенье
Лип, загрезивших кругом.

И в истоме замиранья
Их вершины в сладком сне
Слышат лунное сиянье,
Слышат ветер в вышине.

Свет Луны и ветер вешний,
Бледный ландыш спит в тени,
Грезя, видит сон нездешний,
Дню хранит свои огни.

Полон зыблемого звона,
Легкой грезы и весны,
С голубого небосклона
Принимает луч Луны.

Лик Луны, любовь лелея,
Мир чарует с высоты.
Спит зеленая аллея,
Спят деревья и цветы.

<1905>

13. Творцам сих садов

О, страдатели, насаждатели, о, садовники сих садов,
С разнородными вам породами бой готовится, бой готов.

Чуть посадите семя светлое, семя темное тут как тут,
Чуть посадите стебель крепкий вы, травы цепкие здесь растут.

Чуть посадите цвет небесный вы, голубой цветок, и как снег,
Чуть посадите нежно-алый цвет, слышен тихий шаг, слышен бег.

Над цветком — часы и толпы минут, вот подкралися, вот бегут,
Стерегите их, а не то они всех не бережных стерегут.

И когда впадут во внимание, в них воздушный звон, нежный цвет,
И когда впадут в невнимание, это — вороны, свита бед.

Созидатели, насаждатели, вы, садовники сих садов,
Цепки травы — прочь, и глядите в Ночь, тьмы минут — дадут вам
цветов.

<1909>

14. Тишь

Вот она — неоглядная ширь океана, который зовется
Великим

И который Моаной зовут в Гавайики, в стране Маори.
Человек островов, что вулканами встали, виденьем
  возник смуглоликим.
И кораллы растут, и над синей волной — без числа
  острова-алтари.

<1912>

15. Кто кого

Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обгоню.
Я колдую. Вихри чую. Грею сбрую я коню.

Конь мой спорый. Топи, боры, степи, горы
  пролетим.
Жарко дышит. Мысли слышит. Конь — огонь
  и побратим.

Враг мой равен. Полноправен. Чей скорей
  вскипит бокал?
Настигаю. Настигаю. Огибаю. Обогнал.

1915

16. Капля

В глухой колодец, давно забытый, давно без жизни
  и без воды,
Упала капля — не дождевая, упала капля ночной звезды.
Она летела стезей падучей и догорела почти дотла,
И только искра, и только капля одна сияла, еще светла.
Она упала не в многоводье, не в полногласье воды
  речной,
Не в степь, где воля, не в зелень рощи, не в чащу веток
  стены лесной.
Спадая с неба, она упала не в пропасть моря,
  не в водопад,
И не на поле, не в ровность луга, и не в богатый
  цветами сад.
В колодец мертвый, давно забытый, где тосковало
  без влаги дно,
Она упала снежинкой светлой, от выси неба к земле —
  звено.
Когда усталый придешь случайно к тому колодцу
  в полночный час,
Воды там много, в колодце — влага, и в сердце песня,
  в душе — рассказ.
Но чуть на грани земли и неба зеленоватый мелькнет
  рассвет,
Колодец меркнет, и лишь по краю — росистой влаги
  белеет след.

<1924>

Ф. К. Сологуб (1863–1927) 17. Восьмидесятники

Среди шатания в умах и общей смуты,
Чтобы внимание подростков поотвлечь
И наложить на пагубные мысли путы,
Понадобилась нам классическая речь.

Грамматики народов мертвых изучая,
Недаром тратили вечерние часы
И детство резвое, и юность удалая
В прилежном изученьи стройной их красоты.

Хирели груди их, согнутые над книгой,
Слабели зоркие, пытливые глаза,
Слабели мускулы, как будто под веригой,
И гнулса хрупкий стан, как тонкая лоза.

И вышли скромные, смиренные людишки.
Конечно, уж они не будут бунтовать;
Им только бы читать печатные коврижки
Да вкусный пирожок казенный смаковать.

1892

18

Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря и жизнь свой лик покажет
И нежно скажет:
«Иди!»

Без жизни отжил я, и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
И грозно скажет:
«Иду!»

1892

19

Туман не редееет
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.

С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.

Бледна и сурова,

Столица гудит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

1892

20

Сквозь кисейный занавес окна
Мне видна
Улицы дремотной тишь —
Снег на скатах крыш,
Ворота, забор...
Изредка прохожие мелькнут...
Шумный спор
Иногда бабенки заведут.

1894

21

О царица моя! Кто же ты? Где же ты?
По каким заповедным иль торным путям
Пробираться к тебе? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не поверю я сам.

Молодая вдова о почившем не может, не хочет
скорбеть.

Преждевременно дева всё знает, — и счастье ее
не манит.

Содрогаясь от холода, клянчит старуха и прячет
истертую медь.

Замирающий город туманом и мглою повит.

Умирая, томятся в гирляндах живые цветы.
Побледневший колодник сбежавший прилег, отдыхая,
в лесу у ручья.

Кто же ты,
Чаровница моя?

О любви вдохновенно поет на подмостках поблекший
певец.

Величаво идет в равнодушной толпе молодая жена.
Что-то в воду упало, — бегут роковые обломки
колец.

Одинокая, спешная ночь и трудна, и больна.

Сколько странных видений и странных,
недужных тревог!

Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
Недоступен ли твой светозарный чертог?
Или встречу тебя, о царица моя?

1894

22

Расцветайте, расцветающие,
Увядайте, увядающие,
Догорай, объятые огнем, —
Мы спокойны, не желающие,
Лучших дней не ожидающие,
Жизнь и смерть равно встречающие
С отуманенным лицом.

1896

23

Друг мой тихий, друг мой дальный.
Посмотри, —
Я холодный и печальный
Свет зари.

Я напрасно ожидаю
Божества,
В бледной жизни я не знаю
Торжества.

Над землею скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну канет
Злая тень, —

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальный,
Я умру.

1893

24. Звезда Маир

Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездой
Далекий мир.

Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира

На той земле.

Река Лигой в стране любви и мира,
Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира
Своей волной.

Бряцанье лир, цветов благоуханье,
Бряцанье лир
И песни жен слились в одно дыханье,
Хваля Маир.

1898

25. Лунная колыбельная

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожно качну.
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихий ангел востепенится, улыбнется, погрозится шалуну
И шалун ему ответит: «Ты не бойся, ты не дуйся,
я засну»

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.

Он про звездочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну.

Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,
Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, —

Тот поникнет, и не крикнет и не пикнет, и поникнет
в глубину,
И на речке с легким плеском круг за кругом пробежит
волна в волну.

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.

1907

26. Триолет

Лежу в траве на берегу
Ночной реки и слышу плески.

в разноцветный хаос.

О, далекое утро на вспененном взморье, странно-алые краски
стыдливой зари!

О, весенние звуки в серебряном сердце и твой сказочно-ласковый
образ, Мари!

Это утро за ночью, за мигмом признания, перламутрово-чистое
утро любви,

Это утро, и воздух, и солнце, и чайки, и везде — точно
отблеск — улыбки твои!

Озаренный, смущенный, ребенок влюбленный, я бессильно
плыву в безграничности грез...

А дымящее пламя взвивается в вихре и сливает мечты
в разноцветный хаос.

1895

29. Туманные ночи

Вся дрожа, я стою на подъезде
Перед дверью, куда я вошла накануне,
И в печальные строфы слагаются буквы созвездий.
О, туманные ночи в палящем июне!

Там, вот там, на закрытой террасе
Надо мной наклонялись зажженные очи,
Дорогие черты, искаженные в страстной гримасе.
О, туманные ночи! туманные ночи!

Вот и тайна земных наслаждений...
Но такой ли ее я ждала накануне!
Я дрожу от стыда — я смеюсь! Вы солгали мне, тени!
Вы солгали, туманные ночи в июне!

1895

30. Ночью

Дремлет Москва, словно самка спящего страуса,
Грязные крылья по темной почве раскинуты,
Кругло-тяжелые веки безжизненно сдвинуты,
Тянется шея — беззвучная, черная Яуза.

Чуешь себя в африканской пустыне на роздыхе.
Чу! что за шум? не летят ли арабские всадники?
Нет! качая грузными крыльями в воздухе,
То приближаются хищные птицы — стервятники.

Падали запах знаком крылатым разбойникам,
Грозен голос близкого к жизни возмездия.
Встанешь, глядишь... а они всё кружат над
покойником,

В небе ж тропическом ярко сверкают созвездия.

1895

31

Побледневшие звезды дрожали,
Трепетала листва тополей,
И, как тихая греза печали,
Ты прошла по заветной аллее.

По аллее прошла ты и скрылась...
Я дождался желанной зари,
И туманная грусть озарилась
Серебристою рифмой Марии.

1896

32. В Дамаск

Губы мои приближаются
К твоим губам,
Таинства снова свершаются,
И мир как храм.

Мы, как священнослужители,
Творим обряд.
Строго в великой обители
Слова звучат.

Ангелы, ниц преклоненные,
Пюют тропарь.
Звезды — лампы зажженные,
И ночь — алтарь.

Что нас влечет с неизбежностью,
Как сталь магнит?
Дышим мы страстью и нежностью,
Но взор закрыт.

Водоворотом мы схвачены
Последних ласк.
Вот он, от века назначенный,
Наш путь в Дамаск!

1903

33. Конь Блед (Отрывок)

Улица была — как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались omnibusы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.
Вывески, вертясь, сверкали переменным оком,

С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
Выкрики газетчиков и шелканье бичей.
Лили свет безжалостный прикованные луны,
Луны, сотворенные владыками естеств.
В этом свете, в этом гуле — души были юны,
Души опьяневших, пьяных городом существ.

1903

34. Фонарики

Столетия — фонарики! о, сколько вас во тьме,
На прочной нити времени, протянутой в уме!
Огни многообразные, вы тешите мой взгляд...
То яркие, то тусклые фонарики горят.
Сверкают, разноцветные, в причудливом саду,
В котором, очарованный, и я теперь иду.
Вот пламенники красные — подряд по десяти.
Ассирия! Ассирия! мне мимо не пройти!
Хочу полюбоваться я на твой багряный свет:
Цветы в крови, трава в крови, и в небе красный след.
А вот гирлянда желтая квадратных фонарей.
Египет! сила странная в неяркости твоей!
Пронизывает глуби все твой беспощадный луч,
И тянется властительно с земли до хмурых туч.
Но что горит высоко там, и что слепит мой взор?
Над озером, о Индия, застыл твой метеор.
Внесенный, неподвижен он, в пространствах — брат
звезде,
Но пляшут отражения, как змеи, по воде.
Широкая, свободная, аллея вдаль влечет,
Простым, но ясным светочем украшен строгий вход.
Тебя ли не признаю я, святой Периклов век!
Ты ясностью, прекрасностью победно мрак рассек!
Вхожу: всё блеском залито, все сны воплощены,
Все краски, все сверкания, все тени сплетены!
О Рим, свет ослепительный одиннадцати чаш:
Ты — белый, торжествующий, ты нам родной, ты наш!
Век Данте — блеск таинственный, зловеще золотой...
Лазурное сияние, о Леонардо, твой!..
Большая лампа Лютера — луч, устремленный вниз...
Две маленькие звездочки, век суетных маркиз...
Сноп молний — Революция! За ним громадный шар,
О ты! век девятнадцатый, беспламенный пожар!
И вот стою ослепший я, мне дальше нет дорог,
А сумрак отдаления торжественен и строг.
К сырой земле лицом припав, я лишь могу глядеть,
Как вьется, как сплетается огней мелькнувших сеть.

Но вам молюсь, безвестные! еще в ночной тени
Сокрытые, не жившие, грядущие огни!

1904

35. Холод

Холод, тело тайно сковывающий,
Холод, душу очаровывающий...

От луны лучи протягиваются,
К сердцу иглами притрагиваются.

В этом блеске — всё осилившая власть,
Умирает обескрылевшая страсть.

Всё во мне — лишь смерть и тишина,
Целый мир — лишь твердь и в ней луна.

Гаснут в сердце невзлелеянные сны,
Гибнут цветики осмеянной весны.

Снег сетями расстилающимся
Вьет над днями забывающимся,

Над последними привязанностями,
Над святыми недосказанностями!

1906

36. Встреча

Близ медлительного Нила, там, где озеро Мерида,
в царстве пламенного Ра,
Ты давно меня любила, как Озириса Изиды, друг, царица
и сестра!

И клонила пирамида тень на наши вечера.

Вспомни тайну первой встречи, день, когда во храме
пляски увлекли нас в темный круг,
Час, когда погасли свечи, и когда, как в странной сказке,
каждый каждому был друг,
Наши речи, наши ласки, счастье, вспыхнувшее вдруг!

Разве ты, в сияньи бала, легкий стан склонив мне в руки,
через завесу времен.

Не расслышала кимвала, не постигла гимнов звуки
и толпы ответный стон?

Не сказала, что разлуки — кончен, кончен долгий сон!

Наше счастье — прежде было, наша страсть —
воспоинанье, наша жизнь — не в первый раз,
И, за временной могилой, неугасшие желанья с прежней
силой дышат в нас,

Как близ Нила, в час свиданья, в роковой и краткий час!

1906, 1907

37

Воздух живительный, воздух смолистый
Я узнаю.

Свет не слепит, упоительный, чистый,
Словно в раю.

Узкой тропинкой к гранитам прибрежным
Вышел, стою.

Нежу простором, суровым и нежным,
Душу мою.

Сосны недвижны на острове, словно
В дивном краю.

Тихие волны лепечут любовно
Сказку свою.

Вот где дозволило божье пристрастье
Мир бытию!

Веет такое же ясное счастье
Только в раю.

1908

38. Сухие листья

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром, кружат, шуршат,
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

Трепещут сучья под тусклым ветром;
Сухие листья, под тусклым ветром,
Что говорят нам, нам шепчут что?
Трепещут листья, под тусклым ветром,
Лепечут листья, под тусклым ветром,
Но слов не понял никто, никто!

Меж черных сучьев синее небо,
Так странно нежно синее небо,
Так странно нежно прозрачна даль.
Меж голых сучьев прозрачно небо,
Над черным прахом синее небо,
Как будто небу земли не жаль.

Сухие листья шуршат о смерти,
Кружась под ветром, шуршат о смерти:

Они блестели, им время тлеть.
Прозрачно небо. Шуршат о смерти
Сухие листья, — чтоб после смерти
В цветах весенних опять блеснуть!

1913

И. Ф. Анненский (1856–1909) **39** *(Музыка отдаленной шарманки)*

Падает снег,
Мутный и белый и долгий,
Падает снег,
Заметая дороги,
Засыпая могилы,
Падает снег...
Белые влажные звезды!
Я так люблю вас,
Тихие гости оврагов!

Холод и нега забвенья
Сердцу так сладки...
О, белые звезды... Зачем же,
Ветер, зачем ты свегаешь,
Жгучий мучительный ветер,
С думы и черной и тяжелой,
Точно могильная насыпь,
Белые блески мечты?..
В поле зачем их уносишь?

Если б заснуть,
Но не навеки,
Если б заснуть
Так, чтобы после проснуться,
Только под небом лазурным...
Новым, счастливым, любимым...

1900

40. Кэк-уок на цимбалах

Молоточков лапки цепки,
Да гвоздочков шапки крепки,
    Что не раз их,
    Пустоплясых,
    Там позастревало.

Молоточки топотали,
Мимо точки попадали,
    Что ни мах,
    На струнах
    Как и не бывало.

Пали звоны топотом, топотом,
Стали звоны ропотом, ропотом,
    То сзываясь,
    То срываясь,
    То дробя кристалл.

В струнах, полных холода, холода,
Пели волны молодо, молодо,
    И буруном
    Гул по струнам
    Следом пролетал.

С звуками кэк-уока,
Ожидая мокка,
Во мгновенье ока
Что мы не съедим...
И Махмет-Мамаям,
Ни зимой, ни маем
Нами не внимаем,
    Он необходим.

Молоточков цепки лапки,
Да гвоздочков крепки шапки,
    Что не раз их,
    Пустоплясых,
    Там позастревало.

Молоточки налетают.
Мало в точки попадают,
    Мах да мах,
    Жизни... ах,
    Как и не бывало.

<1904>

41. Тоска отшумевшей грозы

Сердце ль не томилося
    Желанием грозы,
Сквозь вспышки бело-алые?
А теперь влюбилось
    В бездонность бирюзы,
В ее глаза усталые.

Всё, что есть лазурного,
    Излилося в лучах
На зыби златошвейные,
Всё, что там безбурного
    И с ласкою в очах, —
В сады зеленовейные.

В стекла бирюзовые
Одна глядит гроза
Из чуждой ей обители...
Больше не суровые,
Печальные глаза,
Любили ль вы, простите ли?..

1904

42. Träumerei^[16]

Сливались ли это тени,
Только тени в лунной ночи мая?
Это блики, или цветы сирени
Там белели, на колени
Ниспадая?
Наяву ль и тебя ль безумно
И бездумно
Я любил в томных тенях мая?
Припадая к цветам сирени.
Лунной ночью, лунной ночью мая,
Я твои ль целовал колени.
Разжимая их и сжимая,
В томных тенях, в томных тенях мая?
Или сад был одно мечтанье
Лунной ночи, лунной ночи мая?
Или сам я лишь тень немая?
Иль и ты лишь мое страданье,
Дорогая,
Оттого, что нам нет свиданья
Лунной ночью, лунной ночью мая...

1906

43. Призраки

И бродят тени, и молят тени:
«Пусти, пусти!»
От этих лунных осеребрений
Куда ж уйти?
Зеленый призрак куста сирени
Прильнул к окну...
Уйдите, тени, оставьте, тени,
Со мной одну...
Она недвижна, она немая,
С следами слез,
С двумя кистями сиреней мая
В извилах кос...
Но и неслышным я верен пеням,

И, как в бреду,
На гравий сада я по ступеням
За ней сойду...

О бледный призрак, скажи скорее
Мои вины,
Покуда стекла на галерее
Еще черны.

Цветы завянут, цветы обманны,
Но я... я — твой!
В тумане холод, в тумане раны
Перед зарей...

1906

44. Перебой ритма *Сонет*

Как ни гулок, ни живуч — Ям —
— б, утомлен и он, затих
Средь мерцаний золотых,
Уступив иным созвучьям.

То-то вдруг по голым сучьям
Прозы утра, град шутих,
На листы веленьем щучьим
За стихом поскачет стих.

Узнаю вас, близкий рампе,
Друг крылатый эпиграмм, Пэ —
— она третьего размер.

Вы играли уж при мер —
— цаньи утра бледной лампе
Танцы нежные Химер.

<?>

45. Вербная неделя

В желтый сумрак мертвого апреля,
Попрощавшись с звездною пустыней,
Уплывала Вербная неделя
На последней, на погиблой снежной льдине;

Уплывала в дымах благовонных,
В замираньи звонов похоронных,
От икон с глубокими глазами
И от Лазарей, забытых в черной яме.

Стал высоко белый месяц на ущербе,
И за всех, чья жизнь невозвратима,
Плыли жаркие слезы по вербе

На румяные щеки херувима.

1907

46. Лишь тому, чей покой таим

Лишь тому, чей покой таим,
Сладко дышится...
Полотно над окном моим
Не колышется.

Ты придешь, коль верна мечтам,
Только та ли ты?
Знаю: сад там, сирени там
Солнцем залиты.

Хорошо в голубом огне,
В свежем шелесте;
Только яркой так чужды мне
Чары прелести...

Пчелы в улей там носят мед,
Пьяны гроздами...
Сердце ж только во сне живет
Между звездами...

<1909>

47. Тринадцать строк

Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их дым:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был молодым.

Я любить бы их вечер хотел,
Когда, рдея, там гаснут лучи,
Но от жертвы их розовых тел
Только пепел мне снится в ночи.

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они...
Потому что — цветы это ты.

<?>

48

Если больше не плачешь, то слезы сотри:
Зажигаясь, бегут по столбам фонари,
Стали дымы в огнях веселее
И следы золотыми в аллее...

Только веток еще безнадежнее сеть,
Только небу, чернея, над ними висеть.

Если можешь не плакать, то слезы сотри:
Забелелись далеко во мгле фонари.

На лице твоём, ласково-зыбкий,
Белый луч притворился улыбкой...

Лишь теней всё темнее за ним череда,
Только сердцу от дум не уйти никуда.

<?>

А. А. Блок (1880–1921)

49

Его встречали повсюду
На улицах в сонные дни.
Он шел и нес свое чудо,
Спотыкаясь в морозной тени.

Входил в свою тихую келью,
Зажигал последний свет,
Ставил лампаду веселью
И пышный лилий букет.

Ему дивились со смехом,
Говорили, что он чудак.
Он думал о шубке с мехом
И опять скрывался во мрак.

Однажды его проводили,
Он весел и счастлив был,
А утром в гроб уложили,
И священник тихо служил.

1902

50

По городу бегал черный человек.
Гасил он фонарики, карабкаясь на лестницу.

Медленный, белый подходил рассвет,
Вместе с человеком взбирался на лестницу.

Там, где были тихие, мягкие тени —
Желтые полоски вечерних фонарей, —

Утренние сумерки легли на ступени,
Забрались в занавески, в щели дверей.

Ах, какой бледный город на заре!
Черный человечек плачет на дворе.

1903

51

Просыпаюсь я — и в поле туманно,
Но с моей вышки — на солнце укажу.
И пробуждение мое безжеланно,
Как девушка, которой я служу.

Когда я в сумерки проходил по дороге.
Заприметился в окошке красный огонек.
Розовая девушка встала на пороге
И сказала мне, что я красив и высок.

В этом вся моя сказка, добрые люди.
Мне больше не надо от вас ничего:
Я никогда не мечтал о чуде —
И вы успокойтесь — и забудьте про него.

1903

52

Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

1905

53. Незнакомка

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,

Чуть золотится крендель булочной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единственный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинственной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»^[17] кричат.

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

И странной близостью закованный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.

Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.

И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные

Цветут на дальнем берегу.

В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.

1906

54. Незнакомка *(Отрывок из пьесы)*

Голубой

В блеске зимней ночи тающая,
Обрати ко мне твой лик.
Ты, снегами тихо веющая,
Подари мне легкий снег.

Она обращает очи к нему.

Незнакомка

Очи — звезды умирающие,
Уклонившись от пути.
О тебе, мой легковеющий,
Я грустила в высоте.

Его голубой плащ осыпан снежными звездами.

Голубой

В синеве твоей морозной
Много звезд.
Под рукой моей железной
Светлый меч.

Незнакомка

Опусти в руке железной
Светлый меч.
В синеве моей морозной
Звезд не счесть.

Голубой дремлет в бледном свете. На фоне плаща его светится луч, как будто он оперся на меч.

Голубой

Протекали столетья, как сны.
Долго ждал я тебя на земле.

Незнакомка

Протекали столетья, как миги.
Я звездою в пространствах текла.

Голубой

Ты мерцала с твоей высоты
На моем голубом плаще.

Незнакомка

Ты гляделся в мои глаза.
Часто на небо смотришь ты?

Голубой

Больше взора поднять не могу:
Тобою, падучей, скован мой взор.

Незнакомка

Ты можешь, сказать мне земные слова?
Отчего ты весь в голубом?

Голубой

Я слишком долго в небо смотрел:
Оттого — голубые глаза и плащ.

1906

55

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключат очи.
И буду ждать я с лицом вздетым,

Я буду мертвый — с лицом подъятым.
Придет, кто больше на свете любит;
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют, — уйдут беспокойно прочь:
Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

1907

56

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату
Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к занятиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Макбёта».

Едва дойдя до *пузырей земли*,
О которых я не могу говорить
  без волнения,
Я заметил, что она тоже волнуется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
С трудом лепится по краю крыши,
Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло
и Франчески.

1908

57. На поле Куликовом

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
                        И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
                        В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
                        Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
                        Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске
  безбрежной,
                        В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
                        Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
                        Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
                        И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
                        Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
                        И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...

Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!
Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

1908

58

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.
Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

1909

59

Поздней осенью из гавани
От заметной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.
В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.
И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...
А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

1909

Черный ворон в сумраке снежном,
 Черный бархат на смуглых плечах.
 Томный голос пением нежным
 Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
 Словно с моря мне подан знак.
 Над бездонным провалом в вечность,
 Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
 Опьяненные губы мои...
 Валентина, звезда, мечтанье!
 Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен?
 В нем — твоих поцелуев бред,
 Темный мóрок цыганских песен,
 Торопливый полет комет!

1910

Дух пряный марта был в лунном круге.
 Под талым снегом хрустел песок.
 Мой город истаял в мокрой вьюге,
 Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
 И мне казалось — сквозь храп коня —
 Венгерский танец в небесной черни
 Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
 Хотел он выжечь душу мне,
 В лицо швыряя твоей вуалью
 И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
 Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах,

1910

Ночь, улица, фонарь, аптека,
 Бессмысленный и тусклый свет.
 Живи еще хоть четверть века —
 Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

1912

63. Роза и Крест *(Отрывок из пьесы)*

Алискан

Вспомните прежние игры!
Вспомните: только весной
Мы на поляне зеленой
В плясках беспечных
Коротали легкую жизнь...

Изора

Паж, не забудь: я — твоя госпожа!

Алиса

Она больна, Алискан.

Изора (напевает)

«Сердцу закон непреложный...
Радость-Страданье...»

Алискан

Вы песню твердите,
Которую пел кривляка наемный.

Изора

Пусть! — песню он пел не свою...

Алискан

Какой-нибудь жалкий рыбак
Из чужой и дикой Бретани
Непонятную песню сложил...

Изора

Паж, ты ревнуешь? —
Успокойся... его я не знаю... —
Ах... кто знает? вернется пора,
Может быть, на зеленой поляне
К нам вернется прежняя радость...
Нет!.. Теперь — все постыло и дико...
Жизнь такая не явь и не сон!

1913

64. Анне Ахматовой

«Красота страшна» — Вам скажут, —
Вы накинете лениво

Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста» — Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

1913

65. Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«На́ хлеба, на́, на́ грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

1916

Андрей Белый (1880–1934)

66

Огонечки небесных свечей
снова борются с горестным мраком.
И ручей
чуть сверкает серебряным знаком.

О поэт — говори
о неслышном полете столетий.
Голубые восторги твои
ловят дети.

Говори о безумье миров,
завертевшихся в танцах,

о смеющейся грусти веков,
о пьянящих багрянцах.

Говори
о полете столетий.
Голубые восторги твои
чутко слышат притихшие дети.

Говори...

1903

67. Игры кентавров

Кентавр бородатый,
мохнатый
и голый
на страже
у леса стоит.
С дубиной тяжелой
от зависти вражьей
жену и детей сторожит.

В пещере кентавриха кормит ребенка
пьянящим
своим молоком.
Шутливо трубят молодые кентавры над звонко
шумящим
ручьём.

Вскочивши один на другого,
копытами стиснувши спину,
кусают друг друга, заржав.
Согретые жаром тепла золотого,
другие глядят на картину,
а третьи валяются, ноги задрав.

Тревожно зафыркал старик, дубиной корнистой
взмахнув.
В лес пасмурно-мглистый
умчался, хвостом поседевшим вильнув.

И вмиг присмирели кентавры, оставив затеи,
и скопом,
испуганно вытянув шеи,
к пещере помчались галопом.

1903

68. В полях

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,

апельсинный и винный
над червонной рекой.

От воздушного пьянства
онемела земля.
Золотые пространства,
золотые поля.

Озаренный лучом, я
опускаюсь в овраг.
Чернопыльные комья
замедляют мой шаг.

От всего золотого
к ручейку убегу —
холод ветра ночного
на зеленом лугу.

Солнца контур старинный,
золотой, огневой,
апельсинный и винный
убежал на покой.

Убежал в неизвестность.
Над полями легла,
заливая окрестность,
бледно-синяя мгла.

Жизнь в безвременье мчится
пересохшим ключом:
всё земное нам снится
утомительным сном.

<1904>

69. Серенада

Ты опять у окна, вся доверившись снам, появилась...
Бирюза, бирюза заливает окрестность...
Дорогая,
луна — заревая слеза —
где-то там в неизвестность
скатилась.

Беспечальных седых жемчугов
поцелуй, о пойми ты!..
Меж кустов, и лугов, и цветов струй
зеркальных узоры разлиты...

Не тоскуй,
грусть уйми ты!

Дорогая,
о пусть
стая белых, немых лебедей
меж росистых ветвей
на струях серебристых застыла —
одинокая грусть нас туманом покрыла.

От тоски в жажде снов нежно крыльями плещут.
Меж цветов светляки изумрудами блещут.

Очерк белых грудей
на струях точно льдина:
это семь лебедей,
это семь лебедей Лоэнгина —

лебедей
Лоэнгина.

1904

70. Ночью на кладбище

Кладбищенский убогий сад
И зеленеющие кочки.
Над памятниками дрожат,
Потрескивают огонечки.

Над зарослями из деревьев,
Проплакавши колоколами,
Храм яснится, оцепенев
В ночь вырезанными крестами.

Серебряные тополя
Колеблются из-за ограды,
Разметывая на поля
Бушующие листопады.

В колеблющемся серебре
Бесшумное возникновенье
Взлетающих нетопырей, —
Их жалобное шелестенье,

О сердце тихое мое,
Сожженное в полдневном зное, —
Ты погружаешься в родное,
В холодное небытие.

1908

71. Тело стихий

В лепестке лазуревато-лилейном
Мир чудесен.

Всё чудесно в фейном, вейном, змейном
Мире песен.

Мы — повисли,
Как над пенной бездною ручей.
Льются мысли
Блесками летающих лучей.

1916

Вяч. Ив. Иванов (1866–1949) 72. *Taedium phaenomeni*^[18]

Кто познал тоску земных явлений,
Тот познал явлений красоту.
    В буйном вихре вождлений,
    Жизнь хватая на лету,
Слепы мы на красоту явлений.

Кто познал явлений красоту,
Тот познал мечту Гиперборея:
    Тишину и полноту
    В сердце сладостно лелея,
Он зовет лазурь и пустоту.

Вспоминая долгие зоны,
Долгих нег блаженство и полон, —
    Улыбаясь, слышит звоны
    Теплых и прозрачных лон, —
И нисходит на живые лона.

<1911>

73. Троицын день

Дочь лесника незабудки рвала в осокé
    В Троицын день;
Веночки плела над рекой и купалась в реке
    В Троицын день...
И бледной русалкой всплыла в бирюзовом венке.

Гулко топор застучал по засеке лесной
    В Троицын день;
Лесник с топором выходил за смолистой сосной
    В Троицын день;
Тоскует и тужит, и тешет он гроб смоляной.

Свечка в светлице средь темного леса блестит
    В Троицын день;
Под образом блеклый веночек над мертвой грустит
    В Троицын день...
Бор шепчется глухо. Река в осокé шелестит...

<1911>

74. Вечеровое коло

В заревой багрянице выходила жница.

Багрянéц отряхнула, возмахнула серпом.

Золот серп уронила
(«Гори, заряница!»),
Серп вода схоронила
На дне скупом.

И, послушна царице, зыбких дев вереница

Меж купавами реет («Мы сплетем хоровод!»),

Серп исхитить не смеет
(«Звени, вечерница!»)
И над гладью белеет
Отуманенных вод.

Серп в стеклянной темнице! («Промелькнула зарница!..»)

Серп в осóке высокой! («Сомкнулся круг!..»)

Над зеркальной излукой
Мы храним, о царица,
Серп наш, серп крутолукий —
От твоих подруг!

<1911>

75. Роза обручения *(Из «Газел о розе»)*

Упоена и в неге тонет роза;

А соловей поет и стонет, роза,

В сплетенье кущ, тобой благоуханных,

Пока восточных гор не тронет Роза.

Усыплена волшебным обаяньем,

Колелет лень и стебель клонит роза;

А царь певцов поет — и под наитьем

Предутренним росу уронит роза.

О женихе поет он, о влюбленном...

Лелеет плен и чар не гонит роза:

В бездонных снах, с кольцом любви забвенной

Обет одной любви хоронит роза.

<1911>

76. Адонис *Рондель*

О розе амброзийных нег

Не верь поэта баснословью:

Забудь Киприды ризу вдовью,

Адониса живой ковчег.

Что, древле белая, как снег,
Она его зардела кровью, —
О розе амброзийных нег
Не верь поэта баснословью.

Завиден пастыря ночлег.
Зови богиню к изголовью;
О ней мечтай, — пронзен любовью, —
Из волн ступающей на брег,
О розе амброзийных нег.

<1911>

М. А. Волошин (1877–1932)

77 (Из цикла «Киммерийские сумерки»)

Я иду дорогой скорбной в мой безрадостный Коктебель...
По нагорьям терн узорный и кустарники в серебре.
По долинам тонким дымом розовеет внизу миндаль,
И лежит земля страстная в черных ризах и орарях.

Припаду я к острым щепням, к серым срывам размытых гор,
Причашусь я горькой соли задыхающейся волны,
Обовью я чобром, мятой и полынью седой чело.
Здравствуй, ты, в весне распятый, мой торжественный Коктебель!

1907

78. Corona astralis^[19] Венок сонетов

1

В мирах любви неверные кометы,
Сквозь горних сфер мерцающий стожар —
Клубы огня, мятущийся пожар,
Вселенских бурь блуждающие светы

Мы вдаль несем... Пусть темные планеты
В нас видят меч грозящих миру кар, —
Мы правим путь свой к солнцу, как Икар,
Плащом ветров и пламени одеты.

Но — странные, — его коснувшись, прочь
Стремим свой бег: от солнца снова в ночь —
Вдаль, по путям парабол безвозвратных...

Слепой мятеж наш дерзкий дух стремится
В багровой тьме закатов незакатных...
Закрыт нам путь проверенных орбит!

2

Закрыт нам путь проверенных орбит,

Нарушен лад молитвенного строя...
Земным богам земные храмы строя,
Нас жрец земли земле не причастит.

Безумьем снов скитальный дух повит.
Как пчелы мы, отставшие от роя!..
Мы беглецы, и сзади наша Троя,
И зарево наш парус багрянит.

Дыханьем бурь таинственно влекомы,
По свиткам троп, по росстаням дорог
Стремимся мы. Суров наш путь и строг.

И пусть кругом грохочут глухо грома.
Пусть веет вихрь сомнений и обид, —
Явь наших снов земля не истребит!

3

Явь наших снов земля не истребит:
В парче лучей истают тихо зори,
Журчанье утр сольется в дневном хоре,
Ущербный серп истлеет и сгорит,

Седая зыбь в алмазы раздробит
Снопы лучей, рассыпанные в море,
Но тех ночей, разверстых: на Фаворе,
Блеск близких Солнц в душе не победит.

Нас не слепят полдневные экстазы
Земных пустынь, ни жидкие топазы,
Ни токи смол, ни золото лучей.

Мы шелком лун, как ризами, одеты,
Нам ведом день немеркнувших ночей, —
Полночных Солнц к себе нас манят свету.

4

Полночных Солнц к себе нас манят свету...
В колодцах труб пытливый тонет взгляд.
Алмазный бег вселенные стремят:
Системы звезд, туманности, планеты,

От Альфы Пса до Веги и от Беты
Медведицы до трепетных Плеяд —
Они простор небесный бороздят,
Творя во тьме свершенья и обеты.

О, пыль миров! О, рой священных пчел!
Я исследил, измерил, взвесил, счел.
Дал имена, составил карты, сметы...

Но ужас звезд от знания не потух.
Мы помним все: наш древний, темный дух
Ах, не крещен в глубоких водах Леты!

5

Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш звездный дух забвением ночей!
Он не испил от Орковых ключей,
Он не принес подземные обеты.

Не замкнут круг. Заклятья недопеты...
Когда для всех сапфирами лучей
Сияет день, журчит в полях ручей, —
Для нас во мгле слепые бродят светы,

Шуршит тростник, мерцает тьма болот,
Напрасный ветер свивает и несет
Осенний рой теней Персефонеи,

Печальный взор вперяет в ночь Пелид...
Но он еще тоскливей и грустнее,
Наш горький дух... И память нас томит.

6

Наш горький дух... (И память нас томит...)
Наш горький дух пророс из тьмы, как травы,
В нем навий яд, могильные отравы.
В нем время спит, как в недрах пирамид.

Но ни порфир, ни мрамор, ни гранит
Не создадут незыблемой оправы
Для роковой, пролитой в вечность лавы,
Что в нас свой ток невидимо струит.

Гробницы Солнц! Миров погибших Урна!
И труп Луны и мертвый лик Сатурна —
Запомнит мозг и сердце затаит:

В крушеньях звезд рождалась жизнь и крепла,
Но дух устал от свеянного пепла, —
В нас тлеет боль внежизненных обид!

7

В нас тлеет боль внежизненных обид,
Томит печаль, и глухо точит пламя,
И всех скорбей развернутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит.

Но пусть огонь и жалит и язвит
Певучий дух, задушенный телами, —
Лаокоон, опутанный узлами

Горючих змей, напрягся... и молчит.

И никогда — ни счастье этой боли,
Ни гордость уз, ни радости неволи,
Ни наш экстаз безвыходной тюрьмы

Не отдадим за все забвенья Леты!
Грааль скорбей несем по миру мы —
Изгнанники, скитальцы и поэты!

8

Изгнанники, скитальцы и поэты —
Кто жаждал быть, но стать ничем не смог...
У птиц — гнездо, у зверя — темный лог,
А посох — нам и нищенства заветы.

Долг не свершен, не сдержаны обеты,
Не пройден путь, и жребий нас обрек
Мечтам всех троп, сомненьям всех дорог...
Расплескан мед, и песни недопеты.

О, в срывах воль найти, познать себя
И, горький стыд смиренно возлюбя,
Припасть к земле, искать в пустыне воду,

К чужим шатрам идти просить свой хлеб,
Подобным стать бродячему рапсоду —
Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.

9

Тому, кто зряч, но светом дня ослеп, —
Смысл голосов, звук слов, событий звенья,
И запах тел, и шорохи растенья —
Весь тайный строй сплетений, швов и скреп

Раскрыт во тьме. Податель света — Феб
Дает слепцам глубинные прозренья.
Скрыт в яслях бог. Пещера заточенья
Превращена в Рождественский Вертеп.

Праматерь ночь, лелея в темном чреве
Скупым Отцом ей возвращенный плод,
Свои дары избраннику несет —

Тому, кто в тьму был Солнцем ввергнут в гнев,
Кто стал слепым игралищем судеб,
Тому, кто жив и брошен в темный склеп.

10

Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Видны края расписанной гробницы:

И Солнца челн, богов подземных лица,
И строй земли: в полях маис и хлеб,

Быки идут, жнет серп, бьет колос цеп,
В реке плоты, спит зверь, вьют гнезда птицы, —
Так видит он из складок плащаницы
И смену дней, и ход людских судеб.

Без радости, без слез, без сожаленья
Следить людей напрасные волненья,
Без темных дум, без мысли «почему?»,

Вне бытия, вне воли, вне желанья,
Вкусив покой, неведомый тому,
Кому земля — священный край изгнанья.

11

Кому земля — священный край изгнанья,
Того простор полей не веселит,
Но каждый шаг, но каждый миг таит
Иных миров в себе напомниманья.

В душе встают неясные мерцанья,
Как будто он на камнях древних плит
Хотел прочесть священный алфавит
И позабыл понятий начертанья.

И бродит он в пыли земных дорог —
Отступник жрец, себя забывший бог,
Следя в вещах знакомые узоры.

Он тот, кому погибель не дана,
Кто, встретив смерть, в смущенье клонит взоры,
Кто видит сны и помнит имена.

12

Кто видит сны и помнит имена,
Кто слышит трав прерывистые речи,
Кому ясны идущих дней предтечи,
Кому поет влюбленная волна;

Тот, чья душа землей убелена,
Кто бремя дум, как плащ, принял на плечи,
Кто возжигал мистические свечи,
Кого влекла Изиды пелена.

Кто не пошел искать земной улады
Ни в плясках жриц, ни в оргиях менад,
Кто в чашу нег не выжал виноград,

Кто, как Орфей, нарушив все преграды,

Все ж не извел родную тень со дна, —
Тому в любви не радость встреч дана.

13

Тому в любви не радость встреч дана,
Кто в страсти ждал не сладкого забвенья,
Кто в ласках тел не ведал утоленья,
Кто не испил смертельного вина.

Страшится он принять на рамена
Ярмо надежд и тяжкий груз свершенья,
Не хочет уз и рвет живые звенья,
Которыми связует нас Луна.

Своей тоски — навеки одинокой,
Как зыбь морей пустынной и широкой, —
Он не отдаст. Кто оцет жаждал — тот

И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.

14

А темные восторги расставанья,
А пепел грез и боль свиданий — нам.
Нам не ступать по синим лунным льнам,
Нам не хранить стыдливого молчанья.

Мы шепчем всем ненужные признанья,
От милых рук бежим к обманным снам,
Не видим лиц и верим именам,
Томясь в путях напрасного скитанья.

Со всех сторон из мглы глядят на нас
Зрачки чужих, всегда враждебных глаз.
Ни светом звезд, ни солнцем не согреты,

Стремим свой путь в пространствах вечной тьмы,
В себе несем свое изгнанье мы —
В мирах любви неверные кометы!

15

*В мирах любви, — неверные кометы, —
Закрыт нам путь проверенных орбит!
Явь наших снов земля не истребит, —
Полночных Солнц к себе нас манят светлы.*

*Ах, не крещен в глубоких водах Леты
Наш горький дух, и память нас томит.
В нас тлеет боль внежизненных обид —
Изгнанники, скитальцы и поэты!*

*Тому, кто зряч, но светом дня ослеп.
Тому, кто жив и брошен в темный склеп,
Кому земля — священный край изгнанья,*

*Кто видит сны и помнит имена, —
Тому в любви не радость встреч дана,
А темные восторги расставанья!*

1909

И. А. Бунин (1870–1953) **79. Песнь о Гайавате (Отрывок)**

Если спросите, откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья,
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги».

Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага, —
Я скажу вам, я отвечу:
«В гнездах певчих птиц, по рощам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных:
Читовейк, зук, там пел их,
Манг, нырок, гусь дикий, Вава,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза».

Максим Горький (1868–1936)

80. Песня о Буревестнике

Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, черной молнии подобный.

То крылом волны касаясь, то стрелой взмывая к тучам, он кричит, и — тучи слышат радость в смелом крике птицы.

В этом крике — жажда бури! Силу гнева, пламя страсти и уверенность в победе слышат тучи в этом крике.

Чайки стонут перед бурей, — стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей.

И гагары тоже стонут, — им, гагарам, недоступно наслаждение битвой жизни: гром ударов их пугает.

Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах... Только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!

Все мрачней и ниже тучи опускаются над морем, и поют, и рвутся волны к высоте навстречу грому.

Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объёмом крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады.

Буревестник с криком реет, черной молнии подобный, как стрела пронзает тучи, пену волн крылом срывает.

Вот он носится, как демон, — гордый, черный демон бури, — и смеется, и рыдает... Он над тучами смеется, он от радости рыдает!

В гневе грома — чуткий демон — он давно усталость слышит, он уверен, что не скроют тучи солнца, — нет, не скроют!

Ветер воет... Гром грохочет...

Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи вьются в море, исчезая, отраженья этих молний.

— Буря! Скоро грянет буря!

Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревушим гневно морем; то кричит пророк победы:

— Пусть сильнее грянет буря!

1901

Саша Черный (1880–1932)

81. Гармония

Подражание древним

Роза прекрасна по форме и запах имеет приятный.

Болиголов некрасив и при этом ужасно воняет.

Байрон, и Шиллер, и Скотт совершенны и духом

и телом.

Но безобразен Буренин, и дух от него нехороший.

Тихо приветствую мудрость любезной природы —

Ловкой рукою она ярлыки налепляет:

Даже слепой различит, что серна, свинья и гиена
Так и должны быть — серной, свиньей и гиеной.

Видели, дети мои, приложения к русским газетам?
Видели избранных, лучших, достойных и правых
из правых?

В лица их молча взгляните, бумагу в руках разминая,
Тихо приветствуя мудрость любезной природы.

1907

82. Переутомление

Посвящается исписавшимся «популярностям»

Я похож на родильницу,
Я готов скрежетать...
Проклинаю чернильницу
И чернильницы мать!

Патлы дыбом взлохмачены,
Отупел, как овца, —
Ах, все рифмы истрачены
До конца, до конца!..

Мне, правда, нечего сказать сегодня, как всегда,
Но этим не был я смущен, поверьте, никогда —
Рожал словечки и слова, и рифмы к ним рожал,
И в жизнерадостных стихах, как жеребенок, ржал.

Паралич спинного мозга?
Врешь, не сдамся! Пень — мигрень,
Бебель — стебель, мозга — розга,
Юбка — губка, тень — тюлень.

Рифму, рифму! Иссякаю —
К рифме тему сам найду...
Ногти в бешенстве кусаю
И в бессильном трансe жду.

Иссяк. Что будет с моей популярностью?
Иссяк. Что будет с моим кошельком?
Назовет меня Пильский дешевой бездарностью,
А Вакс Калошин — разбитым горшком...

Нет, не сдамся... Папа — мама,
Дратва — жатва, кровь — любовь,
Драма — рама — панорама,
Бровь — свекровь — морковь... носки!

<1908>

83. Желтый дом

Семья — ералаш, а знакомые — нытики,
Смешной карнавал мелюзги,
От службы, от дружбы, от прелой политики
Безмерно устали мозги.
Возьмешь ли книжку — муть и мразь:
Один кота хоронит,
Другой слюнит, разводит грязь
И сладострастно стонет...

Петр Великий, Петр Великий!
Ты один виновней всех:
Для чего на Север дикий
Понесло тебя на грех?
Восемь месяцев зима, вместо фиников — морошка.
Холод, слизь, дожди и тьма — так и тянет

из окошка

Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
Негодую, негодую... Что же дальше, боже мой?!

Каждый день по ложке керосина
Пьем отраву тусклых мелочей...
Под разврат бессмысленных речей
Человек тупеет, как скотина...

Есть парламент, нет? Бог весть,
Я не знаю. Черти знают.
Вот тоска — я знаю — есть,
И бессилье гнева есть...
Люди ноют, разлагаются, дичают,
А постылых дней не счесть.

Где́ наше — близкое, милое, кровное?
Где на́ше — свое, бесконечно любовное?
Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
Мой близкий! Вас не тянет из окошка
Об мостовую брякнуть шалой головой?
Ведь тянет, правда?

<1908>

84. Критику

Когда поэт, описывая даму,
Начнет: «Я шла по улице. В бока впился
корсет», —

Здесь «я» не понимай, конечно, прямо —
Что, мол, под дамою скрывается поэт.
Я истину тебе по-дружески открою:
Поэт — мужчина. Даже с бородой.

<1909>

85. Обстановочка

Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом,
Жена на локоны взяла последний рубль,
Супруг, убитый лавочкой и флюсом,
Подсчитывает месячную убыль.
Кряхтят на счетах жалкие копейки:
Покупка зонтика и дров пробила брешь,
А розовый капот из бумазейки
Бросает в пот склонившуюся плешь.
Над самой головой насвистывает чижик
(Хоть птичка божия не кушала с утра),
На блюде киснет одинокий рыжик,
Но водка выпита до капельки вчера.
Дочурка под кроватью ставит кошке клизму,
В наплыве счастья полуоткрывши рот,
И кошка, мрачному предавшись пессимизму,
Трагичным голосом взволнованно орет.
Безбровая сестра в облезлой кацавейке
Насилует простуженный рояль,
А за стеной жиличка-белошвейка
Поет романс: «Пойми мою печаль».
Как не понять? В столовой тараканы,
Оставя черствый хлеб, задумались слегка,
В буфете дребезжат сочувственно стаканы,
И сырость капает слезами с потолка.

<1909>

86. На вербе

Бородатые чуйки с голодными глазами
Хрипло предлагают «животрепещущих докторов»
Гимназисты поводят бумажными усами,
Горничные стреляют в суконных юнкеров.

Шаткие лари, сколоченные наскоро,
Холерного вида пряники и халва,
Грязь под ногами хлюпает так ласково,
И на плечах болтается чужая голова.

Червонные рыбки из стеклянной обители
Грустно-испуганно смотрят на толпу.
«Вот замечательные американские жители —
Глотают камни и гвозди, как крупу!»

Писаря выражаются вдохновенно-изысканно,
Знакомятся с модистками и переходят на ты,
Сгущенный воздух переполнился писками,
Кричат бирюзовые бумажные цветы.

Деревья вздрагивают черными ветками,
Капли и бумажки падают в грязь.
Чужие люди толкнутся между клетками
И месят ногами пеструю мазь.

<1909>

87. Пасхальный перезвон

Пан-пьян! Красные яички.
Пьян-пан! Красные носы.
Били-бьют! Радостные личики.
Бьют-били! Груды колбасы.

Дал-дам! Праздничные взятки.
Дам-дал! И этим и тем.
Пили-ели! Визиты в перчатках.
Ели-пили! Водка и крем.

Пан-пьян! Наливки и студни.
Пьян-пан! Боль в животе.
Били-бьют! И снова будни.
Бьют-били! Конец мечте.

<1909>

88. Под сурдинку

Хочу отдохнуть от сатиры...
У лиры моей
Есть тихо дрожащие, легкие звуки.
Усталые руки
На умные струны кладу,
Пою и в такт головою киваю...

Хочу быть незлобным ягненком,
Ребенком,
Которого взрослые люди дразнили и злили.
А жизнь за чьи-то чужие грехи
Лишила третьего блюда.

Васильевский остров прекрасен,
Как жаба в манжетах.
Отсюда, с балконца,
Омытый потоками солнца,
Он весел, и грязен, и ясен,
Как старый маркёр.

Над ним углубленная просинь
Зовет, и поет, и дрожит...
Задумчиво осень
Последние листья желтит,

Срывает,
Бросает под ноги людей на панель...
А в сердце не молкнет свирель:
Весна опять возвратится!

О зимняя спячка медведя,
Сосущего пальчики лап!
Твой девственный храп
Желанней лобзаний прекраснейшей леди.
Как молью изъеден я сплином...
Посыпьте меня нафталином,
Сложите в сундук и поставьте меня на чердак
Пока не наступит весна.

<1909>

89. Ошибка

Это было в провинции, в страшной глуши.
Я имел для души
Дантистку
С телом белее известки и мела,
А для тела —
Модистку
С удивительно нежной душой.

Десять лет пролетело.
Теперь я большой...
Так мне горько и стыдно
И жестоко обидно:
Ах, зачем прозевал я в дантистке
Прекрасное тело,
А в модистке
Удивительно нежную душу!
Так всегда:
Десять лет надо скучно прожить.
Чтоб понять иногда,
Что водой можно жажду свою утолить,
А прекрасные розы — для носа.

О, я продал бы книги свои и жилет
(Весною они не нужны)
И под свежим дыханьем весны
Купил бы билет
И поехал в провинцию, в страшную глушь...
Но, увы!
Ехидный рассудок уверенно каркает: «Чушь!»
Не спеши —
У дантистки твоей,
У модистки твоей

Нет ни тела уже, ни души».

<1910>

90. Стилисты

На последние полушки
Покупая безделушки,
Чтоб свалить их в Петербурге
В ящик старого стола, —

У поддельных ваз этрусских
Я нашел двух бравых русских,
Зычно спорящих друг с другом,
Тыча в бронзу пятерней:

«Эти вазы, милый Филя,
Ионического стиля!»
— «Брось, Петруша! Стиль дорийский
Слишком явно в них сквозит...»

Я взглянул: лицо у Фили
Было пробкового стиля,
А из галстука Петруши
Бил в глаза армейский стиль.

<1910>

91. Утром

Бодрый туман, мутный туман
Так густо замазал окно —
А я умываюсь!
Бесится кран, фыркает кран...
Прижимаю к щекам полотенно
И улыбаюсь.
Здравствуй, мой день, серенький день!
Много ль осталось вас, мерзких?
Все проживу!
Скуку и лень, гнев мой и лень
Бросил за форточку дерзко.
Вечером вновь позову...

<1910>

92. Во имя чего?

Во имя чего уверяют,
Что надо кричать: «Рад стараться!»?
Во имя чего заливают
Помоями правду и свет?

Ведь малые дети и галки
Друг другу давно рассказали,

Что в скинии старой — лишь палки
Да тухлый, обсосанный рак...

Без белых штанов с позументом
Угасло бы солнце на небе?
Мир стал бы без них импотентом?
И груши б в садах не росли?..

Быть может, не очень прилично
Средь сладкой мелодии храпа
С вопросом пристать нетактичным:
Во имя, во имя чего?

Но я ведь не действую скопом:
Мне вдруг захотелось проверить,
Считать ли себя мне холопом
Иль сыном великой страны...

Во имя чего так ласкают
Союзно-ничтожную пададь?
Во имя чего не желают,
Чтоб все научились читать?

Во имя чего казнокрады
Гурьбою бегут в патриоты?
Во имя чего как шарады
Приходится правду писать?

Во имя чего ежечасно
Думбадзе плюют на законы?
Во имя чего мы несчастны,
Бессильны, бедны и темны?..

Чины из газеты «Россия»,
Прошу вас, молю вас — скажите
(Надеюсь, что вы не глухие),
Во имя, во имя чего?!

<1911>

93. Зирэ

Чья походка, как шелест дремотной травы на заре?
Зирэ.
Кто скрывает смущенье и смех в пестротканной чадре?
Зирэ.
Кто сверкает глазами, как хитрая змейка в норе?
Зирэ.
Кто тихонько поет, проносясь вдоль перил во дворе?
Зирэ.
Кто нежнее вечернего шума в вишневом шатре?

Зирэ.
Кто свежее снегов на далекой лиловой горе?
Зирэ.
Кто стройнее фелуки в дрожащем ночном серебре?
Зирэ.
Чье я имя вчера вырезал на гранатной коре?
Зирэ.
И к кому, уезжая, смутясь, обернусь на заре?
К Зирэ!

1911

94

Любовь должна быть счастливой —
Это право любви.
Любовь должна быть красивой —
Это мудрость любви.
Где ты видел такую любовь?
У господ писарей генерального штаба?
На эстраде, где бритый тенор,
Прижимая к манишке перчатку,
Взбивает сладкие сливки
Из любви, соловья и луны?
В лирических строчках поэтов,
Где любовь рифмуется с кровью
И почти всегда голодна?..

К ногам Прекрасной Любви
Кладу этот жалкий венок из полыни,
Которая сорвана мной в ее опустелых садах...

<1913>

М. А. Кузмин (1875–1936) 95

(Из «Александрийских песен»)

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре любили, но все имели разные «потому что»:
одна любила, потому что так отец с матерью ей велели,
другая любила, потому что богат был ее любовник,
третья любила, потому что он был знаменитый художник,
а я любила, потому что поллюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре желали, но у всех были разные желанья:
одна желала воспитывать детей и варить кашу,
другая желала надевать каждый день новые платья,
третья желала, чтоб все о ней говорили,
а я желала любить и быть любимой.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
все мы четыре разлюбили, но все имели разные причины:
одна разлюбила, потому что муж ее умер,
другая разлюбила, потому что друг ее разорился,
третья разлюбила, потому что художник ее бросил,
а я разлюбила, потому что разлюбила.

Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было,
а может быть, нас было не четыре, а пять?

1905–1908

96. Газела (Из цикла «Венок весен»)

Цветут в саду фисташки, пой, соловей!
Зеленые овражки, пой, соловей!
По склонам гор весенних маков ковер;
Бредут толпой барашки. Пой, соловей!
В лугах цветы пестреют, в светлых лугах!
И кашки, и ромашки. Пой, соловей!
Весна весенний праздник всем нам дарит,
От шаха до букашки. Пой, соловей!
Смотря на глаз лукавый, карий твой глаз,
Проигрываю в шашки. Пой, соловей!
Мы сядем на террасе, сядем вдвоем...
Дымится кофей в чашке... Пой, соловей!
Но ждем мы ночи темной, песни мы ждем
Любимой милой пташки. Пой, соловей!
Прижмись ко мне теснее, крепче прижмись,
Как вышивка к рубашке. Пой, соловей!

1908

97. <Рондо>

В начале лета, юностью одета,
Земля не ждет весеннего привета,
Не бережет погожих, теплых дней,
Но, расточительная, все пышней
Она цветет, лобзанием согрета.

И ей не страшно, что далёко где-то
Конец таится радостных лучей,
И что недаром плакал соловей
В начале лета.

Не так осенней нежности примета:
Как набожный скупец, улыбки света
Она собирает жадно, перед ней
Не долог путь до комнатных огней,
И не найти вернейшего обета
В начале лета.

1910

98. Второй удар *(Отрывок)*

Кони бьются, храпят в испуге,
Синей лентой обвиты дуги,
Волки, снег, бубенцы, пальба!
Что до страшной, как ночь, расплаты?
Разве дрогнут твои Карпаты?
В старом роге застынет мед?

Полость треплется, диво-птица;
Визг полозьев — «гайда, Марица!»
Стоп... бежит с фонарем гайдук...
Вот какое твое домовье:
Свет мадонны у изголовья
И подкова хранит порог.

Галереи, сугроб на крыше,
За шпалерой скребутся мыши,
Чепраки, кружева, ковры!
Тяжело от парадных спален!
А в камин целый лес навален,
Словно ладан шипит смола...

1925–1928

А. А. Ахматова (1889–1966)

99

Хочешь знать, как всё это было?
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это всё... Ах нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!»
— «Да».

1910

100

Я живу, как кукушка в часах,
Не завидую птицам в лесах.
Заведут — и кукую.
Знаешь, долю такую
Лишь врагу
Пожелать я могу.

1911

100 а

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен гулко и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

1911

101. Отрывок

...И кто-то, во мраке деревьев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый.
Что сделал любимый твой!

Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы любви.

Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»

Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»

1912

102

Настоящую нежность не спутаешь
Ни с чем, и она тиха.
Ты напрасно бережно кутаешь
Мне плечи и грудь в меха.

И напрасно слова покорные
Говоришь о первой любви.
Как я знаю эти упорные,
Несытые взгляды твои!

1913

103. 8 ноября 1913

Солнце комнату наполнило
Пылью желтой и сквозной.

Я проснулась и припомнила:
Милый, нынче праздник твой.
Оттого и оснеженная
Даль за окнами тепла,
Оттого и я, бессонная,
Как причастница спала.

1913

104

Я с тобой не стану пить вино,
Оттого что ты мальчишка озорной.

Знаю я — у вас заведено
С кем попало целоваться под луной.

А у нас — тишь да гладь.
Божья благодать.

А у нас светлых глаз
Нет приказу подымать.

1913

105

Александру Блоку
Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,
Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенье
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

1913

106. Двустиише

От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.

107. Поэма без героя (Отрывок)

Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим.
Сорок первый встречаю год.

Но...
Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как отравы, жжет».

Это всплески жесткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы все еще не бьют...
Нету меры моей тревоге,
Я сама, как тень на пороге,
Стерегу последний уют.

И я слышу звонок протяжный,
И я чувствую холод влажный,
Каменею, стыну, горю...
И, как будто припомнив что-то,
Повернувшись вполборота,
Тихим голосом говорю:
«Вы ошиблись: Венеция дождей —
Это рядом... Но маски в прихожей
И плащи, и жезлы, и венцы
Вам сегодня придется оставить.
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы!»

Этот Фаустом, тот Дон Жуаном,
Дапертутто, Иоканааном,
Самый скромный — северным Гланом
Иль убийцею Дорианом,
И все шепчут своим дианам
Твердо выученный урок.

А для них расступились стены,
Вспыхнул свет, завыли сирены
И как купол вспух потолок.

Я не то что боюсь огласки...
Что мне Гамлетовы подвязки,
Что мне вихрь Саломеиной пляски,
Что мне поступь Железной Маски,
Я еще пожелезней тех...

И чья очередь испугаться,
Отшатнуться, отпрянуть, сдаться
И замаливать давний грех?
Ясно всё:

Не ко мне, так к кому же?^[20]
Не для них здесь готовился ужин,
И не им со мной по пути.
Хвост запрятал под фалды фрака...
Как он хром и изящен!..

Однако

Я надеюсь, Владыку Мрака
Вы не смели сюда ввести?
Маска это, череп, лицо ли —
Выражение злобной боли,
Что лишь Гойя смел передать.
Общий баловень и насмешник —
Перед ним самый смрадный грешник —
Воплощенная благодать...

1940–1962

О. Э. Мандельштам (1891–1938) 108. Царское Село

Поедем в Царское Село!
Там улыбаются мещанки,
Когда гусары после пьянки
Садятся в крепкое седло...
Поедем в Царское Село!

Казармы, парки и дворцы,
А на деревьях — клочья ваты,
И грянут «здравия» раскаты
На крик «здорово, молодцы!»
Казармы, парки и дворцы...

Одноэтажные дома,
Где однодумы-генералы
Свой коротают век усталый,
Читая «Ниву» и Дюма...
Особняки — а не дома!

Свист паровоза... Едет князь.
В стеклянном павильоне свита!..
И, саблю волоча сердито,
Выходит офицер, кичась, —
Не сомневаюсь — это князь...

И возвращается домой —
Конечно, в царство этикета,
Внушая тайный страх, карета
С мощами фрейлины седой,
Что возвращается домой...

1912

«Как этих покрывал и этого убора
Мне пышность тяжела средь моего позора!»

— Будет в каменной Трезене
Знаменитая беда,
Царской лестницы ступени
Покраснеют от стыда

.....
.....

И для матери влюбленной
Солнце черное взойдет.

«О, если б ненависть в груди моей кипела, —
Но, видите, само признание с уст слетело».

— Черным пламенем Федра горит
Среди белого дня.
Погребальный факел чадит
Среди белого дня.
Бойся матери ты, Ипполит:
Федра-ночь тебя сторожит
Среди белого дня.

«Любовью черною я солнце запятнала...
.....»

— Мы боимся, мы не смеем
Горю царскому помочь.
Уязвленная Тезеем,
На него напала ночь.
Мы же, песнью похоронной
Провожая мертвых в дом,
Страсти дикой и бессонной
Солнце черное уйдем.

1915, 1916

Когда в теплой ночи замирает
Лихорадочный форум Москвы
И театров широкие зевы
Возвращают толпу площадям, —

Протекает по улицам пышным
Оживленья ночных похорон, —
Льются мрачно-веселые толпы
Из каких-то божественных недр.

Это солнце ночное хоронит

Возбужденная играми чернь,
Возвращаясь с полночного пира
Под глухие удары копыт.

И как новый встает Геркуланум
Спящий город в сияньи луны,
И убогого рынка лачуги,
И могучий дорический ствол.

1918

111

Сестры — тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы.
Медуницы и осы тяжелую розу сосут.
Человек умирает. Песок остывает согретый,
И вчерашнее солнце на черных носилках несут.

Ах, тяжелые соты и нежные сети!
Легче камень поднять, чем имя твое повторить.
У меня остается одна забота на свете:
Золотая забота, как времени бремя избыть.

Словно темную воду, я пью помутившийся воздух.
Время вспахано плугом, и роза землю была.
В медленном водовороте тяжелые, нежные розы.
Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела.

1920

112

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда,
Как нам велели пчелы Персефоны.

Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не превозмочь в дремучей жизни страха.

Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята.

Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

1920

Я не знаю, с каких пор
 Эта песенка началась, —
 Не по ней ли шуршит вор,
 Комариный звенит князь?

Я хотел бы ни о чем
 Еще раз поговорить,
 Прошуршать спичкой, плечом
 Растволкать ночь — разбудить.

Раскидать бы за стогом стог —
 Шапку воздуха, что томит;
 Распороть, разорвать мешок,
 В котором тмин зашит.

Чтобы розовой крови связь,
 Этих сухоньких трав звон,
 Уворованная нашлась
 Через век, сеновал, сон.

1922

Я по лесенке приставной
 Лез на включенный сеновал, —
 Я дышал звезд млечных трухой,
 Колтуном пространства дышал

И подумал: зачем будить
 Удлиненных звучаний рой,
 В этой вечной склоке ловить
 Эолийский чудесный строй?

Звезд в ковше Медведицы семь.
 Добрых чувств на земле пять.
 Набухает, звенит темь,
 И растет, и звенит опять.

Распряженный, огромный воз
 Поперек вселенной торчит.
 Сеновала древний хаос
 Защекочет, запорошит...

Не своей чешуей шуршим,
 Против шерсти мира поем,
 Лиру строим, словно спешим
 Обрасти косматым руном.

Из гнезда упавших щеглов
 Косари приносят назад, —

Из горящих вырвусь рядов
И вернусь в родной звукоряд.

Чтобы розовой крови связь
И травы сухорукий звон
Распростились: одна — скрепясь,
А другая — в заумный сон.

1922

115

Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хриплая охра.

И почему-то мне начало утро армянское сниться,
Думал — возьму посмотрю, как живет в Эривани синица,

Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки,
Из очага вынимает лавашные влажные шкурки...

Ах, Эривань, Эривань, иль птица тебя рисовала,
Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?

Ах, Эривань, Эривань, не город — орешек каленый,
Улиц твоих большеротых кривые люблю вавилоны.

Я бестолковую жизнь, как мулла свой коран, замусолил,
Время свое заморозил и крови горячей не пролил.

Ах, Эривань, Эривань, ничего мне больше не надо,
Я не хочу твоего замороженного винограда!

1930

116

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом...

Да, видно, нельзя никак.

1930

117

О красавица Сайма, ты лодку мою колыхала,
Колыхала мой челн, челн подвижный, игривый и острый.
В водном плеске душа колыбельную негу слыхала,
И поодаль стояли пустынные скалы, как сестры.

Отовсюду звучала старинная песнь — Калевала:
Песнь железа и камня о скорбном порыве титана.
И песчаная отмель — добыча вечернего вала,
Как невеста, белела на пурпуре водного стана.
Как от пьяного солнца бесшумные падали стрелы
И на дно опускались и тихое дно зажигали,
Как с небесного древа клонилось, как плод перезрелый,
Слишком яркое солнце, и первые звезды мигали;
Я причалил и вышел на берег седой и кудрявый;
Я не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...
Неоглядная Сайма струилась потоками лавы.
Белый пар над водою тихонько вставал и клубился.

1908

Игорь Северянин (1887–1941) 118. Серенада

Хоровод рифм

Как сладко дышится
В вечернем воздухе,
Когда колыхнутся
В нем нежных роз духи!
Как высь оранжева!
Как даль лазорева!
Забудьте горе Вы,
Придите раньше Вы!
Над чистым озером
В кустах акации
Я стану грёз пером
Писать варьяции
И петь элегии,
Романсы пылкие.
Без Вас — как в ссылке я,
При Вас же — в неге я.
Чего ж Вы медлите
В румянце золота?
Иль страсть исполота,
Слова — не бред ли те?
Луны луч палевый.
Пробрался. Перепел
В листве, эмалевой
Росу всю перепил.
С тоской сердечною
Отдамся музе я,
Со мной иллюзии,
Вы, мифы вечные.
Как нервно молнии
Сверкают змеями.

Пойду аллеями,
Поеду в чёлне я
По волнам озера
Топить бессилие...
Как жизнь без роз сера!
О если б крылия!
Орлом по сини я
Поплыл чудесною
Мечтой, уныние
Проклявши тесное,
Но лживы роз духи, —
Мои иллюзии.
Души контузии —
Больней на воздухе.
Высь стала сумрачна,
Даль фиолетова,
И вот от этого
Душа от дум мрачна.
Все тише в пульсе я
Считаю маятник,
В груди конвульсии,
И счастью — памятник!

1907

119. Кензель

В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом,
По аллее олуненной Вы проходите морево...
Ваше платье изысканно, Ваша тальма лазорева,
А дорожка песочная от листвы разузорена —
Точно лапы паучные, точно мех ягуаровый.

Для ут́онченной женщины ночь всегда новобрачная...
Упоенье любовное Вам судьбой предназначено...
В шумном платье муаровом, в шумном платье муаровом —
Вы такая эстетная, Вы такая изящная...
Но кого же в любовники! и найдется ли пара Вам?

Ножки пледом закутайте дорогим, ягуаровым,
И, садясь комфортабельно в ландолете бензиновом.
Жизнь доверьте Вы мальчику в макинтоше резиновом
И закройте глаза ему Вашим платьем жасминовым —
Шумным платьем муаровым, шумным платьем муаровым!..

1911

120. В грехе — забвенье

Вся радость — в прошлом, в таком далеком и безвозвратном,
А в настоящем — благополучье и безнадёжность.

Устало сердце и смутно жаждет, в огне закатном,
Любви и страсти; — его пленяет неосторожность...

Устало сердце от узких рамок благополучья,
Оно в уныньи, оно в оковах, оно в томленьи...
Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом безлучьи,
Оно трепещет такую скорбью, все в гипсе лени...

А жизнь чарует и соблазняет и переменной
Всего уклада семейных будней влечет куда-то!
В смущеньи сердце: оно боится своей изменой
Благополучье свое нарушить в часы заката.

Ему подвластны и верность другу, и материнство,
Оно боится оставить близких, как жалких сирот...
Но одиноко его биенье, и нет единства...
А жизнь проходит, и склеп холодный, быть может, вырыт...

О, сердце! сердце! твое спасенье — в твоём безумьи!
Гореть и биться пока ты можешь, — гори и бейся!
Грехи отважней! — пусть добродетель — уделом мумий:
В грехе забвенья! а там — хоть пуля, а там — хоть рельсы!

Ведь ты любимо, больное сердце! ведь ты любимо!
Люби ответно! люби приветно! люби бездумно!
И будь спокойно: живя, ты — право! сомненья, мимо!
Ликуй же, сердце: еще ты юно! И бейся шумно!

1911

121. Элементарная соната

О, милая, как я печалюсь! о, милая, как я тоскую!
Мне хочется тебя увидеть — печальную и голубую...

Мне хочется тебя услышать, печальная и голубая,
Мне хочется тебя коснуться, любимая и дорогая!

Я чувствую, как угасаю, и близится мое молчанье;
Я чувствую, что скоро — скоро окончится мое страданье...

Но, господи! с какою скорбью забуду я свое мученье!
Но, господи! с какою болью познаю я свое забвенья!

Мне кажется, гораздо лучше надеяться, хоть безнадежно,
Чем мертвому, в немом безгрезье, покоиться бесстрастно-
нежно...

О, призраки надежды — странной — и сладостной, и страстно-
больной.

О, светлые, не покидайте мечтателя с душою знойной!

Не надо же тебя мне видеть, любимая и дорогая...

Не надо же тебя мне слышать, печальная и голубая...

Ах, встречу боюсь рассеять желанное свое страданье, —
Увидимся — оно исчезнет: чудесное — лишь в ожиданьи...

Но все-таки свиданье лучше, чем вечное к нему стремленье,
Но все-таки биенье мига прекраснее веков забвенья!..

1911

122. Nocturne

Я сидел на балконе, против заспанного парка,
И смотрел на ограду из подстриженных ветвей.
Мимо шел поселянин в рыжей шляпе из поярка,
Вдалеке заливался невидимка-соловей.

Ночь баюкала вечер, уложив его в деревья.
В парке девушки пели, — без лица и без фигур.
Точно маки сплетали новобрачной королеве,
Точно встретился с ними коробейник-балагур...

Может быть, это хоры позабывшихся монахинь?..
Может быть, это нимфы обездоленных прудов?..
Столько мук нестерпимых, целомудренных и ранних
И щемящего смеха опозоренных родов...

1911

123. И ты шел с женщиной

И ты шел с женщиной, — не отрекись. Я все заметила, — не говори.
Блондинка. Хрупкая. Ее костюм был черный. Английский. На
голове —

Сквозная фетэрка. В левкоях вся. И в померанцевых лучах зари
Вы шли печальные. Как я. Как я! Журчали ландыши в сырой траве.
Не испугалась я, — я поняла: она — мгновение, а вечность — я.
И улыбнулась я, под плач цветов, такая светлая. Избыток сил
В душе почувствовав, я скрылась в глубь. Весь вечер пела я.

Была — дитя.

Да, ты шел с женщиной. И только ей ты неумышленно взор ослезил.

1912

124. В кленах раскидистых

В этих раскидистых кленах мы наживемся все лето,
В этой сиреневой даче мы разузорим уют!
Как упоенно юниться! ждать от любви амулета!
Верить, что нам в услажденье птицы и листья поют!
В этих раскидистых кленах есть водопад вдохновенья,
Солнце взаимного чувства, звезды истомы ночной..
Слушай, моя дорогая, лирного сердца биенье,
Знай, что оно пожелало не разлучаться с тобой!

Ты говоришь: «Я устала»... Ты умоляешь: «О, сжался! —
Ласки меня истомляют, я от блаженства больна»...
Разве же это возможно, если зеленые вальсы
В этих раскидистых кленах бурно бравурит Весна?!..

1912

125. — Мороженое из сирени!

— Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударыни, судари, надо ль? — недорого — можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?
Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!

Сирень — сладострастья эмблема. В лилово-изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей-богу, похвалишь, дружок!

1912

126. Увертюра

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском! весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропрóсвист экспрессов! крылолёт буэров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грёзофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! из Нью-Йорка — на Марс!

1915

127. Поэза о старых размерах

О вы, размеры старые,
Захватанные многими,
Банальные, дешевые,
Готовые клише!
Звучащие гитарою,
И с рифмами убогими —
Прекраснее, чем новые,

Простой моей душе.

Вы были при Державине,
Вы были при Некрасове,
Вы были при Никитине,
Вы были при Толстом!
О вы — подобны лавине!
И как вас ни выбрасывай,
Что новое ни вытяни —
Вы проситесь в мой том.

Приветствую вас, верные,
Испытанно-надежные,
Округло-музыкальные,
Любимые мои!
О вы — друзья примерные,
Вы милые, вы нежные,
Веселые, печальные,
Размеры-соловьи!

1921

В. В. Хлебников (1885–1922) **128**

Мы желаем звездам тыкать,
Мы устали звездам выкать.
Мы узнали сладость рыкать.
Будьте грозны как Острица,
Платов и Бакланов,
Полно вам кланяться
Роже басурманов.
Пусть кричат вожаки,
Плюньте им в зенки!
Будьте в вере крепки,
Как Морозенки!
О, уподобьтесь Святославу, —
Врагам сказал: иду на вы!
Померкнувшую славу
Творите, северные львы.
С толпою прадедов за нами
Ермак и Ослябя.
Вейся, вейся, русское знамя,
Веди через сушу и через хляби!
Туда, где дух отчизны вымер
И где неверия пустыня,
Идите грозно как Владимир,
Или с дружиною Добрыня.

<1908–1910>

129. Заклятие смехом

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеются смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь усмеяльно!
О рассмешищ надсмеяльных — смех усмейных смехачей!
О, иссмейся рассмеяльно смех надсмейных смеячей!
Смейво, смейво,
Усмей, осмей, смешики, смешики,
Смеюнчики, смеюнчики.
О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!

<1908-1910>

130

Бобэ́оби пелись губы
Вээоми пелись взоры
Пиээо пелись брови
Лиэээй — пелся облик
Гзи-гзи-гзэо пелась цепь,
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило Лицо.

<До 1912>

131

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер
Пинь, пинь, пинь! тарарахнул зинзивер.
О лебедиво.
О озари!

<1908-1909>

132

(Корни: чур... и чар...)

Мы чаруемся и чураемся.
Там чаруясь, здесь чураясь,
То чурахарь, то чарахарь,
Здесь чуриль, там чариль.
Из чурыни взор чарыни.
Есть чуравель, есть чаравель.
Чарари! Чурари!
Чурель! Чарель!
Чареса и чуреса.
И чурайся и чаруйся.

<До 1914>

133. Перевертень

(Кукси кум мук и скук)

Кони, топот, инок,
Но не речь, а черен он.
Идем молод, долом меди
Чин зван мечем навзничь.
Голод чем меч долог?
Пал а норов худ и дух ворона лап.
А что? я лов? Воля отча!
Яд, яд, дядя!
Иди, иди!
Мороз в узел, лезу взором.
Солов зов, воз волос.
Колесо. Жалко поклаж. Оселок.
Сани плот и воз, зов и толп и нас.
Горддох, ход дрог.
И лежу. Ужели?
Зол гол лог лоз.
И к вам и трем с смерти мавки.

<До 1913>

134

Когда умирают кони — дышат,
Когда умирают травы — сохнут,
Когда умирают солнца — они гаснут,
Когда умирают люди — поют песни.

<1913>

135. Ладомир *(Отрывок из поэмы)*

Холоп богатых, улю-лю,
Тебя дразнила нищета,
Ты полз, как нищий, к королю
И целовал его уста.
Высокой раною боля,
Снимая с зарева засов,
Хватай за ус созвездье Водолея,
Бей по плечу созвездье Псов!
И пусть пространство Лобачевского
Летит с знамен ночного Невского.

Это шествуют творяне,
Заменявши Д на Т,
Ладомира соборяне
С Трудомиром на шесте.
Это Разина мятеж,

Долетев до неба Невского,
Увлекает и чертеж
И пространство Лобачевского.
Пусть Лобачевского кривые
Украсят города
Дугою над рабочей выей
Всемирного труда.
И будет молния рыдать,
Что вечно носится слугой,
И будет некому продать
Мешок от золота тугой.
Смерть смерти будет ведать сроки,
Когда вернется он опять,
Земли повторные пророки
Из всех письмен изгонят ять.

В день смерти зим и раннею весной
Нам руку подали венгерцы.
Свой замок цен, рабочий, строй
Из камней ударов сердца.
И, чокаясь с созвездьем Девы,
Он вспомнит умные напевы
И голос древних силачей,
И выйдет к говору мечей.

<1920>

Примечания

К. Д. Бальмонт. [1](#) X8 ц, внутренняя рифма (AAA6), концевая (X6X6). [2](#) Амф. 3463, аБаБ. [3](#) Ан4, в четных стихах цн, АБАБ. Подхват: 2-й стих начинается вторым полустушием 1-го, то же в 3-м и 4-м стихах. Кольцо стихотворения. [4](#) Амф4, аа. Кольцо стихотворения. В обрамляющих стихах аллитерации на ш. [5](#) Я4 цн, АБАБ. [6](#) Я6, ааа. [7](#) ПеII 4 ц, цд, АБАБ. [8](#) ПеI 4 ц, цд, аабб. [9](#) X6 цн, аабб. [10](#) ПМФ от Тпа к Ткт 7–2, вольн. рифм. [11](#) Д 2232222, АА6ВВВ6. Модель 7-ст образована из популярного 6-ст аабввб добавлением одного стиха во втором полустушии. Та же модель строфы, что и в «Бородине» Лермонтова. [12](#) X4, АБАБ. Сквозь все стихотворение проходит аллитерация на л. [13](#) Учетверенный 5-сл, аа. [14](#) Ан 7677, одиночное 4-ст АБАБ. [15](#) ПеIII 4, аа. Почти все словоразделы совпадают с границами стоп, как в 5-сл. Необычны для ПеIII 4 стопность, тема, экспрессия. [16](#) Я8, три цн, аа.

Ф. К. Сологуб. [17](#) Я6, ц нарушена в трех стихах, АБАБ. — В период реакции 80-х годов царское правительство усилило ограничение доступа «простонародия» в гимназии, а в гимназических программах было увеличено количество часов на преподавание латыни и древнегреческого языка. [18](#) Я 4421, аББа. [19](#) Амф 2421, АБАБ. [20](#) X в 5–2, аабвгвг. [21](#) Ан в 7–1, абаб. [22](#) X4 (3-й стих X5); одиночное 7-ст на две рифмы А"А"БА"А"А"б. Та же модель строфы, что в IV, 11. [23](#) ПеIII 2121. АБАБ. Это не X 4242, а ПеIII необычного строения: асе «стопоразделы» совпадают со словоразделами. [24](#) Я 5252 (Я5 ц, кроме 11-го стиха), АБАБ. Перекличка с Баратынским (II, [68](#)). Симметричная напевная композиция; вторые стихи строф повторяют начала, до цезуры, первых стихов. [25](#) X8 ц 3-я и 8-я строфы — X10, ц на той же 4-й

стопе), аа, монорим. Своеобразная кольцевая композиция: повторяются первое и предпоследнее 2-ст. [26](#) Я4, аББааБаБ. Из цикла «Триолеты», содержащего 38 стихотворений.

В. Я. Брюсов. [27](#) Х4, АБАБ. Все четные стихи на одну рифму, последний стих каждой строфы становится вторым в следующей; кольцевая композиция стихотворения. [28](#) Ан8, ц ж на 2-й стопе, цн на 4-й, (аа); эпизодические внутренние рифмы. [29](#) Ан 3454, АБАБ. [30](#) Дк5 на основе Д (ранний: преобладание чистых Д, стяжения в 5 стихах из 12); нетожд. 4-ст. [31](#) Ан3. Эксперимент с неравносложной рифмой: 4-ст АБАБ. [32](#) Лог строфический: 4-ст ДЗ-Я2-ДЗ-Я2, А'БА'Б. [33](#) Х7 бц, (АБАБ). [34](#) ПеII 4, цд, (аа). Переключка с II, [95](#), сдвоенный ПеII 2. Четыре стиха со сдвинутым ударением. [35](#) Х4, А''А'''. [36](#) Х 12, 12, 8, ц на 4-й и 8-й стопах; предцезурные окончания рифмуются в 3-ст между собой: А|Б|в||А|Б|в||Б|в. [37](#) Д 4242, АБАБ, Популярная разносложная строфа. [38](#) Я4, цн, ААБААБ; ж рифмы во всех строфах тавтологические; частые повторы слов и словосочетаний.

И. Ф. Анненский. [39](#) Тпа в 3–2, б. [40](#) ПМК: Х 44223 (3-я и 4-я строфы-перебои), парные строфы: ААББВ + ГГДДВ; в середине 8-ст ХЗ, АААБВВВБ. [41](#) ДпаЗ, урегулированный: ХЯХЯХЯ, А'БВ'А'БВ'. [42](#) Ткт в 4–1, па, вольн. рифм, всего на 4 рифмы. [43](#) Я 4242 (Я4 цн), АБАБ. [44](#) Я4. Сонет из «Трилистика шуточного» с составными рифмами из частей слов. [45](#) Два 4-ст Х 5556, третья — перебой в концовке: Х6, Х5, АнЗ, ТктЗ, АБАБ. [46](#) Лог строфический: нечетные стихи ДкЗ на основе Ан, форма III, четные — Ан1, аБ'аБ'. [47](#) АнЗ, нетожд. строфы: абаб, вгвг, дедед (ср. III, [64](#)). [48](#) Ан 443344, ааББвв. Два стиха в начале строфы — рефрен.

А. А. Блок. [49](#) ДкЗ па, АБАБ. [50](#) Ткт4, 2-ст. нетожд. [51](#) Акц4, ранний (3-й и 4-й стихи трехударные), АБАБ. [52](#) ПМФ от Дк к Ткт, перекрестная рифмовка нетожд.: А'БА'Б (в 1-й строфе неравносложная рифма: А'БАБ), заключительная строфа АБАБ. [53](#) Я4, А'БА'Б. [54](#) Нетожд. строфы в диалоге (каждая реплика — строфа): 4-ст Х4, А''БА''б и Х 4242, АБАБ, все рифмы — диссонансы; нетожд. 2-ст б: АнЗ, ДкЗ, Дк4, окончания м, одно ж. [55](#) Дк4, па, 4-ст нетожд.; неточные рифмы. [56](#) Свободный стих. [57](#) Я рз, 4-ст нетожд.: нечетные — Я5 (1-й стих Я6), четные — Я3 и Я2, АБАБ. [58](#) Сложная ПС: 4-ст Ан 4433 (последний стих Дк), аабб; 8-ст Ан 43322111 (последний стих — Я1), аабвбгвг. Перебои на всех уровнях: метрическом, строфическом, в рифмовке; сильное выделение последнего стиха. [59](#) Сложная ПМК (зыбкий метр); нетожд. перекрестные 4-ст: обрамляющие А'БА'Б, в середине спаренные: А'БА'в + Г'БГ'в. [60](#) ДкЗ на основе Ан, АБАБ. [61](#) Я4 цн (10-й, 13-й, 14-й стихи Я4), АБАБ. Последняя строфа — метрический перебой. [62](#) Я4, АБАБ. [63](#) Дк в 4–2, па, б. [64](#) Х4, б, ХХХх. — Ответ на послание Ахматовой, написанное такой же строфой (IV, [105](#)). [65](#) Я4 аБаБвв; «державинский» ритм: 8 стихов из 12 полноударны, в том числе стих «На́ хлѣба, на́, на́ гру́дь, соси́» с 6 ударениями (ср. I, [26](#)); на этом фоне 3 последних стиха самой как правило частой IV формы звучат перебоем — выделением концовки.

По изд.: **Блок** А. Собр. соч. Т. 1–4. М.; Л., 1960–1961.

Андрей Белый. [66](#) Ан в 3–1, нетожд. 4-ст аБаБ; 2-я и 4-я строфы — рефрен. [67](#) Амф в 5–1 (один стих — Дк5), нетожд. строфы со сложной рифмовкой. [68](#) Ан2, АБАБ, симметричные 4-ст 2+2, напевный стих, очень популярный впоследствии (ср. V, [108](#)), как и его вариант А'БА'Б. [69](#) Ан в 5–1, нетожд. строфы. [70](#) Я4 аБаБ, в концовке строфический перебой: аББа. Необычный экспериментальный ритм: самая редкая VII форма «Над па́мятниками дрожа́т» встречается в 15 стихах из 20 (75%), дважды тоже асимметричная III и только один раз обычно самая частая IV. [71](#) Зеркальные строфы: Х 5252 и 2525; обе строфы АБАБ.

В. И. Иванов. [72](#) Х 55445, АБАБА. [73](#) Тпа урегулированный: Д5-Д2-Амф5-Д2-Амф5, абаба; четные короткие стихи — рефрен. [74](#) Ткт 442222, па, урегулированный, нетожд. строфы: в 1-м стихе внутренняя рифма АА, концевые: АБВАВБ; рифма А проходит через все строфы. [75](#) Я5, газель; рифма *тóнет* — *стóнет* и т. д., реди́ф (эпифора) — *роза*. [76](#) Я4, рондель.

По изд.: **Иванов** Вяч. Стихотворения и поэмы. БП, мс. Л., 1976.

М. А. Волошин. [77](#) Лог строчной: X4 + ДкЗ на основе Ан, формы V и III. [78](#) Я5 ц, венок сонетов, магистрал в конце.

По изд.: **Волошин** М. Стихотворения. БП, мс. Л., 1977.

И. А. Бунин. [79](#) X4, б, ж, астрофич. (перевод из Г. Лонгфелло). По традиции, восходящей к Радищеву (I, [41](#)), эпические фольклорные произведения или стилизации нередко писали и переводили этим размером.

Максим Горький. [80](#) X4, б, ж, астрофич. По воле автора стихотворение печаталось без разбивки на стихи.

Саша Черный. [81](#) Гкз расшатанный, пародийный. [82](#) ПМК: два 4-ст Ан2, А'БА'б; одно 4-ст Я7, ц на 4-й стопе, аабб; два 4-ст X4, АБАб; одно 4-ст Дк4, А'БА'б, одно 4-ст X4, перекрестное; сильный перебой в последнем стихе — нет заключительной рифмы. [83](#) ПМК. Нетожд. строфы, частично неразделенные: Амф 4343, А'БА'б; Я 4343, аБаБ; X4, АБАб; X8 ц, ААбб, внутренняя рифма; X5, А66А; X 444464, аБааБа; 6-ст полиметрическое: Д4, Амф4, Я5, Я5, Я6 бц, Я2. Перебой в концовке: укороченный стих. [84](#) Я в 7–5. АБАбВВ. [85](#) Я 65, чередующиеся неурегулированно, (АБАб). [86](#) Акц 4, первое 4-ст АБАб, остальные А'БА'б. Неточные рифмы. [87](#) Лог строчной: спондей + Ткт 2 па, 4-ст перекрестное, четные рифмы м, нечетные ж и неравносложные. [88](#) ПМФ от Амф в 5–1 к Дк в. Рифмованные стихи неурегулированно перемежаются с холостыми. [89](#) Тпа в 5–1, вольн. рифм., иногда — холостые стихи. [90](#) X4, ААХх. [91](#) Тпа 432432. 1-е стихи с цус на 2 слога и внутренней тавтологической рифмой, аБВабВ. Последний стих перебой — ДЗ. [92](#) АмфЗ, АХАх. [93](#) Лог; нечетные стихи Ан5, четные Я1. Монорим; рифма-эхо, тавтологическая. [94](#) Дк па в 6–2, б.

М. А. Кузмин. [95](#) ПМФ от Ткт в 7–4 к свободному стиху. Три 6-ст с начальным рефреном, композиционно подобные, с двустипной концовкой. [96](#) Газель. Лог строчной ЯЗ ж + Д2 м; ЯЗ образуют монорим А...А... Д2 — редиф (эпифора). [97](#) Я5 бц. Рондо. [98](#) Лог — ДкЗ, форма III, ААХБХ. Отсутствие в конце привычной модели строфы ожидаемой рифмы создает перебой.

По изд.: **Кузмин** М. А. 1) Собр. стихотворений. Пг, 1918.

А. А. Ахматова. [99](#) ДкЗ па, неурегулированный, монорим. АА... Концовка Я2, X1, бб. [100](#) Ан в 3–1, ааббвв. [101](#) Дк 4343, АБАб. [102](#) ДкЗ па неурегулированный, А'БА'б. [103](#) X4, (А'БА'б). [104](#) X 5656, аабб + X 4344 (нечетные с цезурным усечением), ааха. [105](#) X4, ХХХх. См. [примечание к IV, 64](#). [106](#) АнЗ, внутренние рифмы. [107](#) ДкЗ, 6-ст ААбВВб, в котором в любой половине строфы могут добавляться по одному или два стиха с женской рифмой. Эта строфа — усложненная и более свободная строфа «Второго удара» Кузмина (IV, [98](#)).

О. Э. Мандельштам. [108](#) Я4, аББаа, кольцо строфы. [109](#) ПМК: Яб, АА; X4, АБАб; Яб, АА; ДкЗ, абабааб; Яб, X4, (АБАб). [110](#) АнЗ, б, ХхХх. [111](#) ПМФ: от Ан5 к Ткт5, АБАб; два перебойных стиха. [112](#) Я5 бц, б, 3-ст ХХХ. [113](#) Ткт 3 (междударные интервалы 0–2), абаб. [114](#) ДкЗ, в 10-м и 11-м стихах двойное стяжение, абаб. [115](#) ПМФ от Дб к Дкб, в последнем стихе трибрахий, АА. [116](#) ПМФ от Я4 к Дк, аа. [117](#) Ан5, АА.

Игорь Северянин. [118](#) Я2, вольн. рифм., «хоровод» составных рифм. [119](#) Ан4 цн на два слога; нетожд. 5-ст с рефреном (в разных стихах). — Название — неологизм поэта от фр. quinze — пятнадцать (по числу стихов). [120](#) Яб с двумя цн, АБАб. [121](#) Я8 цн, АА. [122](#) Лог строчной, Ан2 ж + X4, АБАб. [123](#) Я10, три ц, абаб. [124](#) Дб, цус, (АБАб). [125](#) Амфб ц, АБАб. Семь трибрахийев. [126](#) Ан4 цн, АБАб. [127](#) ЯЗ, АБВгАБВг.

По изд.: **Северянин** Игорь. Стихотворения. БП, мс. Л., 1979.

В. В. Хлебников. [128](#) Зыбкий метр, вольн. рифм. [129](#) Зыбкий метр, основа — X в 8–2; словотворчество, повторы; смежные рифмы, есть холостые стихи. [130](#) X4 б, перебой в концовке. [131](#) Свободный стих. Звуковые повторы. [132](#) Сочетание неологизмов из двух

корней. **133** Все строки читаются одинаково слева направо и справа налево. **134** Анафоры и синтаксический параллелизм. **135** Зыбкий метр, преобладание Я и Х; вольн. рифм.

По изд.: **Хлебников** В. Собрание произведений. Т. 1. Л., 1928; т. 2, Л., 1930.

V. Советский период

Рожденная Октябрьской революцией, поэзия советского периода развивается в русле социалистического реализма. Она характеризуется постановкой важных общественно-политических проблем, углубленным интересом к социально-нравственным аспектам бытия, в ней отражается все многообразие действительности. По-новому осмысляет советская поэзия так называемые вечные темы: природа, любовь, смысл и цель жизни. Вобрав в себя все лучшее, что было завещано ей предшествующими поколениями, она стала качественно новым этапом в истории поэзии, выступая как многостилевое единство при всем многообразии поэтических форм.

Стих советского периода

Отнесение поэтов к определенному периоду в известной мере условно. В советское время поэты, проявившие себя еще до революции (Ахматова, Мандельштам и др.), трудятся рядом с поэтами приблизительно того же поколения, чье творчество с особой силой развернулось в 20-х годах (Маяковский, Асеев и др.).

Историю стиха русской советской поэзии можно разделить на три этапа, помня при этом, что границы и здесь условны и что чем ярче личность поэта, тем труднее втиснуть ее в рамки схем; речь идет о некоторых общих тенденциях.

Первый этап ограничен концом 20-х — началом 30-х годов. Это время бурного отрицания старых форм, поисков нового, стремления к свободе стиха. Ростки второго видны со второй половины 20-х годов, отчетливо обозначился он в 30-х годах. Заметно уменьшается интерес к акцентному стиху и тактовике, возрастает популярность классических размеров. Это не означает отказа от всего нового: дольники столь же употребительны, но становятся в большинстве более урегулированными, поэты всех направлений продолжают пользоваться неточной рифмой, но уже не столь подчеркнутой. Третий этап начинается со второй половины 50-х годов. Его трудно определить какой-то одной тенденцией. С одной стороны, еще более усиливается интерес к классическим формам, что проявляется, например, в небывалом ранее увлечении венками сонетов; с другой — возрождаются усиленные поиски новых свободных форм.

Первый этап. Метрика и ритмика. На этом этапе важно отметить развитие акцентного стиха, особенно у Маяковского, оказавшего огромное влияние на развитие русской поэзии.

«Выделенность слова» в акцентном стихе Маяковского зрелого периода (ср. V, [3](#) и [18](#)) своеобразно проявляется в других метрах (тактовике, дольнике, силлабо-тонике) не только у самого Маяковского, но и у многих других поэтов. Внешнее проявление это находит в разбивке стиха на «подстрочия», что нередко встречается до настоящего времени (V, [27](#), [66](#), [77](#), [84](#), [102](#), [109](#), [110](#), [128](#)). Даже в напевном стихе порой встречаются подстрочия: так, М. Светлов делит стих «Гренады» на две части — правда, симметричные (V, [102](#)); 2-сложник с переменной анакрузой — урегулированное чередование хореев и ямбов, «Марш Буденного» Н. Асеева (V, [24](#)), сказывается 7-стопным хореем с цезурой на 7-м слоге, в котором каждое полуступише зарифмовано и печатается отдельной строкой. Редкий настоящий 2-сложник с переменной анакрузой находим у С. Есенина (V, [65](#)) и А. Вознесенского (V, [127](#)).

Интересно сопоставить популярные в поэзии всего XX в. 5-стопные трехсложники в традиционном начертании и разбитые на подстрочия (V, [106](#) и [109](#)). Размер тот же, но во втором случае стих 5-стопного анапеста делится на две части: 2 + 3 ударения; так как строгой цезуры нет, может показаться, что 2-стопные анапесты неупорядоченно чередуются то с анапестами, то с амфибрахиями. На самом деле — в обоих стихотворениях размер одинаков, так как структуру строфы образует количество стихов, а не графических подстрочий, как бы они ни печатались — «столбиком» или «лесенкой»; но если в первом стих произносится одним дыханием, то во втором подстрочия интонационно обособлены.

Еще отчетливее это видно при сравнении ряда стихотворений, написанных самым популярным размером русской поэзии — 4-стопным ямбом, — но напечатанных традиционно и с разной степенью членения на подстрочия (V, [100](#), [110](#), [122](#), [123](#)).

Выделенность слова может достигаться и другими путями: М. Цветаева, например, уснащает свой стих переносами и внутрискриховыми паузами (V, [55](#), [58](#)), иногда подчеркиваемыми сломом размера (V, [47](#), [50](#), [56](#)), необычными ритмическими ходами (V, [52](#)).

В 10-х и особенно в 20-х годах расцветают разнообразные тактовики (V, [7](#), [8](#), [28](#), [80](#), [82](#), [84](#), [86](#)), дольники — неурегулированные (V, [16](#)), «есенинского типа» (V, [62](#)), «цветаевского типа» (V, [51](#)), «акмеистского типа» (V, [95](#)); последние два популярны вплоть до наших дней.

Своеобразны дольники Э. Багрицкого. В «Ночи» и «Стансах» (V, [74](#), [79](#)) — перекрестно чередующиеся неурегулированные 3- и 4-дольники. В тех и других часты выпадения ударных слогов. Необычно часто встречается редкая форма со стяжениями между всеми ударениями, похожая на ямб или хорей, вдобавок с пропуском ударения («Заканчивая день»). Такая неустойчивость размера, несхожесть строк тоже способствует — еще на один лад — выделенности слова.

Стремление к ритмической свободе проявляется также в обилии у многих поэтов переходных метрических форм — от трехсложника к дольнику (V, [38](#), [77](#), [78](#)), от дольника к тактовика (V, [9](#), [55](#), [89](#)), от тактовика к акцентному стиху (V, [5](#), [20](#), [56](#), [61](#), [80](#), [84](#)), и даже более резких — от ямба к дольнику (IV, [116](#)). У некоторых поэтов встречаются переходные формы к логаядам от дольников (V, [21](#)) или тактовиков (V, [25](#)) и чистые логаяды (V, [49](#), [58](#)). Наконец, поэты создают оригинальные индивидуальные логаяды или «почти логаяды», строчные и строфические (V, [27](#), [41](#), [50](#), [57](#)).

Необычно звучат вольные стихи различных метров с амплитудой стопностей от 1 до 10, без привычных цезур (V, [15](#), [42](#)), вдобавок иногда разбитые на подстрочия. Когда Н. Тихонов в 1935 г. справедливо заметил, что В. Маяковский в конце своей деятельности все чаще обращался к хореем и ямба («Юбилейное», «Товарищу Нетте...», «Во весь голос» и др.), С. Кирсанов возразил ему, что на этих ямба «лица нет» — и это было тоже верно.

На всех этапах встречаются бесцезурные 6-стопные ямбы и хорей (V, [130](#)). Как и в начале века, некоторые поэты разрабатывают сверхдлинные размеры, но чаще не напевные, а говорные, «киплинговские» (V, [89](#), [90](#)).

Некоторые поэты создают «маршевые» стихотворения; мемуаристы вспоминают, что В. Маяковский читал «Левый марш» и «Наш марш» (V, [8](#)), скандируя их (что обычно не было ему свойственно) так, что под эти стихи действительно можно было маршировать. «Эстафета» Н. Асеева (V, [28](#)) звучит ритмично только при скандирующем чтении. Конструктивисты довели скандирование до предела. Некоторые стихотворения они печатали с условными знаками, показывающими дополнительные ударения, повышения голоса и т. п. (V, [83](#), [85](#); знаки расшифрованы в примечаниях).

Н. Заболоцкий в 20-х годах, продолжая начатое В. Хлебниковым, пишет иногда зыбким метром, неупорядоченно чередуя хорей с ямбом, перебивая их порой другими размерами и даже прозаическими строчками (V, [105](#)). Эта тенденция не нашла продолжения.

Разумеется, и на этом этапе поэты часто пользуются классическими размерами (V, [6](#), [13](#), [29](#), [35](#), [39](#), [40](#) и др.). Но и они звучат иногда привычными ритмами, а иногда — совершенно по-новому. Например, в 3-стопном ямбе 1-я стопа была ранее почти всегда ударной, пиррихии бывали обычно только на 2-й. Так, в «Моих пенатах» Батюшкова (II, [7](#)) из 316 стихов 112 полноударны («Норы́ и тёмны кельи»), 200 имеют пиррихий на 2-й стопе («Отéчески пенáты») и только 4, т. е. 1,2% — на 1-й («И суе́ты мирско́й»). У А. Прокофьева в «Шестой песне о Ладогe» (V, [88](#)) стихов с пиррихией на 1-й стопе уже 6 из 20, т. е. 30%. Таков же 3-стопный ямб Д. Самойлова (V, [118](#)).

В XIX в. V форма 4-стопного ямба (пиррихии на первых двух стопах) не употреблялась, единственное несомненное исключение — стих анонимной эпиграммы: «За университет стоя́л».^[21] В советской поэзии, на всех этапах, она хоть редко, но встречается: «Он неопредели́м, как за́пах» (И. Сельвинский), «Ты не отягоща́ешь нас» (Л. Мартынов, V, [111](#)), «В них запечатлено́ движе́нье» (Д. Самойлов), «Мы материáлисты с ва́ми» (А. Вознесенский); в стихотворениях Б. Пастернака она встречается 9 раз (см. V, [46](#) — два таких стиха в одном стихотворении: «Или, опереди́вши ми́р» и «Или консервато́рский за́л»; вдобавок, как у Ломоносова и Державина, еще в 9 стихах — пиррихий на второй стопе; ср. с традиционным 4-стопным ямбом — V, [45](#)).

Необычен и размер «Думы про Опанаса» Э. Багрицкого (V, [75](#)). Это чередование 4- и 3-стопных хореев, но в четных 3-стопных стихах регулярность часто нарушается «синкопой» — сдвигом первого ударения на соседний слог. Аналогичное явление встречалось ранее у Кольцова (II, [98](#)). Эпиграф Багрицкий взял из «Гайдамаков» Шевченко; он связан не только с темой поэмы — Багрицкий написал «Думу про Опанаса» размером «Гайдамаков». И Кольцов, и Шевченко обращались к одному и тому же источнику — хореическим фольклорным песням, в которых синкопы встречаются часто.

Уже говорилось о том, что в XIX в. только Некрасов относительно часто, 15 раз, допускал трибрахии в трехсложниках. В советской поэзии они появляются значительно чаще, у одного Б. Пастернака их более 200 (V, [36](#), [42](#); см. также у В. Шефнера, [115](#)), бывают у него даже по два в одном стихе: «Расскальзывающаяся артиллерия», «Захлёбывающийся локомотив».

Стремление к метрической свободе сказывается также в частом обращении поэтов к разнообразным «кусовым» полиметрическим структурам, причем каждый «кусок» обладает, как правило, своей темой (V, [20](#), [23](#), [53](#), [99](#)). Маяковский прибегал к полиметрии даже в небольших произведениях (V, [11](#), [13](#), [14](#), [17](#)), Чуковский — во всех сказках (V, [31](#)).

Чем свободнее ритмическая структура, тем проще должна быть строфа — сложная улавливается слухом лишь при урегулированном стихе. Самая популярная строфа советской

поэзии — перекрестное 4-стишие, за ним следует двустипное; иногда поэты разделяют строфы пробелами, иногда нет. Сложные строфы встречаются редко, в урегулированных размерах (V, [40](#), [44](#), [67](#), [103](#)).

Фоника, рифма. В звуковой инструментовке и рифме 20-е годы — прямое продолжение и углубление поисков предшествующего периода.

Развивается и совершенствуется неточная рифма разных видов. У Маяковского, Асеева она часто даже количественно превосходит точную. У раннего Асеева игра рифмами иногда становилась самоцелью (V, [23](#)), но характернее для него, как и для Маяковского, другое: звуковое подобие связывает слова, как сходство в метафоре, — «Продажа *овса и сена*» «пахнет убийством *Отца и Сына*» (V, [20](#)); у Маяковского фраза — «От Батума, *чай*, котлами покипел» вызывает ассоциацию: «...пивал *чаи* со мною в дип-купе» (V, [15](#)). Концевые рифмы связывают строки по смыслу (V, [10](#) и др.), перекликаются с внутренними созвучиями (V, [22](#)); рифмы могут быть веселыми, смешными (V, [16](#)), сатирически злыми (V, [17](#)), могут радовать виртуозностью (V, [29](#)). Маяковский и другие его современники сделали неточную рифму достоянием всей советской поэзии.

Второй этап. Разница между первым и вторым этапом хорошо видна в творчестве Заболоцкого. От гротескного зыбкого метра, соответствовавшего гротескному содержанию и стилю произведений 20-х годов, он переходит к чистым классическим размерам и традиционной тематике (V, [106-109](#)). В это время расцветает жанр песни, тяготеющей к силлабо-тонким, к симметричной строфической композиции (V, [93](#), [94](#), [96-98](#)). К наиболее популярным песенным размерам относятся 4- и 5-стопный хорей (V, [96](#), [97](#), с небольшими вариациями [116](#)) и 3-сложники, в особенности анапест (V, [94](#), [98](#)). Напевная интонация характерна для многих лирических стихотворений, написанных для чтения, а не пения (V, [95](#), [107](#), [113](#)).

Вновь становится популярным 5-стопный ямб; не случайно Маршак пишет «дифирамб» этому размеру (V, [35](#)). Интересно сопоставить, насколько по-разному звучит традиционный 4-стопный ямб в зависимости от преобладания тех или иных ритмических форм (I, [5](#), [6](#), [7](#), [12](#), [26](#), [29](#); II, [32](#), [40](#), [49](#); V, [45](#), [46](#)) и от того, разбит ли стих на подстроchia и как именно разбит (V, [100](#), [110](#), [111](#), [122](#), [123](#)). А. Т. Твардовский в «Василии Теркине» доказал, что рифмованный 4-стопный хорей может быть интонационно богатым и разнообразным эпическим размером (V, [99](#)) и продолжил традицию эпического 4-стопного ямба (V, [100](#)).

Продолжают развиваться дольники, но неурегулированные почти исчезают, преобладают 3-дольники III, II, V формы. Подводить итоги **третьему этапу** рано: поэзия развивается, наследуя традиции обоих предшествующих этапов и продолжая поиски. 3-сложники напоминают о 20–30-х годах довольно частыми трибрахиями (V, [115](#)); 3-стопный ямб — пиррихиями на 1-й стопе (V, [118](#)), а наряду с этим появляются новые, редкие размеры (V, [128](#)). Возродился и значительно усилился интерес к свободному стиху (V, [117](#)).

Вновь чаще встречается неточная рифма — но уже не столько составная и ассонанс, как в 20-х годах, а «левая», корневая (V, [125-128](#)).

Поэты ищут также новые строфические и интонационные формы (V, [128](#)).

Демьян Бедный (1833–1945)

1. Мой стих

Пою. Но разве я «пою»?

Мой голос огрубел в бою,

И стих мой... блеску нет в его простом наряде.

Не на сверкающей эстраде
Пред «чистой публикой», восторженно-немой,
И не под скрипок стон чарующе напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

1917

2. Птицеловы

Весною некий птицелов
Ловил перепелов:
Лежал в траве густой часами,
На сети на свои глядел издалика, —
Перепела ж ловились сами.

Была ли на сетях приманка велика?
Да ровно никакой! Доверчиво и смело
Шли птицы на привычный зов:
Обманщик ловкий, птицелов
Перепелиный бой подделывал умело!

~ ~ ~

Как много в наши дни вот таких ловцов
Средь политического поля!
— «Земля и воля!»
— «Земля и воля!»
— «Права!» — «Порядок!» — «Хлеб!» — свистят
со всех концов.

Кто верит всякому «на вид — социалисту»,
Те уподобятся легко перепелам.
Друзья, судите не по свисту,
А по делам!

1917

В. В. Маяковский (1893–1930) 3. Адище города

Адище города окна разбили
на крохотные, сосущие светом адки.
Рыжие дьяволы, вздымались автомобили,
над самым ухом взрывая гудки.

А там, под вывеской, где сельди из Керчи, —
сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечерующем смерче
трамвай с разбега взметнул зрачки.

В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз, —
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз.

И тогда уже — скомкав фонарей одеяла —
ночь излюбилась, похабна и пьяна,
а за солнцами улиц где-то ковыляла
никому не нужная, дряблая луна.

1913

4. Скрипка и немножко нервно

Скрипка издергалась, упрашивая,
и вдруг разревелась
так по-детски,
что барабан не выдержал:
«Хорошо, хорошо, хорошо!»
А сам устал,
не дослушал скрипкиной речи,
шмыгнул на горящий Кузнецкий и ушел.
Оркестр чужо смотрел, как
выплакивалась скрипка
без слов,
без такта,
и только где-то
глупая тарелка
вылязгивала:
«Что это?
Как это?»
А когда геликон —
меднорожий,
потный —
крикнул:
«Дура,
плакса,
вытри!» —
я встал,
шатаюсь полз через ноты,
сгибающиеся под ужасом пюпитры,
зачем-то крикнул:
«Боже!»
Бросился на деревянную шею:
«Знаете что, скрипка?

Мы ужасно похожи:
я вот тоже
ору —
а доказать ничего не умею!»
Музыканты смеются:
«Влип как!
Пришел к деревянной невесте!
Голова!»
А мне — наплевать!
Я — хороший.
«Знаете что, скрипка?
Давайте —
будем жить вместе!
А?»»

1914

5. Пустяк у Оки

Нежно говорил ей —
мы у реки
шли камышами:
«Слышите: шуршат камыши у Оки.
Будто наполнена Ока мышами.
А в небе, лучик сережкой вдев в ушко,
звезда, как вы, хорошая, — не звезда,
а девушка...
А там, где кончается звездочки точка,
месяц улыбается и заверчен, как
будто на небе строчка
из Аверченко...
Вы прекрасно картавите.
Только жалко Италию...»
Она: «Ах, зачем вы давите
и локоть и талию.
Вы мне мешаете
у камыша идти...»

<1915>

6. Военно-морская любовь

По морям, играя, носится
с миноносцем миноносица.

Льнет, как будто к меду осочка,
к миноносцу миноносочка.

И конца б не довелось ему,
благодарушкой миноносьюему.

Вдруг прожектор, вздев на нос очки,

впился в спину миноносочки.

Как взревет медноголосина:
«Р-р-р-астакая миноносина!»

Прямо ль, влево ль, вправо ль броситься,
а сбежала миноносица.

Но ударить удалось ему
по ребру по миноносьюму.

Плач и вой морями носится:
овдовела миноносица.

И чего это несносен нам
мир в семействе миноносином?

1915

7. Лунная ночь

Пейзаж
Будет луна.
Есть уже
немножко.
А вот и полная повисла в воздухе.
Это бог, должно быть,
дивной
серебряной ложкой
роется в звезд ухе.

1916

8. Наш марш

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса.

Зеленью ляг, луг,
выстели дно дням.
Радуга, дай дуг

лет быстролётным коням.

Видите, скушно звезд небу!
Без него наши песни вьем.
Эй, Большая Медведица! требуй,
чтоб на небо нас взяли живьем.

Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце, бей бой!
Грудь наша — медь литавр.

1917

9. Тучкины штучки

Плыли по небу тучки.
Тучек — четыре штучки:

от первой до третьей — люди,
четвертая была верблюдик.

К ним, любопытством объятая,
по дороге пристала пятая,

от нее в небосинем лоне
разбежались за слоником слоник.

И, не знаю, спугнула шестая ли,
тучки взяли все — и растаяли.

И следом за ними, гонясь и сжирав,
солнце погналось — желтый жираф.

<Ок. 1918>

10. Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.
Пели будто:
— Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб.

Ветром опита,
льдом обута,
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,

сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала!
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течет по-своему...
Подошел и вижу —
за каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти...
И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть —
старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла́,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.

11. Прощанье

В авто,
    последний франк разменяв.
— В котором часу на Марсель? —
Париж
    бежит,
        проводя меня,
во всей
    невозможной красе.
Подступай
    к глазам,
        разлуки жижя,
сердце
    мне
        сантиментальностью расквась!
Я хотел бы
    жить
        и умереть в Париже,
если б не было
    такой земли —
        Москва.

1925

12. Мелкая философия на глубоких местах

Превращусь
    не в Толстого, так в толстого, —
ем,
    пишу,
        от жары балда.
Кто над морем не философствовал?
Вода.
Вчера
    океан был злой,
        как чёрт,
сегодня
    смирней
        голубицы на яйцах.
Какая разница!
    Всё течет...
Всё меняется.
Есть
    у воды
        своя пора:
часы прилива,
    часы отлива.
А у Стеклова
    вода

не сходила с пера.
Несправедливо.
Дохлая рыбка
                        плывет одна.
Висят
        плавнички,
                        как подбитые крылышки.
Плывет недели,
                        и нет ей —
                                ни дна,
ни покрышки.
Навстречу
                медленней, чем тело тюленье,
пароход из Мексики,
                        а мы —
                                туда.
Иначе и нельзя.
                Разделение
труда.
Это кит — говорят.
                        Возможно, и так.
Вроде рыбьего Бедного —
                                обхвата в три.
Только у Демьяна усы наружу,
                                а у кита
внутри.
Годы — чайки.
                Вылетят в ряд —
и в воду —
                брюшко рыбешкой пичкать.
Скрылись чайки.
                В сущности говоря,
где птички?
Я родился,
                рос,
                        кормили соскою, —
жил,
                работал,
                        стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
                        как прошли Азорские
острова.

1925

13. Тропики

(Дорога Вера-Круц — Мехико-Сити)

Смотрю:

вот это —
тропики.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд
прёт торопкий
сквозь пальмы,
сквозь банановые.
Их силуэты-веники
встают рисунком тошненьким:
не то они — священники,
не то они — художники.
Аж сам
не веришь факту:
из всей бузы и вара
встает
растенье — кактус
трубой от самовара.
А птички в этой печке
красивей всякой меры.
По смыслу —
воробейчики,
а видом —
шантеклеры.
Но прежде чем
осмыслил лес,
и бред,
и жар,
и день я —
и день
и лес исчез
без вечера
и без
предупрежденья.
Где горизонта борозда?!
Все линии
потеряны.
Скажи,
которая звезда
и где
глаза пантерины?
Не счел бы
лучший казначей
звезды
тропических ночей,
настолько
ночи августа

звездой набиты
нагусто.
Смотрю:
ни зги, ни тропки.
Всю жизнь
вдыхаю наново я.
А поезд прёт
сквозь тропики,
сквозь запахи
банановые.

1926

14. Краснодар

Северяне вам наврали
о свирепости февральей:
про метели,
про заносы,
про мороз розовоносый.
Солнце жжет Краснодар,
словно щек краснота.
Красота!
Вымыл всё февраль
и вымел —
не февраль,
а прачка,
и гуляет
мостовыми
разная собачка.
Подпрыгивают фоксы —
показывают фокусы.
Кроме лапок,
вся, как вакса,
низко пузом стелется,
волочит
вразвалку
такса
длинненькое тельце.
Бегут,
трусят дворняжечки —
мохнатенькие ляжечки.
Лайка
лает,
взвивши нос,
на прохожих Ванечек;
пес такой
уже не пес,
это —

одуванчик.
Легаши,
сетерá,
мопсики, этцетерá.
Даже
если
пара луж,
в лужах
сотня солнц юлится.
Это ж
не собачья глушь,
а собачкина столица.

1926

15. Товарищу Нетте, пароходу и человеку

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».
Это — он.
Я узнаю его.
В блюдечках-очках спасательных кругов.
— Здравствуй, Нетте!
Как я рад, что ты живой
дымной жизнью труб,
канатов
и крюков.
Подойди сюда!
Тебе не мелко?
От Батума,
чай, котлами покипел...
Помнишь, Нетте, —
в бытность человеком
ты пивал чаи
со мною в дип-купе?
Медлил ты.
Захрапывали сони.
Глаз
кося
в печати сургуча,
напролет
болтал о Ромке Якобсоне

и смешно потел,
стихи уча.
Засыпал к утру.
Курок
аж палец свел...
Суньтесь —
кому охота!
Думал ли,
что через год всего
встречусь я
с тобою —
с пароходом.
За кормой луница.
Ну и здорово!
Залегла,
просторы на́двое порвав.
Будто на́век
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,
светел и кровав.
В коммунизм из книжки
верят средне:
«Мало ли,
что можно
в книжке намолоть!»
А такое —
оживит внезапно «бредни»
и покажет
коммунизма
естество и плоть.
Мы живем,
зажатые
железной клятвой.
За нее —
на крест,
и пулею чешите:
это —
чтобы в мире
без Россий,
без Латвий,
жить единым
человечьим общежитьем.
В наших жилах —
кровь, а не водица.
Мы идем
сквозь револьверный лай,

чтобы,
    умирая,
                воплотиться
в пароходы,
    в строчки
                и в другие долгие дела.
Мне бы жить и жить,
                сквозь годы мчась.
Но в конце хочу —
                других желаний нету —
встретить я хочу
                мой смертный час
так,
    как встретил смерть
                товарищ Нетте.

1926

16. Евпатория

Чуть вздыхает волна,
                и, вторя ей,
ветерок
    над Евпаторией.
Ветерки эти самые
                рыскают,
глядят
    щёку евпаторийскую.
Ляжем
    пляжем
                в песочке рыться мы
бронзовыми
    евпаторийцами.
Скрип уключин,
                всплески
                и крики —
развлекаются
    евпаторийки.
В дым черны,
                в тюбетейках ярких
караимы —
    евпаторьяки.
И, сравнясь,
                загорают рьяней
москвичи —
    евпаторьяне.
Всюду розы
    на ножках тонких.
Радуются

евпаторёнки.
Все болезни
        выжмут
                горячие
грязи
        евпаторячы.
Пуд за лето
        с любого толстого
соскребет
        евпаторство.
Очень жаль мне
        тех,
                которые
не бывали
        в Евпатории.

1928

17. Монте-Карло

Мир
        в тишине
                с головы до пят.
Море —
        не запятнётся.
Спят люди.
        Лошади спят.
Спит —
        Ницца.
Лишь
        у ночи
                в черной марле
фары
        вспыхивают ярки —
это мчится
        к Монте-Карле
автотранспорт
        высшей марки.
Дым над морем —
                пух как будто,
продолжая пререкаться,
это
        входят
                яхты
                в бухты,
подвозя американцев.
Дворцы
        и палаццо
                монакского принца...

до желтизны
отшлифованная
в лощеном хамье.

Служит
она
в уборной ресторана —
маленького ресторана —
Гранд-Шомьер.

Выпившим бургундского
может захотеться
для облегчения
пойти пройтись.

Дело мадмуазель
подавать полотенце,
она
в этом деле
просто артист.

Пока
у трюмо
разглядываешь прыщик,

она,
разулыбив
облупленный рот,
пудрой подпудрит,
духами попрыщует,
подаст пипифакс
и лужу подотрет.

Раба чревоугодий
торчит без солнца,
в клозетной шахте
по суткам
клопея,
за пятьдесят сантимов!
(по курсу червонца

с мужчины
около
четырёх копеек).

Под умывальником
ладони омывая,
дыша
диковиной
парфюмерных зелий,
над мадмуазелью
недоумевая,

хочу
сказать
мадмуазели:

— Мадмуазель,
ваш вид,
извините,
жалок.

На уборную молодость
губить не жалко вам?

Или
мне
наврали про парижанок,
или
вы, мадмуазель,
не парижанка.

Выглядите вы
туберкулезно
и вяло.

Чулки шерстяные...
Почему не шелка́?

Почему
не шлют вам
пармских фиалок
благородные мусью
от полного кошелька? —

Мадмуазель молчала,
грохот наваливал
на трактир,
на потолок,
на нас.

Это,
кружа
веселье карнавалово,
весь
в парижанках
гудел Монпарнас.

Простите, пожалуйста,
за стих раскрежещенный

и
за описанные
вонючие лужи,
но очень
трудно
в Париже
женщине,
если
женщина
не продается,
а служит.

1929

19. <Неоконченное>

<I>

Любит? не любит? Я руки ломаю
и пальцы
                    разбрасываю разломавши
так рвут загадав и пускают
  по маю
венчики встречных ромашек
Пускай седины обнаруживает стрижка и бритье
Пусть серебро годов вызванивает уймою
надеюсь верую вовеки не придет
ко мне позорное благоразумие

<II>

Уже второй
                    должно быть ты легла
А может быть
                    и у тебя такое
Я не спешу
                    и молниями телеграмм
мне незачем
                    тебя
                            будить и беспокоить

<III>

море уходит вспять
море уходит спать
Как говорят инцидент исперчен
любовная лодка разбилась о быт
С тобой мы в расчете
И не к чему перечень
взаимных болей бед и обид
<1930>

Н. Н. Асеев (1889–1963) 20. Объявление

Я запретил бы «Продажу овса и сена»...
Ведь это пахнет убийством Отца и Сына?
А если сердце к тревогам улиц пребудет глухо,
руби мне, грохот, руби мне глупое, глухое ухо!

Буквы сигают, как блохи,
облепили беленькую страничку.
Ум, имеющий привычку,
притянул сухие крохи.

Странноприимный дом для ветра,

или гостиницы весны —
вот что должно рассыпать щедро
по рынкам выросшей страны.

1915

21

Если ночь все тревоги вызвездит,
как платок полосатый сартовский,
проломаю сквозь вечер мартовский
Млечный Путь, наведенный известью.

Я пучком телеграфных проволок
от Арктура к Большой Медведице
исхлестать эти степи пробовал
и в длине их спин разувериться.

Но и там истлевает высь везде,
как платок полосатый сартовский,
но и там этот вечер мартовский
над тобой побледнел и вызвездил.

Если б даже не эту тысячу
обмотала ты верст у пояса, —
всё равно от меня не скроешься,
я до ног твоих сердце высучу!

И когда бы любовь-притворщица
ни взметала тоски грозу мою,
кожа дней, почерневши, сморщится,
так прожжет она жизнь разумную.

Если мне умереть — ведь и ты со мной!
Если я — со зрачками мокрыми, —
ты горишь красотою писаной
на строке, прикушенной до крови.

1916

22

Когда земное склонит лень,
выходит стенью тени лань,
с ветвей скользит, белея, лунь,
волну сердито взроет линь.

И чей-то стан колеблет стон,
то, может, пан, а может, пень...
Из тины тень, из сини сон,
пока на Дон не ляжет день.

1916

23. Северное сияние (Бег)

Наши лиры заржавели
от дымящейся крови,
разлученно державили
наши хмурые брови.
И теперь перержавленной лирою
для далеких друзей я солирую:

«Бег
тех,
чей
смех,
вей,
рей,
сей
снег!

Тронь струн
винтики,
в ночь лун,
синь, теки,
в день дунь,
даль, дым,
по льду
скальды!».

Смеяв и речист,
смеист и речав,
стоит словочист
у дальней плеча.

Грозясь друзьям усмешкою веселой,
кричу земли далеким новоселам:

«Смотри-ка пристально —
ветров каприз стальной:
застыли в лоске
просты полоски,
поем и пляшем
сиянье наше,
и Север ветренный,
и снег серебряный,
и груди радуг,
игру и радость!

Тронь струн
винтики,
в ночь лун,
синь, теки,

в день дунь,
даль, дым,
по льду
скальды!»

1921

24. Марш Буденного

С неба полуденного
жара не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
в помещичьем дому,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.

И не древней славою
наш выводок богат —
сами литься лавою
учились на врага.

Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку, —
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.

Всё, что мелкой пташкою
вьется на пути,
перед острой шашкою
в сторону лети.

Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
памятью о нем, —
так растопчем всякую
гадину конем.

Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного,

армия — вперед!

1923

25. «Черный принц»

Баллада об английском золоте, затонувшем в 1854 году у входа в бухту Балаклавы

(Отрывок из поэмы)

<I>

Белые бивни

бьют

в ют.

В шумную пену

бушприт

врыт.

Вы говорите:

шторм —

вздор?

Некогда длить

спор!

Видите, в пальцы нам

врос

трос,

так что и этот

вопрос

прост:

мало ли видел

матрос

гроз, —

не покидал

пост.

Даже и в самый

глухой

час

ветер бы вынес

слугой

нас,

выгнувши парус

в тугой

пляс,

если б — не тот

раз.

Слишком угрюмо

выл

вал...

Буйный у трюма

был
бал...
Море на клочья
рвал
шквал...
Как удержать
фал?

Но не от ветра
скрипел
брус, —
глупый заладил
припев
трус:
«Слишком тяжелый
у нас
груз.

Слышите стен
хруст?»
Шкипер рванул его:
«Брысь
вниз.

Будешь морочить нас —
правь
вплавь.

Слишком башку твою
весь
рейс
клонит золота
вес».

Этот в ответ:
«Груз —
сух,
море — стекло,
и циклон
глух,
если ты в траверс
чужих
бухт
станешь, как добрый
друг.

Если ж пушечный
рвет
рот
теплых и ласковых
вод
ход, —

даже речной
уведет
брод
в черный
водоворот...»

1923

26. Автобиография Москвы *(Отрывок из поэмы)*

Желтобилетная
листва бульварная,
толпой вечернею
теки с куста.
Расчет на золото,
и на товарные,
и на червонные,
и ночь — пуста.
Вконец изруганный
пивными рыжими,
где время пенится,
где гром — гульба,
я тихо радуюсь:
мы всё же выживем
с тобою,
стриженный
Цветной бульвар.
Дорожкам хоженным,
тропинкам плеваным
никто не мил из вас:
иди любой.
Времен товарищи!
Даете ль слово нам —
не отступать по ним,
не бить отбой?
Под оскорблениями,
под револьверами
по переулкам
мы
пройдем впотьмах,
и если — некому,
то станем первыми
под этой
жирной грязи
взмах...
И как не бросила
она меня еще,
с досады грянув:
отвяжись! —

неизменяемая,
                    неизменяющая
и замечательная
                    жизнь!

1924

27. Синие гусары

1

Раненым медведем
                                    мороз дерет.
Санки по Фонтанке
                                    летят вперед.
Полоз остер —
                                    полосатит снег.
Чьи это там
                                    голоса и смех?
«Руку
                    на сердце свое
                                    положа,
я тебе скажу:
                                    ты не тронь палаша!
Силе такой
                                    становясь поперек,
ты б хоть других —
                                    не себя —
  поберег!»

2

Белыми копытами
                                    лед колотя,
тени по Литейному —
                                    дальше летят.
«Я тебе отвечу,
                                    друг дорогой, —
гибель нестрашная
                                    в петле тугой!
Позорней и гибельней
                                    в рабстве таком,
голову выбелив,
                                    стать стариком.
Пора нам состукнуть
                                    клинок о клинок:
в свободу —
                    сердце мое
                                    влюблено!»

3

Розовые губы,

витой чубук.
Синие гусары —
        пытай судьбу!
Вот они,
        не сгинув,
                не умирав,
снова собираются
                в номерах.
Скинуты ментики,
        ночь глубока,
ну-ка — вспеньте-ка
                полный бокал!
Нальем и осушим
        и станем трезвей:
«За Южное братство,
        за юных друзей!»

4

Глухие гитары,
        высокая речь...
Кого им бояться
        и что им беречь?
В них страсть закипает,
        как в пене стакан:
впервые читаются
        строфы «Цыган»...
Тени по Литейному
        летят назад.
Брови из-под кивера
        дворцам грозят.
Кончена беседа.
        Гони коней!
Утро вечера —
        мудреней.

5

Что ж это,
        что ж это,
                что ж это за песнь?!
Голову
        на руки белые
                свесь.
Тихие гитары,
        стыньте, дрожа:
синие гусары
        под снегом лежат!

28. Эстафета

Что же мы, что же мы,
неужто ж размоложены,
неужто ж нашей юности
конец пришел?
Неужто ж мы — седыми —
сквозь зубы зацедили,
неужто ж мы не сможем
разогнать прыжок?

А нуте-ка, тикайте,
на этом перекате
пускай не остановится
такой разбег.
Еще ведь нам не сорок,
еще зрачок наш зорок,
еще мы не засели
на печи в избе!

А ну-ка, все лавиной
на двадцать с половиной,
ветрами нашей бури
напрямик качнем.
На этом перегоне
никто нас не догонит.
Давай? Давай!
Давай начнем!

Что же мы, что же мы,
неужто ж заморожены,
неужто ж нам положено
на месте стать?
А ну-ка каблуками
махнем за облаками,
а ну, опять без совести
вовсю свистать!

Давайте перемолвим
безмолвье синих молний,
давайте снова новое
любить начнем.
Чтоб жизнь опять сначала,
как море, закачала.
Давай? Давай!
Давай начнем!

1927

29. Перебор рифм

Не гордись,
                    что, всё ломая,
мнет рука твоя,
жизнь
                    под рокоты трамвая
перекатывая.
И не очень-то
                    надейся,
рифм нескромница,
что такие
                    лет по десять
после помнятся.
Десять лет —
                    большие сроки:
в зимнем высвисте
могут даже
                    эти строки
сплыть и выцвести.
Ты сама
                    всегда смеялась
над романтикой...
Смелость —
                    в ярость,
зрелость —
                    в вялость,
стих — в грамматику.
Так и всё
                    войдет в порядок,
всё прикончится,
от весенних
                    лихорадок
спать захочется.
Жизнь без грома
                    и без шума
на мечты
                    променяв,
хочешь,
                    буду так же думать,
как и ты
                    про меня?
Хочешь,
                    буду в ту же мерку
лучше
                    лучшего
под цыганскую
                    венгерку
жизнь

зашучивать?
Видишь, вот он,
                        сизый вечер,
съест
                тирады все...
К теплой
                силе человеческой
жмись
                да радуйся!
К теплой силе,
                к свежей коже,
к синим
                высверкам,
к городским
                да непроходим
дальним
                выселкам.

1929

К. И. Чуковский (1882–1969) **30. Крокодил** *(Отрывок)*

Как услышали про елочку слоны,
Ягуары, павианы, кабаны,
                Тотчас за руки,
                На радостях, взялись
                И вокруг елочки
                Вприсядку понеслись.
Не беда, что, расплясавшись, Бегемот
Повалил на Крокодилицу комод,
И с разбегу круторогий Носорог
Рогом, рогом зацепился за порог.
Ах, как весело, как весело Шакал
На гитаре плясовую заиграл!
Даже бабочки уперлись в бока,
С комарами заплясали трепака.
Пляшут чижики и зайчики в лесах,
Пляшут раки, пляшут окуни в морях,
Пляшут в поле червячки и паучки,
Пляшут божи коровки и жучки.

1917

31. Телефон

1

У меня зазвонил телефон.
— Кто говорит?
— Слон.

— Откуда?
— От верблюда.
— Что вам надо?
— Шоколада.
— Для кого?
— Для сына моего.
— А много ли прислать?
— Да пудов этак пять
Или шесть:
Больше ему не съесть,
Он у меня еще маленький!

2

А потом позвонил
Крокодил
И со слезами просил:
— Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши,
И мне, и жене, и Тотоше.
— Постой, не тебе ли
На прошлой неделе
Я выслал две пары
Отличных калош?
— Ах, те, что ты выслал
На прошлой неделе,
Мы давно уже съели
И ждем, не дождемся,
Когда же ты снова пришлешь
К нашему ужину
Дюжину
Новых и сладких калош!

3

А потом позвонили зайчатки:
— Нельзя ли прислать перчатки?
А потом позвонили мартышки:
— Пришлите, пожалуйста, книжки!

4

А потом позвонил медведь
Да как начал, как начал реветь.
— Погодите, медведь, не ревите,
Объясните, чего вы хотите?
Но он только «му» да «му»,
А к чему, почему —
Не пойму!
— Повесьте, пожалуйста, трубку!

5

А потом позвонили цапли:
— Пришлите, пожалуйста, капли:
Мы лягушками нынче объелись,
И у нас животы разболелись!

6

И такая дребедень
Целый день:
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень,
Динь-ди-лень!
То тюлень позвонит, то олень.
А недавно две газели
Позвонили и запели:
— Неужели
В самом деле
Все сгорели
Карусели?
— Ах, в уме ли вы, газели?
Не сгорели карусели,
И качели уцелели!
Вы б, газели, не галдели,
А на будущей неделе
Прискакали бы и сели
На качели-карусели!
Но не слушали газели
И по-прежнему галдели:
— Неужели
В самом деле
Все качели
Погорели?
Что за глупые газели!

7

А вчера поутру
Кенгуру:
— Не это ли квартира
Мойдодыра? —
Я рассердился да как заору:
— Нет! Это чужая квартира!!!
— А где Мойдодыр?
— Не могу вам сказать...
Позвоните по номеру
Сто двадцать пять.

8

Я три ночи не спал,
Я устал.

Мне бы заснуть,
Отдохнуть...
Но только я лег —
Звонок!
— Кто говорит?
— Носорог.
— Что такое?
— Беда! Беда!
Бегите скорее сюда!

— В чем дело?
— Спасите!
— Кого?
— Бегемота!

Наш бегемот провалился в болото...

— Провалился в болото?

— Да!

И ни туда, ни сюда!

О, если вы не придете —

Он утонет, утонет в болоте,

Умрет, пропадет

Бегемот!!!

— Ладно! Бегу! Бегу!

Если могу, помогу!

9

Ох, нелегкая это работа —
Из болота тащить бегемота!

1926

С. Я. Маршак (1887–1964) **32. <Перевод 60-го сонета У. Шекспира>**

Как движется к земле морской прибой,
Так и ряды бесчисленные минут,
Сменяя предыдущие собой,
Поочередно к вечности бегут.

Младенчества новорождённый серп
Стремится к зрелости и, наконец,
Кривых затмений испытав ущерб,
Сдаёт в борьбе свой золотой венец.

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметет моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

33. Горной маргаритке, которую я смял своим плугом

(Перевод из Р. Бернса)

О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
    Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
    Зеленый луг.

Не жаворонок полевой —
Сосед, земляк, приятель твой —
Пригнет твой стебель над травой,
    Готовясь в путь
И первой утренней росой
    Обрызгав грудь.

Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
    Свой огонек,
Но храбро с ветром воевал
    Твой стебелек.

В садах ограды и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден среди нищеты
    Суровых гор.
Но как собой украсил ты
    Нагой простор!

Одетый в будничный наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд.
Его теплу и свету рад,
    Глядел на юг,
Не думая, что разорят
    Твой мирный луг.

Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
    В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
    Не втопчут в грязь.

Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает низменных сердец —
    Подводных скал —

И там находит свой конец,
Где счастья ждал.

Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот, —
Тем свет не мил.
И человек на дно идет,
Лишенный сил.

И ты, виновник этих строк,
Держись, — конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок —
Нужда, недуг, —
Как на весенний стебелек
Наехал плуг.

1950

34. Начинающему поэту

Мой друг, зачем о молодости лет
Ты объявляешь публике читающей?

Тот, кто еще не начал, — не поэт.
А кто уж начал, — тот не начинающий!

1954

35

Мой конь крылатый — пятистопный ямб, —
Тебе пишу я этот дифирамб,
Стих Дантовых терцин и драм Шекспира,
Не легковесен ты и не тяжел,
Недаром ты века победно шел
Из края в край, звуча в сонетах мира.

Передаешь ты радость, гнев и грусть,
Тебя легко запомнить наизусть,
Ты поэтичен, но в терпимой дозе,
И приближаешься порою к прозе.
Невыносим тебе казенный штамп,
Размер свободный — пятистопный ямб.

Чуждаешься ты речи сумасбродной,
Не терпишь ты и классики холодной.
Ведут поэта, о волшебный стих,
И в ад и в рай пять легких стоп твоих.

<1964>

Б. Л. Пастернак (1890–1960)

36. Зима

Прижимаюсь щекою к воронке
Завитой, как улитка, зимы.
«По местам, кто не хочет — к сторонке!»
Шумы-шорохи, гром кутерьмы.

«Значит — в «море волнуется»? В повесть,
Завивающуюся жгутом,
Где вступают в черед, не готовясь?
Значит — в жизнь? Значит — в повесть о том,

Как нечаян конец? Об уморе
Смехе, суетлоке, беготне?
Значит — вправду волнуется море
И стихает, не справясь о дне?»

Это раковины ли гуденье?
Пересуды ли комнат-тихонь?
Со своей ли поссорившись тенью,
Громыкает заслонкой огонь?

Поднимаются вздохи отдушин
И осматриваются — и в плач.
Черным храпом карет перекушен,
В белом облаке скачет лихач.

И невыполотые заносы
На оконный ползут парапет.
За стаканчиками купороса
Ничего не бывало и нет.

1913, 1928

37. Зимняя ночь

Не поправить дня усилиями светилен,
Не поднять теням крещенских покрывал.
На земле зима, и дым огней бессилен
Распрямить дома, полегшие вповал.

Булки фонарей и пышки крыш, и черным
По белу в снегу — косяк особняка:
Это — барский дом, и я в нем гувернером.
Я один, я спать усладил ученика.

Никого не ждут. Но — наглухо портьеру.
Тротуар в буграх, крыльцо замечено.
Память, не ершись! Срастись со мной! Уверуй
И уверь меня, что я с тобой — одно.

Снова ты о ней? Но я не тем взволнован.
Кто открыл ей сроки, кто навел на след?

Тот удар — исток всего. До остального,
Милостью ее, теперь мне дела нет.

Тротуар в буграх. Меж снеговых развилин
Вмерзшие бутылки голых черных льдин.
Булки фонарей, и на трубе, как филин,
Потонувший в перьях, нелюдимый дым.

1913, 1928

38. Метель

В посаде, куда ни одна нога
Не ступала, лишь ворожей да вьюги
Ступала нога, в бесноватой округе,
Где и то, как убитые, спят снега, —

Постой, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, лишь ворожей
Да вьюги ступала нога, до окна
Дохлестнулся обрывок шальной шлеи

Ни зги не видать, а ведь этот посад
Может быть в городе, в Замоскворечье,
В Замостье, и прочая (в полночь забредший
Гость от меня отшатнулся назад).

Послушай, в посаде, куда ни одна
Нога не ступала, одни душегубы,
Твой вестник — осиновый лист, он безгубый,
Безгласен, как призрак, белей полотна!

Метался, стучался во все ворота,
Кругом озирался, смерчком с мостовой...
— Не тот это город, и полночь не та,
И ты заблудился, ее вестовой!

Но ты мне шепнул, вестовой, неспроста.
В посаде, куда ни один двуногий...
Я тоже какой-то... я сбился с дороги:
— Не тот это город, и полночь не та.

1914, 1928

39. Памяти Демона

Приходил по ночам
В синеве ледника от Тамары.
Парой крыл намечал,
Где гудеть, где кончаться кошмару.

Не рыдал, не сплетал
Оголенных, исхлестанных, в шрамах.

Уцелела плита
За оградой грузинского храма.

Как горбунья дурна,
Под решеткою тень не кривлялась.
У лампы зурна,
Чуть дыша, о княжне не справлялась.

Но сверканье рвалось
В волосах, и, как фосфор, трещали.
И не слышал колосс,
Как седеет Кавказ за печалью.

От окна на аршин,
Пробирая шерстинки бурнуса,
Клялся льдами вершин:
Спи, подруга, — лавиной вернуся.

1917

40. Гроза моментальная навек

А затем прощалось лето
С полустанком. Снявши шапку,
Сто слепящих фотографий
Ночью снял на память гром.

Мерзла кисть сирени. В это
Время он, нарвав охапку
Молний, с поля ими трафил
Озарить управский дом.

И когда по кровле зданья
Разлилась волна злорадства
И, как уголь по рисунку,
Грянул ливень всем плетнем,

Стал мигать обвал сознанья:
Вот, казалось, озарятся
Даже те углы рассудка,
Где теперь светло, как днем.

1917

41. Конец

Наяву ли всё? Время ли разгуливать?
Лучше вечно спать, спать, спать, спать
И не видеть снов.

Снова — улица. Снова — полог тюлевый,
Снова, что ни ночь — степь, стог, стон
И теперь и впредь.

Листьям в августе, с астмой в каждом атоме,
Снится тишь и темь. Вдруг бег пса
Пробуждает сад.

Ждет — улягутся. Вдруг — гигант из затеми,
И другой. Шаги. «Тут есть болт».
Свист и зов: тубо!

Он буквально ведь обливал, обваливал
Нашим шагом шлях! Он и тын
Истязал тобой.

Осень. Изжелта-сизый бисер нижется.
Ах, как и тебе, прель, мне смерть,
Как приелось жить?

О, не вовремя ночь кадит маневрами
Паровозов; в дождь каждый лист
Рвется в степь, как те.

Окна сцены мне делают. Бесцельно ведь!
Рвется с петель дверь, целовав
Лед ее локтей.

Познакомь меня с кем-нибудь из вскормленных,
Как они, страдой южных нив,
Пустырей и ржи.

Но с оскоминой, но с оцепененьем, с комьями
В горле, но с тоской стольких слов
Устаешь дружить!

1917

42. Разрыв (Отрывки)

4

Помешай мне, попробуй. Приди, покусись потушить
Этот приступ печали, гремящей сегодня, как ртуть
в пустоте Торичелли.

Воспрети, помешательство мне, — о, приди, посягни!
Помешай мне шуметь о тебе! Не стыдись, мы — одни.
О, туши ж, о, туши! Горячее!

5

Заплети этот ливень, как волны, холодных локтей
И как лилий, атласных и властных бессильем ладоней!
Отбивай, ликование! На волю! Лови их, — ведь в бешеной
этой лапте —
Голошеньке лесов, захлебнувшихся эхом охот в Калидоне,
Где, как лань, обеспамятев, гнал Аталанту к поляне

Актей,
Где любили бездонной лазурью, свистевшей в ушах
лошадей.
Целовались залиvistым лаем погони
И ласкались раскатами рога и треском деревьев, копыт
и когтей.
— О, на волю! На волю — как те!

6

Разочаровалась? Ты думала — в мире нам
Расстаться за реквиемом лебединым?
В расчете на горе, зрачками расширенными,
В слезах, примеряла их непобедимость?

На мессе б со сводов посыпалась стенопись,
Потрясшись игрой на губах Себастьяна.
Но с нынешней ночи во всем моя ненависть
Растянута видит, и жаль, что хлыста нет.

Впотьмах, моментально опомнясь, без медлящего
Раздумья, решила, что всё перепашет.
Что — время. Что самоубийство ей не для чего.
Что даже и это есть шаг черепаший.

7

Мой друг, мой нежный, о, точь-в-точь как ночью,
в перелете с Бергена на полюс,
Валящим снегом с ног гагар сносимый жаркий пух,
Клянусь, о нежный мой, клянусь, я не неволюсь,
Когда я говорю тебе — забудь, усни, мой друг.
Когда, как труп затертого до самых труб норвежца,
В виденьи зим, не движущих заиндевельных мачт,
Ношусь в сполохах глаз твоих шутивым — спи,
утешься,
До свадьбы заживет, мой друг, угомонись, не плачь.
Когда совсем как север вне последних поселений,
Украдкой от арктических и неусыпных льдин,
Полночным куполом полощущий глаза слепых
тюленей,
Я говорю — не три их, спи, забудь: всё вздор один.

1918

43. Весна

Весна, я с улицы, где тополь удивлен,
Где даль путается, где дом упасть боится,
Где воздух синь, как узелок с бельем
У выписавшегося из больницы.

Где вечер пуст, как прерванный рассказ,

Оставленный звездой без продолженья
К недоумению тысяч шумных глаз,
Бездонных и лишенных выраженья.

1918

44. Вторая баллада

На даче спят. В саду, до пят
Подветренном, кипят лохмотья.
Как флот в трехъярусном полете,
Деревьев паруса кипят.
Лопатами, как в листопад,
Гребут березы и осины.
На даче спят, укрывши спину,
Как только в раннем детстве спят.

Ревет фагот, гудит набат.
На даче спят под шум без плоти,
Под ровный шум на ровной ноте,
Под ветра яростный надсад.
Льет дождь, он хлынул с час назад.
Кипит деревьев парусина.
Льет дождь. На даче спят два сына,
Как только в раннем детстве спят.

Я просыпаюсь. Я объят
Открывшимся. Я на учете.
Я на земле, где вы живете,
И ваши тополя кипят.
Льет дождь. Да будет так же свят,
Как их невинная лавина...
Но я уж сплю наполовину,
Как только в раннем детстве спят.

Льет дождь. Я вижу сон: я взят
Обратно в ад, где всё в комплоте,
И женщин в детстве мучат тети,
А в браке дети теребят.
Льет дождь. Мне снится: из ребят
Я взят в науку к исполину,
И сплю под шум, месящий глину,
Как только в раннем детстве спят.

Светает. Мглистый банный чад.
Балкон плывет, как на плашкоте.
Как на плотях, — кустов щепоти
И в каплях потный тес оград.
(Я видел вас раз пять подряд.)

Спи, былъ. Спи жизни ночью длинной.

Усни, баллада, спи, былина,
Как только в раннем детстве спят.

1930

45

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1932

46. Музыка

Дом высился, как каланча.
По тесной лестнице угольной
Несли рояль два силача,
Как колокол на колокольню.

Они тащили вверх рояль
Над ширью городского моря,
Как с заповедями скрижаль
На каменное плоскогорье.

И вот в гостинной инструмент,
И город в свисте, шуме, гаме.
Как под водой на дне легенд,
Внизу остался под ногами.

Жилец шестого этажа
На землю посмотрел с балкона,
Как бы ее в руках держа
И ею властвуя законно.

Вернувшись внутрь, он заиграл
Не чью-нибудь чужую пьесу,

Но собственную мысль, хорал,
Гуденье мессы, шелест леса.

Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью, при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке пюпитра.

Или, опередивши мир
На поколения четыре,
По крышам городских квартир
Грозой гремел полет валькирий.

Или консерваторский зал
При адском грохоте и треске
До слез Чайковский потрясал
Судьбой Паоло и Франчески.

<1957>

М. И. Цветаева (1892–1941)

47

В огромном городе моем — ночь.
Из дома сонного иду — прочь
И люди думают: жена, дочь, —
А я запомнила одно: ночь.

Июльский ветер мне метет — путь,
И где-то музыка в окне — чуть.
Ах, нынче ветру до зари — дуть
Сквозь стенки тонкие грудí — в грудь.

Есть черный тополь, и в окне — свет,
И звон на башне, и в руке — цвет,
И шаг вот этот — никому — вслед,
И тень вот эта, а меня — нет.

Огни — как нити золотых бус,
Ночного листика во рту — вкус.
Освободите от дневных уз,
Друзья, поймите, что я вам — снюсь.

1916

48. Стихи к Блоку (Отрывок)

Имя твое — птица в руке,
Имя твое — льдинка на языке.
Одно-единственное движенье губ.
Имя твое — пять букв.
Мячик, пойманный на лету,
Серебряный бубенец во рту.

Камень, кинутый в тихий пруд,
Всхлипнет так, как тебя зовут.
В легком щелканье ночных копыт
Громкое имя твое гремит.
И назовет его нам в висок
Звонко щелкающий курок.

Имя твое — ах, нельзя! —
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

1916

49

В черном небе — слова начертаны —
И ослепли глаза прекрасные...
И не страшно нам ложе смертное,
И не сладко нам ложе страстное.

В поте — пишуший, в поте — пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий огонь, над кудрями пляшущий, —
Дуновение — вдохновения!

1918

50

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —

За плащом — лгущим и лгущим.

1921

51. Маяковскому

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!

Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!

Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.

Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового.

1921

52. На заре...

На заре — наimedленнойшая кровь,
На заре — наиявственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берет развод,
Птица клетке костной дает развод,

Око зрит — невидимейшую даль,
Сердце зрит — невидимейшую связь...
Ухо пьет — неслыханнейшую молвь...
Над разбитым Игорем плачет Див.

1922

53

Лютая юдоль,
Дольняя любовь.
Руки: свет и соль.
Губы: смоль и кровь.

Левогрудый гром
Лбом подслушан был.
Так — о камень лбом —
Кто тебя любил?

Бог с замыслами! Бог с вымыслами!
Вот: жаворонком, вот: жимолостью,
Вот: пригоршнями — вся выплеснута,
С моими дикостями — и тихостями,
С моими радугами заплаканными,
С подкрадываньями, забарматываньями...

Милая ты жизнь!
Жадная еще!
Ты запомни вжим
В правое плечо.

Щебеты во тьмах...
С птицами встаю!
Мой веселый вмах
В летопись твою.

1922

54. Диалог Гамлета с совестью

— На дне она, где ил
И водоросли... Спать в них
Ушла, — но сна и там нет!
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч братьев
Любить не могут!

— Гамлет!

На дне она, где ил:
Ил!.. И последний венчик
Всплыл на приречных бревнах...
— Но я ее любил,
Как сорок тысяч...

— Меньше

Всё ж, чем один любовник.

— На дне она, где ил.
— Но я ее —

любил??

1923

55

Так вслушиваются (в исток
Вслушивается — устье).
Так внюхиваются в цветок:
Вглубь — до потери чувства!

Так в воздухе, который синь, —
Жажда, которой дна нет.

Так дети, в синеве простынь,
Всматриваются в память.

Так вчувствуется в кровь
Отрок — доселе лотос.
...Так влюбляются в любовь:
Впадываются в пропасть.

1923

56. Любовь

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.

1924

57

Не колесо громовое —
Взглядами перекинулись двое.

Не Вавилон обрушен —
Силою переведались души.

Не ураган на Тихом —
Стрелами перекинулись скифы.

1925

58

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что ствол
Отдав мне, чтоб стать — столом,
Остался — живым стволом!

С листвы молодой игрой
Над бровью, с живой корой,
С слезами *живой* смолы,
С корнями до дна земли!

1933

С. А. Есенин (1895–1925)

59

Зашумели над затоном тростники.
Плачет девушка-царевна у реки.

Погадала красна девица в семик.
Расплела волна венки из повилик.

Ах, не выйти в жены девушке весной,
Запугал ее приметам лесной.

На березке пообъедена кора, —
Выживают мыши девушку с двора.

Бьются кони, грозно машут головой,
Ой, не любит черны косы домовой.

Запах ладана от рощи ели льют,
Звонки ветры панихидную поют.

Ходит девушка по бережку грустна.
Ткет ей саван нежнопенная волна.

1914

60

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птахи, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

1914

61. Песнь о собаке

Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.

До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.

А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.

По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...

И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.

А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.

В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

1915

62

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листьев целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

63. Кобыльи корабли (Отрывок)

1

Если волк на звезду завыл,
Значит, небо тучами изглодано.
Рваные животы кобыл,
Черные паруса воронов.

Не просунет когтей лазурь

Из пургового кашля-смрада;
Облетает под ржанье бурь
Черепов златохвойный сад.

Слышите ль? Слышите звонкий стук?
Это грабли зари по пущам.
Веслами отрубленных рук
Вы гребетесь в страну грядущего.

Плывите, плывите в высь!
Лейте с радуги крик вороний!
Скоро белое дерево сронит
Головы моей желтый лист.

1919

64. Пугачев *(Отрывок из драматической поэмы)*

Х л о п у ш а

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой,
Слава ему! Пусть он даже не Петр!
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по тропам.
В солонце рыл глазами удачу.
Ветер волосы мои, как солому, трепал
И цепами дождя обмолачивал.
Но озлобленное сердце никогда не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.
Оренбургская заря красношерстной верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным векам.
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.

1921

65. Папиросники

Улицы печальные,
Сугробы да мороз.
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.
Грязных улиц странники
В забаве злой игры,
Все они — карманники,

Веселые воры.
Тех площадь — на Никитской,
А этих — на Тверской.
Стоят с тоскливым свистом
Они там день-деньской.
Снуют по всем притонам
И, улучив досуг,
Читают Пинкертона
За кружкой пива вслух.
Пускай от пива горько,
Они без пива — вдрызг.
Все бредят Нью-Йорком,
Всех тянет в Сан-Франциск.
Потом опять печально
Выходят на мороз
Сорванцы отчаянные
С лотками папирос.

1923

66. Песнь о великом походе *(Отрывок из поэмы)*

Эй, вы, встречные,
Поперечные!
Тараканы, сверчки
Запечные.
Не народ, а дрохва
Подбитая!
Русь нечесаная,
Русь немытая.
Вы послушайте
Новый вольный сказ,
Новый вольный сказ
Про житье у нас.
Первый сказ о том,
Что давно было.
А второй — про то,
Что сейчас всплыло.
Для тебя я, Русь,
Эти сказы спел,
Потому что был
И правдив и смел.
Был мастак слагать
Эти притчины,
Не боясь ничьей
Зуботычины.

1924

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
 Потому, что я с севера, что ли,
 Я готов рассказать тебе поле,
 Про волнистую рожь при луне.
 Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
 Что луна там огромней в сто раз,
 Как бы ни был красив Шираз,
 Он не лучше рязанских раздолий,
 Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
 Эти волосы взял я у ржи,
 Если хочешь, на палец вяжи —
 Я нисколько не чувствую боли.
 Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
 По кудрям ты моим догадайся.
 Дорогая, шути, улыбайся,
 Не буди только память во мне
 Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
 Там, на севере, девушка тоже,
 На тебя она страшно похожа,
 Может, думает обо мне...
 Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

Воздух прозрачный и синий,
 Выйду в цветочные чащи.
 Путник, в лазурь уходящий,
 Ты не дойдешь до пустыни.
 Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
 Садом — в цветенье диком,
 Ты не удержишься взглядом,
 Чтоб не припасть к гвоздикам.
 Лугом пройдешь, как садом.

Шепот ли, шорох иль шелест —
 Нежность, как песни Саади.
 Вмиг отразится во взгляде
 Месяца желтая прелесть,

Нежность, как песни Саади.

Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный
Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный.

1925

69

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнется —
Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты — ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе — ты и я —
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню продана,
Но за Гелию в тених ветвей
Обнимает розу соловей.

1925

70. Песня

Есть одна хорошая песня у соловушки —

Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталось, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха —
Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, была — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

1925

71

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным.

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече... мимо...

Сердце остыло, и выцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

1925

72. Черный человек (Отрывок из поэмы)

Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.

То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.

Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный.
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.

Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!

1925

Э. Г. Багрицкий (1895–1934) **73. Птицелов (Отрывок)**

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелетов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка — и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный, —
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый, —
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

1918, 1926

74. Ночь (Отрывок)

Уже окончился день — и ночь
Надвигается из-за крыш...
Сапожник откладывает башмак,
Вколотив последний гвоздь;
Неизвестные пьяницы в пивных
Проклинают, поют, хрипят,
Склерозными раками, желчью пивной
Заканчивая день...
Торговец, расталкивая жену,
Окунается в душный пух,
Свой символ веры — ночной горшок
Задвигая под кровать...
Москва встречает, десятый час
Перезваниванием проводов,
Свиданьями кошек за трубой,
Началом ночной возни...
И вот, надвинув кепи на лоб
И фотогеничный рот
Дырявым шарфом обмотав,
Идет на промысел вор...
И, ундервудов траурный марш
Покинув до утра,
Конфетные барышни спешат
Встречать героев кино.
Антенны подрагивают в ночи.
От холода чуждых слов;
На циферблате десятый час
Отмечен косым углом...
Над столом вождя — телефон иссяк,
И зеленое сукно,
Как болото, всасывает в себя
Пресс-папье и карандаши...
И только мне десятый час
Ничего не приносит в дар:
Ни чая, пахнущего женой,

Ни пачки папирос;
И только мне в десятом часу
Не назначено нигде —
Во тьме подворотни, под фонарем —
Заслышать милый каблук...

1926

75. Дума про Опанаса (Отрывок)

*Посіяли гайдамаки
В Україні жито,
Та не вони його жали.
Що мусим робити?*

Т. Шевченко. Гайдамаки

По откосам виноградник
Хлопочет листвою,
Где бежит Панько из Балты
Дорогой степною.
Репухи кусают ногу,
Свищет житом пажить,
Звездный Воз ему дорогу
Оглоблями кажет.
Звездный Воз дорогу кажет
В поднебесье чистом
На дебелые хозяйства
К немцам-колонистам.
Опанасе, не дай маху,
Оглядись толково —
Видишь черную папаху
У сторожевого?
Знать, от совести нечистой
Ты бежал из Балты,
Топал к Штолю-колонисту,
А к Махне попал ты!
У Махна по самы плечи
Волосня густая:
— Ты откуда, человече,
Из какого края?
В нашу армию попал ты
Волей иль неволей?
— Я, батько, бежал из Балты
К колонисту Штолю.
Ой, грызет меня досада,
Крепкая обида!
Я бежал из продотряда
От Когана-жида...
По оврагам и по скатам

Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище!
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выгребайте из канавы
Спрятанное жито!»
Ну, а кто подымет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,
Расстрелять — и крышка!
Чернозем потек болотом
От крови и пота, —
Не хочу махать винтовкой,
Хочу на работу!
Ой, батько, скажи на милость
Пришедшему с поля,
Где хозяйство поместилось
Колониста Штоля?
— Штоль? Который, человеке?
Рыжий да щербатый?
Он застрелен недалече,
За углом от хаты...
А тебе дорога вышла
Бедовать со мною.
Повернешь обратно дышло —
Пулей рот закрою!
Дайте шубу Опанасу
Сукна городского!
Поднесите Опанасу
Вина молодого!
Сапоги подколотите
Кованым железом!
Дайте шапку, наградите
Бомбой и обрезом!
Мы пойдем с тобой далече,
От края до края!.. —
У Махна по самы плечи
Волосня густая...
.....
Опанасе, наша доля
Машет саблей ныне, —
Зашумело Гуляй-Поле
По всей Украине.
Украина! Мать родная!
Жито молодое!
Опанасу доля вышла

Бедовать с Махною.
Украина! Мать родная!
Молодое жито!
Шли мы раньше в запорожцы,
А теперь — в бандиты!

1926

76. Трясина Ночь (Отрывок)

Ежами в глаза налезала хвоя,
Прели стволы, от натуги воя.

Дятлы стучали, и совы стыли;
Мы челноки по реке пустили.

Трясина кругом да камыш кудлатый,
На черной воде кувшинок заплаты.

А под кувшинками в жидком сале
Черные сомы месяц сосали:

Месяц сосали, хвостом плескали,
На жирную воду зыбь напускали.

Комар начинал. И с комарьим стоном
Трясучая полночь шла по затонам.

Шла в зыбуны по сухому краю,
На каждый камыш звезду натыкая...

И вот поползли, грызясь и калечась,
И гад, и червяк, и другая нечисть.

1927

77. Контрабандисты (Отрывок)

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела:
«Доброе дело! Хорошее дело!»

Чтоб звезды обрызгали
Грудю наживы:
Коньяк, чулки
И презервативы...

Ай, греческий парус!
Ай, Черное море!
Ай, Черное море!..
Вор на воре!

1927

Из цикла «*Cyprinus carpio*^[22]» 78. Романс карпу

Закованный в бронзу с боков,
Он плыл в темноте колеи,
Мигая в лесах тростников
Копейками чешуи.
Зеленый огонь на щеке,
Обвисли косые усы,
Зрачок в золотом ободке
Вращается, как на оси.
Он плыл, огибая пруды,
Сражаясь с безумным ручьем,
Поборник проточной воды —
Он пойман и приручен.
Лягушника легкий кружок
Откинув усатой губой,
Плывет на знакомый рожок
За крошками в полдень и зной.
Он бросил студеную глубь,
Кустарник, звезду на зыбях,
С пушистой петрушкой в зубах,
Дымясь, проплывая к столу.

79. Стансы

Он трудится не покладая рук,
Сачком выгребая икру.

Он видит, как в студне точка растет:
Жабры, глаза и рот.

Он видит, как начинается рост;
Как возникает хвост;

Как первым движеньем плывет малек
На водяной цветок.

И эта крупинка любви дневной,
Этот скупой осколок

В потемки кровей, в допотопный строй
Вводит тебя, ихтиолог.

Над жирными водами встал туман,
Звезда над кустом косматым —
И этот малек, как левиафан,
Плывет по морским закатам.

И первые ветры, и первый прибой,
И первые звезды над головой.

1928, 1929

Н. С. Тихонов (1896–1979) **80. Баллада о гвоздях**

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

— Команда — во фронт! Офицеры, вперед!
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
— С якоря в восемь. Курс — ост.

— У кого жена, дети, брат, —
Пишите — мы не придем назад.

— Зато будет знатный кегельбан. —
И старший в ответ: — Есть, капитан!

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде.

Адмиральским ушам простукал рассвет:
— Приказ исполнен. Спасенных нет.

Гвозди б делать из этих людей,
Крепче б не было в мире гвоздей.

1921

81. Баллада о синем пакете

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.

Лег у огня, прохрипел: — Коня! —
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня, не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок.
Вокзал сказал ему: — Хорошо.

— Хорошо, — прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост.

Динамит и бикфордов шнур — его брат
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост.
Комендант прост, и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян.
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударило в небо два крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула, — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
— Сначала пакет — нога потом.

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва,

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер:

— Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам.

1922

И. Л. Сельвинский (1899–1968) 82. О любви

1

Никогда не перестану удивляться
Девушкам и цветам!
Эта утренняя прохлада
По белым и розовым кустам...
Эти слезы листвы упоенной,
Где сквозится лазурная муть,
Лепестки, что раскрыты удивленно,
Испуганно даже чуть-чуть...
Эта снящаяся их нежность,
От которой, как шмель, закружись!
И неясная боль надежды
На какую-то возвышенную жизнь...

1920

83. Цыганский вальс на гитаре

Нночь-чи? Со́н-ы. Прох?ладыда
Здесь в алле́йеях загалохше?-го сады,
И доно́сится то́лико стон'ы? гитта́оры:
Та́ратинна-та́ратинна-tan...

«Мильы́ый мо-й — не? сердься:
Не тебе мое горико?е се́рдыце —
В нем Яга навары́лыла с перы?цем ядыды
Чёрыну?ю пену любви».

«Мильы́ыя — я сыча́сталив.
Задыхаясь задушён?ной страстью,
Все твои повторю за тобо́ю? я муу?уки,
То́лико?бы с се́рдыцем?бы в лад».

Ах, нночь-чи? Со́наны. Прох?ладыда
Здесь в алле́йеях загалохше?го сады...
И доно́сится то́лико стон? (эс) гит-та́рарары

Таратiн?на
Тáратина
Тан...

1922

Улялаевщина *(Отрывки из эпопеи)* 84. Глава I

Телеграмма пришла в 2.40 ночи.
Ковровый тигр мирно зверел,
Пока его хозяин,
   дребезжа на одной ноте,
Истерически носился от окна до дверей.

В окно был виден горячий цех.
Хозяин бекасом бегал поджарым
И вдруг споткнулся о тигровый мех
Под статуей негра с матовым шаром.

И вдруг
   в окне,
   будто в первый раз,
Правду увидел, народ услышал,
И тут-то открылся ему без прикрас
Этого зрелища тайный смысл:

Те же искры как будто не те ж.
Казалось, в цеху ковали мятеж,
Казалось, под грохот и перезвонцы
В копоты черной всходило солнце.

И снова бег по мерцающей зале,
Где всё очужбинилось — дверь ли, стена ль...
Вот опрокинул вазу азалий,
Вскрикнул, опомнился и застонал;

Вот он зажег матовый шар,
Подъятый статуей негра;
Вот потащил, по тигру шурша,
Чемодан с наклейкою «Montenegro»,

И стал швырять, метать, кидать
Бумаги... Червонцы... Метелицу меха...
Стиснул руки. Спросил: «Куда?»
Ответил: «Некуда!» — и уехал.

И вьется за ним серебристая пыль.
Ветер утих. Полумесяц ярок.
Но черным видением автомобиль
Умчался, уменьшаясь в рубиновый фонарик.

Таланов был из заводчиков третий,
Но первый и даже первейший плут.
А впрочем — что вам в его портрете?
Всё равно его скоро убьют.

Рушился мир из «сакса» и «севра».

День

вставал

мглист.

Уже погодка серая от севера
Сыпала красный октябрьский лист.

Уже агитаторы железною речью
Наспех расковывали цеха,
Уже миллионы вставали навстречу
Ленину и ЦК.

1924–1926

85. Казачья походная (Из гл. 4)

Ёхали казàки, да ехали казаки,
Да ёхали каза-на?-ки, чубы пà губам.
Ехали казаки ды на башке? па?пахи,
Ды наб'шке папахи че́рез Дòн дà Кубàнь.

Скўлы непобриеты, между-зубàми ўгли,
П'коленям лейя? наварàчивает — Но. Эх.
Кòнские гриевы ды от крови? па?жухли,
Ды плыло сàло от обстре?ла в язвы и гнóй.

Дòбре, лошади́еха, что вышла?ат набèгà,
Опалило поры?хом, смердjóчье полымé.
Тòльк штò там зàвтра-ды наш жизнь?ка?пейка,
Ды не дорубит шàшыка?дохалòпнет пýлемёт.

Кòни, вы коняэги, винтòвки мèж ушáми;
Сивою кукушко?й перекликались подковы.
По степу барханы, ды на бархан ем?шаны,
Ды на емшан «татарыкй» да сивàй ковыль.

Гайда-гайда-гайда-гайда гàй дàларайда
Гайда́ра-гайда́дида гай дà лара́. (Свист)
По степу барханы, ды на бархан ем?шаны,
Ды на емшан «татарыкй» да сивàй коо?выль.

1924 (первая редакция)

86. Пушторг (Отрывок)

1

Цветные дымы в пятый час.
Из дыма, сурика и загара

Возникла сусальная церковь заката,
Каплями колоколов сочась;
Но декоративная кутерьма
Восходит к ликам Николы, Корнея,
Всё голубее, серее, чернее
В ладанный оседая дурман.

2

На феерию, точно в гости к боженке,
Зрительный зал автобуса полз;
Огромыхнул сифонные бочки
Ассенизационный обоз;
И знаменитый нищий с широкой славой,
Какой позавидует лучший поэт,
Кульпяпкой ловил толпу на обед:
«Братишечки! Доктор! Архитектор!

Бакалавр!»

3

Чертики, пищащие «уйди-уйди-у»,
Пузырились, высунув красные жала;
Цветными огнями их отражала
Асфальтированная земля.
Но по-над тучей башня Кремля,
Шахматную повторяя ладью,
С галкой, устало прикрывшей веко,
Являла пейзаж X века.

1927

87. Сонет

Дол
Сед.
Шел
Дед.

След
Вел —
Брел
Вслед.

Вдруг
Лук
Ввысь:

Трах!
Рысь
В праж.

<1927>

А. А. Прокофьев (1900–1971)

88. Шестая песня о Ладоге

Вот у тальянки — дедкой
Приходится баян;
У нас в запевках — девки,
А гармонистом — я.

Ой, солнышко от озера,
Лучистые — не жмурь.
Я гоголем, я козырем
На голоса нажму.

И мне они:
Люба ли?
А я веду игру
И крою до Любани,
До Астрахани пру.

Но в Астрахани ладу нет
И у Любани нет.
И я опять на Ладогу
Ворочаюсь в обед.

Там у тальянки — дедкой
Приходится баян;
И там в запевках — девки,
А гармонистом — я.

1927

89. Песня улицы Красных Зорь

Кое-кто кое-где замышляет тряхнуть стариною,
Но шпана на Песках и Васильевском сбита грозой.
Развернув паруса непроветренной стороною,
Опускаюсь на песню,
На улицу Красных Зорь.
И на всю Петроградскую сторону, на расчесы
петровских буклей,
На столетние клены и довольные берега,
По отдельным Республикам, по Союзу Советских
Республик
Краснозорья и славы идет ураган.
На Центральном и Ситном начинается
переторжка,
Неуверенный лавочник подытоживает доход...
Современники двух революций, пионеры, поют про
картошку,
Знаменитая улица встает на немислимый ход.
И когда цепенеет совершенно бескрылая

караулка
(И когда патрули не имеют возможности снять
оголтелый содом),
На нее целиком налетает кавалерия переулков,
Обескровленный Кронверкский отдает захолустье
садов.

На шестой материк от последней вершины Памира
Неприкаянный ветер такое-сякое поет:
«О твою вновь открытую биографию мира
Англия ботфорты бьет!
Англия ботфорты бьет!»
Но уверенность проще гвоздей и красивой
легенд...

Победили...
Иностранное небо затянуто нашей грозой.
Я не вижу других вариантов.
Золотая страна Пикадилли
Называется запросто:
Улица Красных Зорь.
Позывные сигналы даю и молодость призываю...
С Петропавловки грохот — двенадцать часов —
полуден,
Через десять минут предпоследняя остановка
трамвая,
И единственной песне мною итог подведен.

1929

90. Мы

1

Вечер отправлен на гауптвахту,
ночь на пески упадет...
От Белого моря до Сан-Диего
слава о нас идет.
Огромные наши знамена —
красный бархат и шелк,
Огонь и воду и медные трубы каждый из нас прошел.
В семнадцатом (глохни, романтика мира!)
мы дрались, как черти, в лоск,
Каждый безусым пошел на фронт,
а там бородой оброс.
В окопах выла стоймя вода,
суглинок встал на песок,
Снайперы брали офицеров прицелом под левый сосок.
Приказы гласили: убей врага, возьми у него снесь...
Каждый из нас был на фронтах и видел свою смерть.
И вся страна была в огне —

и мы по всем фронтам,
Сало и шпик и английский френч
мы добывали там...
Земля, война, леса, война...
Земля была пуста.
Мы перебили всех ворон,
всех галок на крестах!
Мы взяли вновь свою страну,
мы в громе битв клялись.
Мы били белых под Орлом,
под Жмеринкой дрались...
За эту драку, — черт возьми, —
кривую, как коса,
Нас всех, оставшихся в живых,
берут на небеса!
Но нам, ребята, не к лицу
благословенный край...
Я сам отправил четверых
прямой дорогой в рай.
Тут арифметика проста —
гудит свинцовый рык.
Четыре порции свинца —
в обрез на четверых.
Таков закон моей страны,
ее крутая речь.
Мы все обязаны ее, Высокую, беречь...

2

Весной подымает руки черемуха,
черным становится лед,
По всем иноземным морям и странам
слава о нас идет.
На тысячу верст знамена —
красный бархат и шелк,
Огонь и воду и медные трубы
каждый из нас прошел.

1930

91. Сказка

По лугам, по редкობорью,
Всей порою вешнею
Ходит сказка Беломорья,
Перегудка здешняя.
Пересмех, перегуд,
Сказку люди берегут.
С ней рыбак живет на льдине.
С ней легка дорожка,

Ходит сказка вся в сатине,
В лаковых сапожках!

Исходила край лесной
В лаковых сапожках,
В кофте новой радостной,
В платице горошком!

А зимой, а зимой
Путь во все края прямой,
В санках-самокатках,
Гуси на запятках!

Сани с тормозами,
Едут они сами,
Распашные, расписные,
Вот какие сани!

Гуси на запятках,
Зайцы для порядка,
А настанут святки —
Волки для оглядки!

Кое-где тряхнут ухабы
По дороженьке крутой... —
«Жили-были дед да баба...» —
Вот начало сказки той!

1941

92

Тальяночка, тальяночка,
Что с нами станется.
Девчоночка-беляночка,
Давай расстанемся.

Пора расстаться нам с тобой,
Пора на два годá.
Вот там, за крайнею избой,
Простимся, ягода.

Давай, тальяночка, давай
За песню примемся,
Беляночка, не унывай,
Давай обнимемся.

Тальяночка, тальяночка,
Вдвоем останемся,
С девчоночкой-беляночкой
Сейчас расстанемся.

1943–1944

А. А. Сурков (1899–1983) **93. Девичья печальная**

Рано-раненько, до зорьки, в ледоход
Снаряжала я хорошего в поход.
На кисете, на добро, не на беду,
Алым шелком шила-вышила звезду.

Шила-вышила удалой голове
Серп и молот алым шелком по канве.
И уехал он, кручинушка моя,
Биться с белыми в далекие края.

Отгремела громом летняя страда,
Пастухи пригнали на зиму стада.
Только мне от дорогого моего
Ни ответа, ни привета — ничего.

Поздним вечером в студеном январе
Проскрипела подворотня на дворе.
Мне привез из-под Царицына сосед
Шитый шелком, кровью крашенный кисет.

Я кручину никому не покажу,
Темной ночью выйду в поле, на межу.
Буду плакать, буду суженого звать,
Буду слезы на порошу проливать.

Где падет моя горячая слеза,
Расцветут весной анютины глаза.
Я цветок печальный бережно сорву
Соловья из рощи песней позову.

«Ты возьми, возьми, соловушка, цветок!
Далеко лети, далёко, на восток!
Цветик малый на могилу положи.
Про тоску мою девичью расскажи».

1934

94

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

95

Положи мне на плечи руки
И в глаза прямее взгляни.
Если б знала ты, сколько муки
Сердце приняло в эти дни!

Не легко ходить без оглядки,
Не мигая, в огонь смотреть.
Возле губ наших горькие складки
Будет трудно стереть.

Даже если к полкам и ротам
Мир придет в окопную глушь,
Мы не скоро назад воротим
Равновесие наших душ.

Сменит вспышки ракет зарница,
Зарастут окопы травой,
А солдату все будет сниться
Рев мотора и бомбы вой.

Все же верю — пройдет война,
И над выжженными полями
Оживет убитая нами
В этот страшный год тишина.

1942

М. В. Исаковский (1900–1973) 96. И кто его знает...

На закате ходит парень
Возле дома моего,
Поморгает мне глазами
И не скажет ничего.
    И кто его знает,
    Чего он моргает.

Как приду я на гулянье,
Он танцует и поет,

А простимся у калитки —
Отвернется и вздохнет.
И кто его знает,
Чего он вздыхает.

Я спросила: «Что невесел?
Иль не радует житье?»
— «Потерял я, — отвечает, —
Сердце бедное свое».
И кто его знает,
Зачем он теряет.

А вчера прислал по почте
Два загадочных письма:
В каждой строчке — только точки. —
Догадайся, мол, сама.
И кто его знает,
На что намекает.

Я разгадывать не стала,
Не надейся и не жди, —
Только сердце почему-то
Сладко таяло в груди.
И кто его знает,
Чего оно тает.

1938

97. Катюша

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

Выходила, песню заводила
Про степного сизого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи письма берегла.

Ой ты, песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет.

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поет,
Пусть он землю бережет родную,
А любовь Катюша сбережет.

Расцветали яблони и груши,

Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег на крутой.

1938

98. Ой, туманы мои...

Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родные леса и луга!
Уходили в поход партизаны,
Уходили в поход на врага.

На прощанье сказали герои:
— Ожидайте хороших вестей. —
И на старой смоленской дороге
Повстречали незваных гостей.

Повстречали — огнем угощали,
Навсегда уложили в лесу
За великие наши печали,
За горячую нашу слезу.

С той поры да по всей по округе
Потеряли злодеи покой:
День и ночь партизанские вьюги
Над разбойной гудят головой.

Не уйдет чужеземец незваный,
Своего не увидит жилья...
Ой, туманы мои, растуманы,
Ой, родная сторонка моя!

1942

А. Т. Твардовский (1910–1971) 99. Василий Теркин *(Отрывок из поэмы)*

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне,
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.

Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.
Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну.

Взял шинель да, по присловью,
Смастерил себе постель,
Что под низ, и в изголовье,
И наверх, — и все — шинель.

Эх, суконная, казенная,
Военная шинель, —
У костра в лесу прожженная,
Отменная шинель.

Знаменитая, пробитая
В бою огнем врага
Да своей рукой зашитая, —
Кому не дорога!

Упадешь ли, как подкошенный,
Пораненный наш брат,
На шинели той поношенной
Снесут тебя в санбат.

А убьют — так тело мертвое
Твое с другими в ряд
Той шинелкою потертою
Укроют — спи, солдат!

Спи, солдат, при жизни краткой
Ни в дороге, ни в дому
Не пришлось поспать порядком
Ни с женой, ни одному...

На крыльцо хозяин вышел.
Той мне ночи не забыть:

— Ты чего?
— А я дровишек
Для хозяйки нарубить.

Вот не спится человеку,
Словно дома — на войне.
Зашагал на дровосеку,
Рубит хворост при луне.

Тюк да тюк. До света рубит.
Коротка солдату ночь.
Знать, жену жалеет, любит,
Да не знает, чем помочь.

1941–1945

100. За далью даль *(Отрывок из поэмы)*

Читатель!

Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой,
Все кряду слушать мастер дивный,
Неприхотливый, безунывный
(Не то что слушатель иной,
Что нам встречается в натуре:
То у него сонливый вид,
То он свистит, глаза прищуря,
То сам прорваться норовит).

Пусть ты меня уже оставил,
Загнув странички уголок,
Зевнул — хоть это против правил,
И даже пусть на некий срок
Вздремнул ты, лежа или сидя,
Устав от множества стихов, —
Того не зная и не видя,
Я на тебя и не в обиде:
Я сам, по слабости, таков.

Меня, опять же, не убудет,
Коль скажешь ты иль кто другой:
Не многовато ль, дескать, будет
Подряд материи такой,
Как отступленья, восклицанья
Да оговорок этих тьма?
Не стать ли им чрезмерной данью
Заветам старого письма?

Я повторю великодушно:
Не хлопочи о том, дружок, —
Читай, пока не станет скучно,
А там — бросай.
И я — молчок.
Тебя я тотчас покидаю,
Поникнув скромно головой.
Я не о том совсем мечтаю,
Чтоб был читатель волевой,
Что, не страшась печатной тины,
Вплоть до конца несет свой крест
И в силу самодисциплины
Что преподносят, то и ест.

Нет, мне читатель слабовольный,
Нестойкий, пуганый милей:
Уж если вник, — с меня довольно,
Горжусь победою моею,
Волнуясь, руки потираю:

Ты — мой.
И холод по спине:
А вдруг такого потеряю?
Тогда конец и горе мне.
Тогда забьюсь в куток под лавкой
И затаю свою беду.
А нет — на должность с твердой ставкой
В Союз писателей пойду...

1950–1960

М. А. Светлов (1903–1964) **101. Рабфаковке**

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы, —
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта, —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

В двадцать пять небольших свечей
Электрическая лампадка, —
Ты склонилась, сестры родней,
Над исписанною тетрадкой...

Громкий колокол с гулом труб
Начинают «святое» дело:
Жанна д'Арк отдает костру
Молодое тугое тело.

Палача не охватит дрожь
(Кровь людей не меняет цвета), —
Гильотины веселый нож
Ищет шею Антуанетты.

Ночь за звезды ушла, а ты
Не устала, — под переплетом
Так покорно легли листы
Завоеванного зачета.

Ляг, укройся, и сон придет,
Не томися минуты лишней.
Видишь: звезды, сойдя с высот,
По домам разошлись неслышно.

Ветер форточку отворил,
Не задев остального зданья,

Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья.

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Так же колокол ровно бил,
Затихая у барабана...
В каждом братстве больших могил
Похоронена наша Жанна.

Мягким голосом сон зовет.
Ты откликнулась, ты уснула.
Платье серенькое твое
Неподвижно на спинке стула.

1925

102. Гренада

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель
С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украина,
Не в этой ли ржи

Тараса Шевченко
Папаха лежит?
Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,

И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слышали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погода
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926

103. Песня мушкетеров *(Из пьесы «Двадцать лет спустя»)*

Трусов плодила
Наша планета,
Всё же ей выпала честь —
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть!

Другу на помощь,
Вызволить друга
Из кабалы, из тюрьмы —
Шпагой клянемся,
Шпагой клянемся,
Шпагой клянемся
Мы!

Смерть подойдет к нам,

Смерть погрозит нам
Острой косой своей —
Мы улыбнемся,
Мы улыбнемся,
Мы улыбнемся
Ей!

Скажем мы смерти
Вежливо очень,
Скажем такую речь:
«Нам еще рано,
Нам еще рано,
Нам еще рано
Лечь!»

Если трактиры
Будут открыты —
Значит, нам надо жить!
Прочь отговорки!
Храброй четверке —
Славным друзьям
Дружить!..

Трусов плодила
Наша планета,
Всё же ей выпала честь —
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть!

1940

104. Итальянец

Черный крест на труди итальянца,
Ни резьбы, ни узора, ни глянца, —
Небогатым семейством хранимый
И единственным сыном носимый...

Молодой уроженец Неаполя!
Что оставил в России ты на поле?
Почему ты не мог быть счастливым
Над родным знаменитым заливом?

Я, убивший тебя под Моздоком,
Так мечтал о вулкане далеком!
Как я грезил на волжском приволье
Хоть разок прокатиться в гондоле!

Но ведь я не пришел с пистолетом

Отнимать итальянское лето,
Но ведь пули мои не свистели
Над священной землей Рафаэля!

Здесь я выстрелил! Здесь, где родился,
Где собой и друзьями гордился,
Где былины о наших народах
Никогда не звучат в переводах.

Разве среднего Дона излучина
Иностранным ученым изучена?
Нашу землю — Россию, Расею —
Разве ты распахал и засеял?

Нет! Тебя привезли в эшелоне
Для захвата далеких колоний,
Чтобы крест из ларца из фамильного
Вырастал до размеров могильного...

Я не дам свою родину вывезти
За простор чужеземных морей!
Я стреляю — и нет справедливости
Справедливее пули моей!

Никогда ты здесь не жил в не был!..
Но разбросано в снежных полях
Итальянское синее небо,
Застекленное в мертвых глазах...

1943

Н. А. Заболоцкий (1903–1958) **105. Цирк**

Цирк сияет, словно щит,
Цирк на пальцах верещит,
Цирк на дудке завывает,
Душу в душу ударяет!
С нежным личиком испанки
И цветами в волосах
Тут девочка, пресветлый ангел,
Виясь, плясала вальс-казак.
Она среди густого пара
Стоит, как белая гагара,
То с гитарой у плеча
Реет, ноги волоча.
То вдруг присвистнет, одинокая,
Совьется маленьким ужом,
И вновь несется, нежно охая, —
Прелестный образ и почти что нагишом!
Но вот одежды беспокойство

Вкруг тела складками легло.
Хотя напрасно!
Членов нежное устройство
На всех впечатление произвело.

Толпа встает. Все дышат, как сапожники,
Во рту слюны навар кудрявый.
Иные, даже самые безбожники,
Полны таинственной отравой.
Другие же, сунув табак в пустую трубку,
Облизываясь, мысленно целуют ту
голубку,

Которая пред ними пролетела.
Пресветлая! Остаться не захотела!

Вой всюду в зале тут стоит,
Кромешным духом все полны.
Но музыка опять гремит,
И все опять удивлены.
Лошадь белая выходит,
Бледным личиком вертя,
И на ней при всем народе
Сидит полновесное дитя.
Вот, маша руками враз,
Дитя, смеясь, сидит анфас,
И вдруг, взмахнув ноги обмылком,
Дитя сидит к коню затылком.
А конь, как стражник, опустив
Высокий лоб с большим пером,
По кругу носится, спесив,
Поставив ноги под углом.

Тут опять всеобщее изумленье,
И похвала, и одобренье,
И, как зверок, кусает зависть
Тех, кто недавно улыбались
Иль равнодушными казались.

Мальчишка, тихо хулиганя,
Подружке на ухо шептал:
«Какая тут сегодня баня!»
И девку нежно обнимал.
Она же, к этому привыкнув,
Сидела тихая, не пикнув:
Закон имея естества,
Она желала сватовства.

Но вот опять арена скачет,
Ход представленья снова начат.

Два тоненькие мужика
Стоят, сгибаясь, у шеста.
Один, ладони поднимая,
На воздух медленно ползет,
То красный шарик выпускает,
То вниз, нарядный, упадет
И товарищу на плечи
Тонкой ножкою встает.
Потом они, смеясь опасно,
Ползут наверх единоголосно
И там, обнявшись наугад,
На толстом воздухе стоят.
Они дыханьем укрепляют
Двойного тела равновесье,
Но через миг опять летают,
Себя по воздуху развеся.

Тут опять, восторга полон,
Зал трясется, как кликуша,
И стучит ногами в пол он,
Не щадя чужие уши.
Один старик интеллигентный
Сказал, другому говоря:
«Этот праздник разноцветный
Посещаю я не зря.
Здесь нахожу я греческие игры,
Красоток розовые икры,
Научных замечаю лошадей, —
Это не цирк, а прямо чародей!»
Другой, плешивый, как колено,
Сказал, что это несомненно.

На последний страшный номер
Вышла женщина-змея.
Она усердно ползала в соломе,
Ноги в кольца завия.
Проползав несколько минут,
Она совсем лишилась тела.
Кругом служители бегут:
— Где? Где?
Красотка улетела!

Тут пошел в народе ужас,
Все свои хватают шапки
И бросаются наружу,
Имея девок полные охапки.
«Воры! Воры!» — все кричали.
Но воры были невидимки:

Они в тот вечер угощали
Своих друзей на Ситном рынке.
Над ними небо было рыто
Веселой руганью двойной,
И жизнь трещала, как корыто,
Летая книзу головой.

1928

106. Все, что было в душе

Все, что было в душе, все как будто опять потерялось,
И лежал я в траве, и печалью и скукой томим,
И прекрасное тело цветка надо мной поднималось,
И кузнечик, как маленький сторож, стоял перед ним.

И тогда я открыл свою книгу в большом переплете,
Где на первой странице растения виден чертеж.
И черна и мертва, протянулась от книги к природе
То ли правда цветка, то ли в нем заключенная ложь.

И цветок с удивленьем смотрел на свое отражение
И как будто пытался чужую премудрость понять.
Трепетало в листьях непривычное мысли движенье,
То усилие воли, которое не передать.

И кузнечик трубу свою поднял, и природа внезапно
проснулась,

И запела печальная тварь славословье уму,
И подобье цветка в старой книге моей шевельнулось
Так, что сердце мое шевельнулось навстречу ему.

1936

107. Признание

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не веселая, не печальная,
Словно с темного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжелые,

В эти черные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.

Что прибавится — не убавится,
Что не сбудется — позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

1957

108

Посредине панели
Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумертвый цветок.

Он лежал без движенья
В белом сумраке дня,
Как твое отраженье
На душе у меня.

1957

109. Это было давно

Это было давно.
Исхудавший от голода, злой.
Шел по кладбищу он
И уже выходил за ворота.
Вдруг под свежим крестом,
С невысокой могилы сырой
Заприметил его
И окликнул невидимый кто-то.

И седая крестьянка
В заношенном старом платке
Поднялась от земли,
Молчалива, печальна, сутула,
И, творя поминанье,
В морщинистой темной руке
Две лепешки ему
И яичко, крестясь, протянула.

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звезды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.

Это было давно.
И теперь он, известный поэт,
Хоть не всеми любимый,
И понятый также не всеми, —
Как бы снова живет
Обаянием прожитых лет
В этой грустной своей
И возвышенно чистой поэме.

И седая крестьянка,
Как добрая старая мать,
Обнимает его...
И, бросая перо, в кабинете
Все он бродит один
И пытается сердцем понять
То, что могут понять
Только старые люди и дети.

1957

Л. Н. Мартынов (1905–1980) **110. Вода**

Вода
Благоволила
Литься!

Она
Блистая
Столь чиста,

Что — ни напиться,
Ни умыться,
И это было неспроста.

Ей
Не хватало
Ивы, тала
И горечи цветущих лоз.

Ей
Водорослей не хватало
И рыбы, жирной от стрекоз.

Ей
Не хватало быть волнистой,
Ей не хватало течь везде.

Ей жизни не хватало —
Чистой,
Дистиллированной

Воде!

1946

111. Хор

На Маяковского я вышел
И в зал Чайковского вошел.
Там шел концерт...
    Я хор услышал.
Все было очень хорошо.

Все это было так прекрасно,
Великолепно до того,
Что обозначивалось ясно
Все внутреннее существо
Всех этих девушек, поющих
О мире будто бы другом
И будто бы не сознающих,
Что делается кругом,
И этих юношей, стоящих
С гармониками в руках,
Как будто бы не в настоящих,
А в прошлых днях, в былых веках...

Традиций сладостное бремя,
Ты не отягощаешь нас!
Мы рождены в былое время,
Чтоб жить вот именно сейчас,
И атмосферою исканий
Наполнен каждый коридор...

От сдержанных рукоплесканий
Заколебался мощный хор.
Поплыли от рукоплесканий
За сарафаном сарафан,
Как будто были не из тканей,
А — разноцветный целлофан.

А там, у входа в зал концертный,
Шагал вперед народ бессмертный
И слышалось звучанье хора,
Где счета нету голосам,
И, кажется, за дирижера
Там каждый был отчасти сам.

1957

Б. П. Корнилов (1907–1938) 112. Соловьяха

У меня к тебе дела такого рода,

что уйдет на разговоры вечер весь, —
затвори свои тесовые ворота
и плотней холстиной окна занавесь.
Чтобы шли подруги мимо,
парни мимо
и гадали бы и пели бы скорбя:
— Что не вышла под окошко, Серафима?
Серафима, больно скучно без тебя...
Чтобы самый ни на есть раскучерявый,
рвя по вороту рубахи алый шелк,
по селу Ивано-Марьину с оравой
мимо окон под гармонику прошел.
Он всё тенором,
всё тенором,
со злобой
запевал — рука протянута к ножу:
— Ты забудь меня, красавица,
попробуй...
Я тебе тогда такое покажу...
Если любишь хоть всего наполовину,
подожду тебя у крайнего окна,
постелю тебе пиджак на луговину
довоенного и тонкого сукна.
А земля дышала, грузная от жиру,
и от омута Соминого левей
соловьи сидели молча по ранжиру,
так что справа самый старый соловей.
Перед ним вода — зеленая, живая,
мимо заводей несется напролом —
он качается на ветке, прикрывая
соловьиху годовалую крылом.
И трава грозой весеннюю измята,
дышит грузная и теплая земля,
голубые ходят в омуте сомята,
поларшинными усами шевеля.
А пиявки, раки ползают по илу,
много ужаса вода в себе таит —
щука — младшая сестрица крокодилу —
неживая возле берега стоит...
Соловьиха в тишине большой и душной...

Вдруг ударил золотистый вдалеке,
видно, злой и молодой и непослушный,
ей запел на соловьином языке:
— По лесам,
на пустырях
и на равнинах

не найти тебе прекраснее дружка —
принесу тебе яичек муравьиных,
нащиплю в постель я пуху из брюшка.
Мы постелем наше ложе над водою,
где шиповники все в рóзанах стоят,
мы помчимся над грозою, над бедою
и народим два десятка соловьят.
Не тебе прожить, без радости старея,
ты, залетная, ни разу не цвела,
вылети же, молодая, поскорее
из-под старого и жесткого крыла.
И молчит она,
всё в мире забывая, —
я за песней, как за гибелью, слежу...
Шаль накинута на плечи пуховая...
— Ты куда же, Серафима?
— Ухожу. —
Кисти шали, словно перышки, расправя,
влюблена она,
красива,
нехитра —
улетела.
Я держать ее невправе —
просижу я возле дома до утра.
Подожду, когда заря сверкнет по стеклам,
золотая сгаснет песня соловья —
пусть придет она домой
с красивым,
с теплым —
меркнут глаз его татарских лезвия.
От нее и от него
пахнуло мятой,
он прощается
у крайнего окна,
и намок в росе
пиджак его измятый
довоенного и тонкого сукна.

1934

О. Ф. Берггольц (1910–1975) **113**

...Третья зона, дачный полустанок,
у перрона — тихая сосна.
Дым, туман, струна звенит в тумане,
невидимкою звенит струна.

Здесь шумел когда-то детский лагерь

на веселых ситцевых полях...
Всю в ромашках, в пионерских флагах,
как тебя любила я, земля!

Это фронт сегодня. Сотня метров
до того, кто смерть готовит мне.
Но сегодня — тихо. Даже ветра
нет совсем. Легко звучать струне.

И звенит, звенит струна в тумане...
Светлая, невидимая, пой!
Как ты плачешь, радуешься, манишь,
кто тебе поведал, что со мной?

Мне сегодня радостно до боли,
я сама не знаю — отчего.
Дышит сердце небывалой волей,
силою расцвета своего.

Знаю, смерти нет: не подкрадется,
не задушит медленно она, —
просто жизнь сверкнет и оборвется,
точно песней полная струна.

...Как сегодня тихо здесь, на фронте.
Вот среди развалин, над трубой,
узкий месяц встал на горизонте,
деревенский месяц молодой.

И звенит, звенит струна в тумане,
о великой радости моля...
Всю в крови,
                в тяжелых, ржавых ранах,
я люблю, люблю тебя, земля!

1942

В. С. Шефнер (род. в 1915 г.) **114. Зеркало**

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена.
И в облаках морозного тумана
Обугленная высится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,

Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась
И по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнем.

Но все пройдет.
И что бы ни случилось —
Враг никогда не отразится в нем!

Не зря в стекле тускнеющем и зыбком
Таится жизнь.
Не зря висит оно:
Еще цветам и радостным улыбкам
Не раз в нем отразиться суждено!

1942

115. Приземление

Земля, повернувшись к нам боком,
Всплывает, как рыба со дна.
В стекло герметических окон
Она через тучи видна.

Сквозь эту туманную млечность
Виднеется холм-бугорок

И воткнутая в бесконечность
Развилка шоссейных дорог.

Там башни скупых очертаний,
Дворов и садов чертежи,
Параллелепипеды зданий,
Пакгаузы и гаражи.

И что еще сердцу дороже
Всех этих дорог и камней!..
Летать над землею мы можем,
Но в небе скучаем о ней.

1958

П. Д. Коган (1918–1942) **116. Бригантина**

Песня

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза..
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись нас..
На прощанье подымай бокалы
Золотого терпкого вина.

Пьем за яростных, за непохожих,
За презревших грошевой уют.
Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристой,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза.
В флибустьерском, в дальнем море
Бригантина поднимает паруса.

Вьется по ветру веселый Роджер,
Люди Флинта песенку поют,
И, звеня бокалами, мы тоже
Запеваем песенку свою.

Надоело говорить, и спорить,
И любить усталые глаза..
В флибустьерском дальнем море

Бригантина подымает паруса...

1937

Д. С. Самойлов (род. в 1920 г.)
117. Свободный стих

В третьем тысячелетье
Автор повести
О позднем Предхиросимье
Позволит себе для спрессовки сюжета
Небольшие сдвиги во времени —
Лет на сто или на двести.

В его повести
Пушкин
Поедет во дворец
В серебристом автомобиле
С крепостным шофером Савельичем.

За креслом Петра Великого
Будет стоять
Седой арап Ганнибал —
Негатив постаревшего Пушкина.
Царь
Примет поэта, чтобы дать направление
Образу бунтовщика Пугачева.
Он предложит Пушкину
Виски с содовой,
И тот не откажется,
Несмотря на покашливание
Старого эфиопа.

— Что ж это ты, мин херц? —
Скажет царь,
Пяля рыжий зрачок
И подергивая левой щекой.
— Вот мое последнее творение,
Государь, —
И Пушкин протянет Петру
Стихи, начинающиеся словами
«На берегу пустынных волн...»
Царь пробежит начало
И скажет:
— Пишешь недурно,
А ведешь себя дурно, —
И, снова прицелив в поэта рыжий зрачок,
Добавит: — Ужо тебе!..

Он отпустит Пушкина жестом,

И тот, курчавясь, выскочит из кабинета
И легко пролетит
По паркетам смежного зала,
Чуть кивнувши Дантесу,
Дежурному офицеру.

— Шаркуны, ваше величество, —
Гортанно произнесет эфиоп
Вслед белокурому внуку
И вдруг улыбнется,
Показывая крепкие зубы
Цвета слоновой кости.

Читатели третьего тысячелетия
Откроют повесть
С тем же отрешенным вниманием,
С каким мы
Рассматриваем евангельские сюжеты
Мастеров Возрождения,
Где за плечами гладковолосых мадонн
В итальянских окнах
Открываются тосканские рощи,
А святой Иосиф
Придерживает стареющей рукой
Вечереющие складки флорентийского
плаща.

1972

118. Последние каникулы *(Отрывок из поэмы)*

Четырехстопный ямб
Мне надоел. Другьям
Я подарю трехстопный,
Он много расторопней...

В нем стопы словно стопки —
И не идут колóм.
И рифмы словно пробки
В графине удалом.

Настоянный на корках
Лимонных и иных,
Он цвет моих восторгов
Впитал, трехстопный стих.

И все стихотворенье
Цветет средь бела дня
Бесплотную сиренью
Спиртового огня...

И осень, которая вдруг началась
 Прилежно,
 Меня веселит на сей раз
 И тешит.
 Она мне настолько мила,
 Что надо
 На время оставить дела
 Земные...
 Шататься, и скуки не знать
 Осенней.
 Да кто это вздумал пенять
 На скуку!
 Ленивы мы думать о том,
 Что, может,
 Последняя осень последним листом
 Тревожит.

<1970–1974>

Что-то вылепится
 Из глины.
 Что-то вытешется
 Из камня.
 Что-то выпишется
 Из сердца.
 Будь как будет!
 Не торопись!..

<1970–1974>

121. Подражание Феокриту

Песню запойте для нас, милые Музы!
 Лепит понтийский закат тень на вершине.
 Воздухом нежной зимы пахнут арбузы,
 Медом осенней зари — спелые дыни.

Песню запойте для нас, милые Музы!
 В час, когда примет волна цвет апельсина,
 В час, когда к козьей тропе выйдут Отузы,
 Песню запойте для нас кратко и сильно.

Песню запойте для нас, милые Музы!
 Медь ядовитых высот солнце чеканит.
 Вместе с вечерней зарей сбросим обузы,
 Все, что тревожило нас, в вечности канет.

Но еще видно, как там, на перевале,
Вывесил цепкий кизил алые бусы.
Вспомните, как в старину вы нам певали,
Песню запойте для нас, милые Музы!

<1970–1974>

С. С. Орлов (1921–1977) 122

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзoley земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзoley...

1944

С. П. Гудзенко (1922–1953) 123. Перед атакой

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
  можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою —
час ожидания атаки.
Снег минами изрыт вокруг
и почернел от пыли минной.
Разрыв —
и умирает друг.
И, значит, смерть проходит мимо.
Сейчас настанет мой черед.
За мной одним
  идет охота.
Тяжелый
  сорок первый год
и вмерзшая в снега пехота.
Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.

Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.
Но мы уже
                                  не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
окоченевшая вражда,
штыком дырявящая шею.
Бой был короткий.
                                  А потом
глушили водку ледяную,
и выковыривал ножом
из-под ногтей
                                  я кровь чужую.

1942

124. Трансильванская баллада

Как поленья бьет колун,
с шумом из-за гор
через город Кымпелунг
мины колют бор.

Сосны в щепы.
                                  Бахромой
разукрашен дуб.
Заползает волк хромой
в опустевший сруб.

Наступаем день и ночь,
ночь и снова день.
Чтоб добить, дотолочь,
нам шагать не лень.

Занят Деж,
занят Клуж,
занят Кымпелунг.
...Нет надежд.
Только глушь.
Плачет нибелунг.

Жил саксонский колонист,
жил совсем недурно.
Нивам, немец, поклонись,
небесам лазурным.

Прощайся с чужой,
с щедрой землей,
Ты уже неживой,
пахнешь золой.

<1959>

126. Стриптиз

В ревью

танцовщица раздевается дуря...

Реву?..

Или режут мне глаза прожектора?

Шарф срывает, шаль срывает, мишуру.

Как сдирают с апельсина кожуру.

А в глазах тоска такая, как у птиц.

Этот танец называется «стриптиз».

Страшен танец. В баре лысины и свист,

Как пиявки,

глазки пьяниц налились.

Этот рыжий, как обляпанный желтком.

Пневматическим исходит молотком!

Тот, как клоп, —

апоплексичен и страшон.

Апокалипсисом воет саксофон!

Проклинаю твой, Вселенная, масштаб,

Марсианское сиянье на мостах,

Проклинаю,

обожая и дивясь.

Проливная пляшет женщина под джаз!..

«Вы Америка?» — спрошу, как идиот.

Она сядет, сигаретку разомнет.

«Мальчик, — скажет, — ах, какой у вас акцент!

Закажите мне мартини и абсент».

<1962>

127. Рублевское шоссе

Мимо санатория

Рекют мотороллеры.

За рулем влюбленные —

Как ангелы рублевские.

Фреской Благовещенья,

Резкой белизной

За ними блещут женщины,

Как крылья за спиной!

Их одежда плещет,

Рвется от руля,

Вонзайтесь в мои плечи,
Белые крыла.

Улечу ли?

Кану ль?

Соколом ли?

Камнем?

Осень. Небеса,

Красные леса.

<1962>

128. Монолог рыбака

«Конечно, я не оратор,

подкованный философски,

но

ратую

за тех, кто берет лосося!

Бывали вы в нашем море,

магнитнейшем из морей?

Оно от лимонных молний

кажется лиловей!

Мотаются мотоботы,

как уголь, горит вода —

работа!

работа!

Все прочее — лабуда.

Мы боги, когда работаем,

просвечены до волос,

по борту,

по борту,

как лампы, летит лосось.

Да здравствует же свобода,

нужнейшая из свобод,

работа,

работа —

как праздничный ледоход.

Работа, работа...

И так же не спят с тобой

смородины и самолеты,

гудящие над землей,

ночные составы в саже

несутся тебе под стать,

в них машинисты всажены —

как нож по рукоять!

И где-то над циклотроном

загадочный, как астроном,
сияя румяной физией,
считая свои дробя,
Вадик Клименко,
физик,
вслушивается в тебя.
Он, как штангист, добродушен,
но Вадика не тревожь —
полет звездопадов душных,
расчет городов и роц
дрожит часовым механизмом
в руке его здоровенной —
не шизики —
а физики
герой нашего времени!..

...А утром, закинув голову,
вам милая шепчет сон,
и поры пронзит иголочками
серебряными
озон...
Ну, впрочем, я заболтался.
Ребята ждут на баркасе...»

Он шел и смеялся щурко.
Дрожал маяк вдалеке —
он вспыхивал, как чешуйка
у полночи на щеке.

<1964>

А. С. Кушнер (род. в 1936 г.) 129. Гофман

Одну минуточку, я что хотел спросить:
Легко ли Гофману три имени носить?
О, горевать и уставать за трех людей
Тому, кто Эрнст, и Теодор, и Амадей.
Эрнст — только винтик, канцелярии юрист,
Он за листом в суде марает новый лист,
Не рисовать, не сочинять ему, не петь —
В бюрократической машине той скрипеть.

Скрипеть, потеть, смягчать кому-то приговор.
Куда удачливее Эрнста Теодор.
Придя домой, невозмогая боль в плече,
Он пишет повести ночами при свече.
Он пишет повести, а сердцу все грустней.
Тогда приходит к Теодору Амадей,

Гость удивительный и самый дорогой.
Он, словно Моцарт, машет в воздухе рукой...

На Фридрихштрассе Гофман кофе пьет и ест.
«На Фридрихштрассе», — говорит тихонько Эрнст.
«Ах нет, направо!» — умоляет Теодор.
«Идем налево, — оба слышат, — и во двор».
Играет флейта еле-еле во дворе,
Как будто школьник водит пальцем в букваре.
«Но все равно она, — вздыхает Амадей, —
Судебных записей милей и повестей».

<1966>

130. Дунай

Дунай, теряющий достоинство в изгибах,
Подобно некоторым женщинам, мужчинам,
Течет, во взбалмошных своих дубах и липах
Души не чая, пристрастясь к веселым винам.

Его Бавария до Австрии проводит,
Он покапризничает в сумасбродной Вене,
Уйдет в Словакию, в ее лесах побродит
И выйдет к Венгрии для новых впечатлений.

Всеобщий баловень! Ни войны, ни затмения
Добра и разума не омрачают память,
Ни Моцарт, при смерти просивший птичье пенье
В соседней комнате унять и свет убавить.

Вертлявый, влюбчивый, забывчивый, заросший
В верховьях готикой, в низовьях камышами.
И впрямь что делал бы он с европейским прошлым,
Когда б не будущее, посудите сами?

Что ж выговаривать и выпрямлять извивы,
Взывать к серьезности, — а он и не старался!
А легкомыслие? — так у него счастливый
Нрав, легче Габсбургов, и долго жить собрался.

<1978>

Примечания

Демьян Бедный. **1** Я в 6–3. **2** Я в 6–2.

В. В. Маяковский. **3** Акц ранний, 4-ударник. Рифма точная. **4** Акц неурегулированный, столбик. **5** Ткт в 4–1, неурегулированный, столбик, составная рифма. **6** X4, А'А'. Однокоренные рифмы — неологизмы. **7** Ткт в 5–2, (АБ'АБ'). Составные рифмы. **8** ПС Ткт4 и Ткт3, нетожд. 4-ст. Маршевый ритм. **9** Дк3, нетожд. 2-ст, последнее — Дк 4. **10** Ткт 4, неурегулированный (интервалы 0–3), нетожд. 4-ст; неточные рифмы. **11** ПМК: Дк 4343, (абаб); X в 56,

(АБАБ). **12** Акц 4441 (иногда вместо 4–3), рифмовка перекрестная, рифмы неточные. **13** ПС: ЯЗ, 4335 (последний стих с внутренней рифмой), Я 4343, ЯЗ. Рифмовка перекрестная, рифмы от ж до гд. **14** ПМК из классических размеров: Х4, (ААББ); Ан 221, (ааа); Х 4343, (АБАБ); ЯЗ, (АА'); Х 4343, (АБ'АБ); ЯЗ, (А'А'); Х 4343, (аБ'аБ); Х4 цус-Х4 (аа); Х4, (аБаБ). **15** Х в 8–4, 4-й стих 1-стопный, перекрестные 4-ст. **16** ПМФ от ДкЗ к ТктЗ, последнее 2-ст Х4; рифмовка смежная, рифмы ж и д. **17** ПМК: Дк 4342, (аБаБ); Х4, (АБАБ); Дк4, (АА); Х4, вольн. рифм; Я4, вольн. рифм. Единичные нарушения размеров. **18** Акц, преимущественно 4-ударник. **19** <I> Тпа, (АБАБ); Я в 8–5, (аБ'аБ'). <II> Я 5566, аБаБ. <III> ДкЗ, (аа); Дк4, (АБА'Б).

По изд.: **Маяковский В.** Полн. собр. соч. Т. I–X. М., 1955–1958.

Н. Н. Асеев. **20** ПМК: ПМФ от Ткт к Акц, нетожд. 4-ст; Я4, АБАБ. **21** Лог; ДкЗ, форма III; в последнем 4-ст — ДкЗ разных форм, нетожд. 4-ст. **22** Я4, нетожд. 4-ст. Диссонансы, внутренние рифмы. **23** ПМК сложная. В отдельных кусках панторим. **24** Формально Дпа ХЯХЯ, по сути — Х7, ц д, полустушия зарифмованы, А'БА'Б. **25** ПМФ от Ткт к Лог; –2–1– — или –2–2– —, такова схема первых трех стихов 4-ст (если не делить его на зарифмованные подстроичия); 4-й стих укорочен. Рифмуются между собой короткие подстроичия, все рифмы м. **26** Я5, ц на 3-й стопе, подчеркнутая «лесенкой», (А'БА'Б). В предпоследнем и последнем 4-ст перебои. **27** ПМФ от Ткт4 к Лог; –3–2–1– или –2–2–1–, (аа), в конце 4-го строфоида — перебой; 5-й — Ткт. **28** Ткт2, «маршеобразный», А'А'Х'Б ВВХБ (рифмы д могут заменяться ж). **29** Х 4242, (АБ'АБ'), одно 4-ст Х4, (АБАБ) в четных стихах — цус. Игра виртуозными рифмами.

К. И. Чуковский. **30** ПеIII З, (аа), веселый. **31** ПМК. Частая смена коротких кусков, всегда мотивированная: смена тем, реплик и т. д.

По изд.: **Чуковский К.** Собр. соч. Т. I. М., 1965.

С. Я. Маршак. **32** Я5 бц, шекспировская форма сонета, рифмы м. **33** Я 444242, ааабаб. **34** Я5 бц, аБ'аБ'. **35** Я5 бц, вольн. рифм.

По изд.: **Маршак С.** Сочинения. Т. II–III. М., 1958–1959.

Б. Л. Пастернак. **36** АнЗ, АБАБ. Шесть трибрахий (четверть всех стихов). **37** Х6, необычная ц на 5-м слоге, АБАБ. **38** ПМФ от Тпа 4 к Дк4, нетожд. 4-ст, три трибрахия; первые два стиха повторяются дважды с одним сдвинутым словом; 1-й стих еще раз в заключительном 4-ст. **39** Ан 2323, аБаБ, неточные рифмы. **40** Х4, спаренные строфы: АБВг, АБВг. **41** Лог строфический б, 3-ст: каждый стих начинается ХЗ ц м или д; в 1-м стихе второе полустушиие ХЗ, во 2-м три односложных слова (или два, в сумме три слога); 3-й стих короткий; клаузулы Х'хх. **42** а) 4 и 5 — Ан в 7–3, вольн. рифм, б) 6 Амф4, четыре трибрахия; перекрестное 4-ст, четные рифмы ж, нечетные д, гд и неравносложные; неточные. рифмы, в) 7 Я в 10–6, строфический, АБАБ. **43** Я 65 неурегулированный, аБаБ. 4-й стих — в середине три пиррихия подряд. **44** Я4, пять 8-ст на те же три рифмы: аББааВВа. Последний стих строфы — рефрен. **45** Я4, ритм традиционный, как в XIX в., АБАБ. **46** Я4, ритм необычный: 4 стиха формы VII, 7 — формы III и 2 — формы V.

М. И. Цветаева. **47** Лог; Я4 + односложное слово, его выделенность подчеркнута знаком тире; 4-ст аааа. **48** Акц, 6-ст 444433 (последняя строфа — Акц 4), ааббвв. **49** Лог; ДкЗ, форма III, последний стих — форма V; А'Б'А'Б'. **50** Лог; Ан1 + Д2, б, 4-ст ХХХХ, пауза между ударениями выделена знаком тире; сквозной синтаксический параллелизм. **51** ДкЗ, «цветаевский» тип: только формы III и V, аБаБ. **52** Дк4, б нагнетение 7- и 6-сложных слов, хххх. **53** ПМК: ХЗ, абаб; в середине 6-ст: 2-ударник (синтаксический параллелизм двух гипердактилических акцентных групп), А"А"Б"Б"В"В". **54** ЯЗ, аБВаБВ...гг. **55** ПМФ от ДкЗ па урегулированного к ТктЗ, аБаБ. Трибрахий на равных правах с V формой ДкЗ. **56** ПМФ от Тк к Акц, 7 рифм в 5 стихах, включая внутренние. **57** Лог строфический: нечетные стихи ДЗ, четные — 4–2 — 1, АА. **58** Лог; ДкЗ. форма III, аабб.

С. А. Есенин. **59** ПеIII 3, аа. **60** X6, ц, аа. **61** Ткт 3, неурегулированный (интервалы 3–0), АБАБ. **62** Дк3, «есенинский» тип, формы I, III, абаб. **63** Акц3, нетожд., перекрестные 4-ст, неравносложные рифмы. **64** Акц4, интервалы 0–4; неразделенные, перекрестные нетожд. 4-ст. **65** Дпа, неразделенные перекрестные 4-ст, четные стихи м, нечетные ж или д. **66** Стилизация народного стиха: 5-сл с вариациями (два стиха Ан2), вольн. рифм., преобладание д. **67** Ан3, 5-ст, венки строф, кольцо стихотворения. **68** Д3, нетожд. 5-ст, кольцо строф с вариациями: в 3-й и 4-й строфах повторяется второй стих, в 5-й — третий. **69** X5 (первая и последняя строфы начинаются X6, последняя — перебой: X 6655), нетожд. 4-ст из двух пар рифм, два последних стиха повторяются рефреном (кроме 4-й строфы). **70** X6 цн с отдельными отступлениями и синкопами, нетожд. 2-ст А'А и АА. **71** Дк4 ц ж, АА; в каждом 2-ст один стих — параллелизм полустуший. **72** ПМФ от Ткт к Акц, преобладает чередование 5- и 4-ударников, разделенных на подстроchia с рифмовкой АБАБ.

По изд.: **Есенин С.** Собр. соч. Т. I–IV. М., 1961–1962.

Э. Г. Багрицкий. **73** X4 б, XXXх. **74** Дк 4343, б, м, неурегулированный; в трехдольных стихах, в форме V, часто встречается 3-сложный интервал вместо 4-сложного; все окончания м. **75** X 4343, в 3-стопных стихах часты синкопы — сдвиг ударений на соседний слог. 4-ст (АБАБ) неупорядочно чередуются с (ХБХБ). **76** Дк4, АА. **77** ПМФ: от Амф4 к Тпа4 и Дк4; стихи разделены пополам подстроchiaми, (АА). **78** Амф3, наряду с трибрахией (*Вращается как на осей*) встречается на тех же правах V форма Дк3 (*Копейками чешуй, Он пойман и приручен*). Ср. с трибрахией вместо V формы в Дк3 (V, **55**). **79** Дк4343, концовка 44, трибрахий вместо 4-сложного интервала (*Он трудится не покладая рук*).

Н. С. Тихонов. **80** Ткт 4 неурегулированный, аа. **81** Ткт 4 неурегулированный ПМФ к Акц аа.

По изд.: **Тихонов Н.** Двенадцать баллад. Л., 1925.

И. Л. Сельвинский. **82** Ткт3, (АБАБ). **83** Имитация ритма вальса и цыганского романса под гитару (см. примечание к V, 85). **84** Ткт неурегулированный (интервалы 3–0), нетожд. 4-ст. **85** Имитация песни. Авторские знаки объясняют, как надо декламировать (петь?) стихотворения. «Вопросительный знак — есть знак повышения тона... Если перенести (ударение. — В. Х.) на неударяемый слог и подчинить ритмическому кадансу — оно... дает песню... Песне свойственны придыхания и вставка артикуляционных подзвуков... Нужно ввести звук „h” (латинское придыхательное) и... глухие гласные между двумя согласными и растянутую... гласную же. Примеры:

1) Ёхали казà-на?-ки чубы пà губàм

2) Нночь-чи? Со́н-ы. Прох?ла́дыда

(„Цыганский вальс на гитаре”)

(**Госплан** литературы. Сборник литературного центра конструктивистов. М.; Л., <1924?>). **86** Ткт4, нетожд. 4-ст, рифмы неточные, последняя пара — омонимическая. **87** Экспериментальный сонет из односложных слов.

А. А. Прокофьев. **88** Я3, нетожд. 4-ст: четные стихи м, нечетные ж или д. Частушечный строй. Преобладают неточные рифмы. **89** Ткт в 7–3; иногда стих разбит на подстроchia, (АБАБ), рифма неточная. **90** ПМК: Дк7 неурегулированный (3-й стих Дк6); Я7 ц м (4 + 3); (аа); кольцевая композиция: 3-й в 4-й стихи повторяются в конце. **91** ПС: X4 и X3 в различных сочетаниях, в том числе X4 цус (*А зимой, а зимой*), вольн. рифм., неточные рифмы. **92** Частушечный стих, основа — Я 4242; рифмы песенные, включая составные (*на два годá — ягода*).

По изд.: **Прокофьев А.** Избранное. М., 1947.

А. А. Сурков. [93](#) ПеIII 3, аабб; симметричная композиция. [94](#) АнЗ, абаб. Песня, названная «Землянка», была одной из самых популярных во время Великой Отечественной войны. Симметричная композиция; начальная строфа задает тему: два стиха — зачин, 3-й и 4-й — «я» и «ты»; средние строфы делятся тематически пополам: «ты» — «я». Заключительная композиционно подобна первой: два стиха — землянка, но два последние — только «я» (моя любовь). Интересно, что безымянный автор, народ, усовершенствовал композицию, изменив последний стих: «От *твоей* негасимой любви»; тематическое кольцо замыкается: землянка — я — ты. [95](#) ДкЗ, АБАБ, «акмеистский» тип Дк.

По изд.: **Сурков А.** Избранные стихи. М., 1947.

М. В. Исаковский. Все три приведенных здесь стихотворения стали популярными песнями, у всех трех — симметричная песенная композиция. [96](#) Х4, ХаХа, рефрен Амф2, АА. [97](#) Х5, АБАБ. [98](#) АнЗ, АБАБ; кольцевая композиция (два стиха обрамляют стихотворение). Ср. размер, строфу, композицию с «Тройкой» Некрасова (III, [51](#)).

А. Т. Твардовский. [99](#) ПС. В этом отрывке в обычный в поэме Х4, АБАБ, вставлен песенный кусок, формально — Дпа урегулированный; Х4 д-ЯЗ м-Х4 д-ЯЗ м; по существу — Х8 ц д, полустушия зарифмованы А'БА'Б (ср. V, [24](#)). [100](#) Я4, эпический, вольн. рифм., преобладает (АБАБ).

По изд.: **Твардовский А.** Поэмы. Пермь, 1973.

М. А. Светлов. [101](#) ДкЗ, «цветаевский» тип, аБаБ. [102](#) Амф2, (ХаХа); изредка перебойные стихи Д2. [103](#) Д 2232221, ХХаБББа; в каждом 7-ст 4-й стих утроен. Строфа, по существу, песенно симметрична, так как 6-й и 7-й стихи образуют вместе ДЗ, подобный 3-му, хотя они разделены рифмами и интонацией (ср. II, [38](#)). [104](#) АнЗ, нетожд. 4-ст из двух пар смежной рифмовки; концевая строфа АБАБ.

Н. А. Заболоцкий. [105](#) Зыбкий метр, в основе Я4, на втором месте Х4, многочисленные перебои; вольн. рифм., рифмы ж и м. [106](#) Ан5 обыкновенный, АБАБ. [107](#) ДкЗ своеобразный: много V форм, все — в виде сдвоенного «кольцовского» 5-сл, А'Б'А'Б'. [108](#) Ан2, АБАБ, популярный размер (в частности, в песнях), как и его вариант А'БА'Б. [109](#) Ан5, разделенный на подстроchia (2 ударения + 3), бц, вследствие чего создается обманчивое впечатление, будто Ан чередуется с Амф и Д; аБаБ.

Л. Н. Мартынов. [110](#) Я4, разделенный на мелкие подстроchia, АБАБ. [111](#) Я4, расшатанный: один стих V формы (*Ты не отягоща́ешь нас*), два VII формы с пропущенным слогом (*Что де́лается кругом; С гармо́никами в рука́х*) (АБАБ), последняя строфа (ААБвБв).

По изд.: **Мартынов Л.** Новая книга. М., 1962.

Б. П. Корнилов. [112](#) ПеIII 3 необычный: при традиционной теме и песенной симметричной композиции — неразделенное 4-ст, (АБАБ).

О. Ф. Берггольц. [113](#) Х5, АБАБ. Популярный в этот период размер. Неточные рифмы.

По изд.: **Берггольц О.** Избр. произведения. Т. I. Л., 1967.

В. С. Шефнер. [114](#) Я5 бц, АБАБ. Популярный в русской поэзии после Пушкина размер. Редкие подстроchia. [115](#) АмфЗ, АБАБ; три трибрахия: два на 2-й стопе (*И вóткнутая в бесконéчность; Пакга́узы и гаражи́*) и один редкий — на 1-й (*Параллелепíпеды зда́ний*).

По изд.: **Шефнер В.** 1) Стихи. М.; Л., 1960; 2) Стихотворения. Л., 1965.

П. Д. Коган. [116](#) Х5, АБАБ. Симметричная песенная композиция строфы. Кольцо стихотворения: 3-й и 4-й стихи первой строфы; эти стихи — метрический курсив: 3-й — Х4, 4-й — Х6.

Д. С. Самойлов. [117](#) Свободный стих; стихи от 1 до 5 слов. [118](#) ЯЗ, нетожд. 4-ст, рифмы ж и м. Начало — измененный ритмически первый стих «Домика в Коломне» Пушкина (II, [43](#)); стих Я5 превращен в ЯЗ. [119](#) Амф 3131, нетожд. 4-ст: (аХаХ) и последующие (аБаБ); метрическое

кольцо: первый и последний длинные стихи — Амф4. [120](#) Тпа1, б, Х"ХХ"ХХ"ХХх.[121](#) Лог античный.

По изд.: **Самойлов Д.** Волна и камень. М., 1974.

С. С. Орлов. [122](#) Я4, (абаб), традиционный.

По изд.: **Орлов С.** Третья скорость. Л., 1946.

С. П. Гудзенко. [123](#) Я4, (аБаБ), неупорядоченно разделенный на подстроchia, то столбиком, то лесенкой. [124](#) X 4343, расшатанный, разделенный на подстроchia, (абаб), кроме одного 4-ст аБаБ.

По изд.: **Гудзенко С.** Стихи и поэмы. М., 1956.

А. А. Вознесенский. [125](#) Амф неурегулированный: чередование коротких Амф1 и длинных Амф 7–5; монорим, рифмы корневые. [126](#) ПеIII 3, начало — 4-ст: Я1-ПеIII 3-Я1-ПеIII 3, аа. [127](#) Дпа3, вольн. рифм. [128](#) ПМФ от Ткт к Акц. Своеобразное 4-ст: первые два стиха печатаются как один, но лесенкой; при этом только во вторых стихах встречаются 4-сложные интервалы между ударениями: нетожд. строфы, преобладают перекрестные 4-ст.

По изд.: **Вознесенский А.** 1) Треугольная груша, М., 1962; 2) Антимирь. М., 1964.

А. С. Кушнер. [129](#) ПеIV 3, ааббввгг. [130](#) Я6, бц, АБАБ.

По изд.: **Кушнер А.** 1) Ночной дозор. М.; Л., 1966; 2) Голос. Л., 1978.

VI. Приложение

Досиллабический и силлабический стих

Древнерусская книжность не знала стихотворства. В отдельные произведения проникали элементы стиха фольклорного — песен, поговорок; признаки стихотворной организации иногда заметны во фрагментах богослужения, но молитвословный стих еще мало изучен. Лишь в XVII в. начинает развиваться литературный стих. В нем отчетливо прослеживаются две различные струи.

Одна — анонимная демократическая поэзия, опирающаяся на фольклор. Один ее вид восходит к исторической песне, духовному стиху (VI, [1](#)) — это преимущественно 3-ударный тактовик {Гаспаров, [352–371](#)}, в котором рифма появляется время от времени как следствие синтаксического параллелизма, но организующей роли не играет. Другой вид, в сатирических произведениях, восходит к скоморошьим прибауткам, к раёшному стиху (VI, [2](#)). Это стих рифмованный, со смежной рифмой, причем рифмующаяся пара всегда составляет синтаксическое единство — именно поэтому в приведенном здесь «Сказании...» зарифмованная пара писалась в одну строчку. Созвучие может быть и точным (попом — дураком), и весьма отдаленным (зделалоя — учинилося); вернее, точная рифма — частный случай допустимого

созвучия. Количество ударений в стихе непостоянно, как и слоговой объем. Традицию именно такого стиха подхватил Пушкин в «Сказке о попе и о работнике его Балде».

Другая струя — поэзия книжников, просвещенных людей, преимущественно духовенства. Их произведения большей частью дидактичны, связаны с церковной культурой или же являются стихотворными посланиями. Примыкают к ним по содержанию и произведения образованных «мирян» {[Панченко, 26–62](#)}.

Ранний стих XVII в. (VI, [3](#)) имеет черты сходства с раёшным стихом: это стих фразовый, со смежной рифмой и тесной синтаксической связью рифмующихся пар. Рифма почти всегда грамматическая, как следствие синтаксического параллелизма, созвучие может быть приблизительным. Количество ударений и слогов в стихе тоже неопределенно.

Во второй половине XVII в. трудами Симеона Полоцкого утверждается силлабическая система стихосложения, главный признак которой — равносложность стихов. Наиболее употребительные размеры — цезурованные 13-сложник (7 + 6) (VI, [5, 7](#)) и 11-сложник (5 + 6) (VI, [6](#)). Реже встречаются 8-сложник и другие размеры.

Как мог на три четверти столетия утвердиться силлабический стих с неопределенным количеством ударений? Наиболее правдоподобной представляется гипотеза Б. В. Томашевского: большинство стихотворцев — лица духовные; вероятно, стихи декламировались на лад обычного при богослужении речитатива, в котором слоги выравниваются по силе произношения и сходит на нет различие между ударными и безударными.

С таким особым стилем произношения стихов связаны и поражающие наш слух разноударные рифмы: себе — по потребе, на́учится — роди́тся, глаго́лати — рассу́жда́ти и т. п. (VI, [5, 6, 7](#)) {[Томашевский, 98–101](#); [Панченко, 209–233](#)}. Однако под влиянием польской поэзии, в которой силлабика утвердилась с XVI в., преобладает женская рифма.

Сохраняется грамматическая рифма. Синтаксическая связь рифмующихся стихов подчеркивалась графикой: первый стих писался с прописной буквы, второй, рифмующийся, — со строчной и с отступом.

Популярны были акrostихи; в конце стихотворения Германа «Ангелскую днесь вси радость...» (VI, [4](#)) начальные буквы (кроме рефрена) составляют фразу: «Герман сие написа».

В первой трети XVIII в. силлабика достигает вершины своего развития и претерпевает кризис. Новое светское содержание приходит в противоречие с церковно-речитативной декламацией. Короткий 8-сложник заметно тонизируется; «За Могилою Рябою» Феофана Прокоповича (VI, [8](#)) звучит почти чистым хореем, что особенно ясно слышно при сравнении с 8-сложником Германа (VI, [4](#)). Феофан экспериментирует и с рифмовкой: «За Могилою Рябою» написано тройными созвучиями, а «Плачет пастушок...» (VI, [9](#)) — первая в XVIII в. перекрестная рифмовка, к тому же неравных стихов: чередуются 10-сложники (5 + 5) и 4-сложники.

А. Д. Кантемир в своих сатирах раскрепостил силлабический стих, освободил его от обязательной синтаксической связи зарифмованных строк, допускал переносы, и, как следствие, у него появились разнородные рифмы: мно́ги — но́ги, де́ти — разу́мети и т. п. (VI, [10](#)). Однако стопной теории и практики Третьяковского он не принял, упорядочив лишь ударения перед цезурой: в отличие от Симеона, у которого преобладали женские предцезурные окончания, Кантемир во второй редакции сатир допускал только мужские и дактилические. Это была запоздалая полумера. В поэзии Кантемира русский силлабический стих достиг вершины и на этом прекратился.

Анонимная демократическая поэзия, восходящая к фольклору

1. Повесть о Горе и Злосчастье (Отрывок)

Наживал молодец пятьдесят рублей,
залез он себе пятьдесят друзей,
честь его яко река текла.
Друговя к молодцу прибивалися —
<в> род-племя причиталися.
Еще у молодца был мил н<a>дежен друг,
назвался молодцу названой брат,
прельстил его речми прелестными,
зазвал его на кабацкой двор,
завел его в избу кабацкую,
поднес ему чару зелена вина
и кружку поднес пива пьяного,
сам говорит таково слово:
«Испей ты, братец мой названой,
в радость себе и в веселие и во здравие,
испей чару зелена вина,
запей ты чашею меду сладкого.
Хошь и упьешься, братец, допьяна,
ино где пил, тут и спать ложися.
Надейся на меня, брата названого,
я сяду стеречь и досматривать.
В головах у тебя, мила друга,
я поставлю кружку ишему сладкого,
вскрай поставлю зелено вино,
близ тебя поставлю пиво пьяное,
сберегу я, мил друг, тебя накрепко,
сведу я тебя ко отцу твоему и матери».
В те поры молодец понадеяся на своего брата
названого,
не хотелося ему друга послушаться,
принимался он за питья за пьяные
и испивал чару зелена вина,
запивал он чашею меду сладкого,
и пил он, молодец, пиво пьяное.
Упился он без памяти
и где пил, тут и спать ложился,
понадеялся он на брата названого.
Как будет день уже до вечера, а солнце
на западе,
от сна молодец пробужается,
в те поры молодец озирается:
а что сняты с него драгие порты,
ч<и>ры и чулочки все поснимано,
рубашка и портки все слуплено
и все собина у его ограблена,
а кирпичек положен под буйну его голову,

он накинут гункою кабацкою,
в ногах у него лежат лапотки-отопочки,
в головах мила друга и близко нет.
И вставал молодец на белые ноги,
учал молодец наряжаться,
обувал он лапотки-<отопочки>,
надевал он гунку кабацкую,
покрывал он свое тело белое,
умывал он лицо свое белое.
Стоя молодец закручинился,
сам говорит таково слово:
«Житие мне бог дал великое,
ясти-кушати стало нечего,
как не стало деньги ни полуденьги,
так не стало ни друга не полдруга,
род и племя отчитаются,
все дружи прочь отпираются»...

2. Сказание о попе Саве и о великой его славе (Отрывок)

Послушайте, миряне и все православные христиане,
что ныне зделалось, великое чудо учинилось
над долгим попом, над прямым дураком,
от Козмы и Дамияна из-за реки, а в приходе у него
богатые мужики.

А зовут его, попа, Савою да не мелок он славою.
Аще живет и за рекою, а в церкву ни ногою.
Люди встают — молятся, а он по приказам волочится,
ищет, с кем бы ему потегаться и впредь бы ему с ним
не видаться.

Да он же по площади рыщет, ставленников ищет
и много с ними говорит, за реку к себе манит:
у меня-де за рекою стойте, а в церкви хотя и не пойте,
я-де суть поп Сава, да немалая про меня и слава.
Аз вашу братью в попы ставлю, что и рубашки на вас
не оставлю.

Сам я, Савушка, хотя и наг пойду, а вас что бубнов
поведу.

Людьми он добрыми хвалится, а сам от них пятится,
как бы обмануть и за Москву-реку стянуть.
По тех мест он ставленников держит, как они деньги
все издержут,
а иных домой отпускает и рукописание на них взимает,
чтоб им опять к Москве приползти, а попу Саве винца
привезти.

А хотя ему кто и меду привезет, то с радостью
возьмет
И испить любит, и как все выпьет, а сам на них

рыкнет:
«Даром-де у меня не гуляйте, подите капусту поливайте».
А когда он изволит спать, а ставленникам прикажет баню
топить.
И как над ними наругался, только сам в беду попался.
Когда жена ему говорила и о всем ему предвозвестила:
«Лихо-де им от тебя ныне потерпеть, а после-де и сам от
них станешь...
Сколько тебе, Савушка, не жить, а головою своею
наложить.
Добро бы тебе от церкви не отбыть и смертны час
не забыть.
Глас божи — глас народа. Где твоя, Савушка, порода?
Хотя тебе непригоже, тут твоя и рожа.
Сколько ты ни плутал, а ныне на цепь попал.
Добро бы тебе не воровать и добрых людей ворами
не называть».
Ставленников посылает обедни служить, а сам на постели
лежит.
Кто к сему подобно не творит, тот все головою наложит,
кто друга съедает, тот всегда сам пропадает,
а кто за ябедою гоняется, тот скоро от нее погибается.
А кто за крамою ходит и как ему не вспитаться,
только у ворот его никто не стучится,
а кто к нему ни ходит, и он к нему сам выходит
и там простится и паки в дом возвратится.
А ты бы сам, Савушка, шел да простился, с кем вчера
побранился.

Книжная поэзия XVII — первой трети XVIII века И. М. Катырев-Ростовский (? — ок. 1640) 3. Начало виршем, мятежным вещем

Сих же разумом прочитаем
И слагателя книги сея потом уразумеваем.
Изложена бысть сия летописная книга
О походе чюдовскаго мниха,
Поне же бо он бысть убогий чернец
И возложил на ся царский венец,
Царство великие Росии возмутил
И диадиму царскую на плечах своих носил.
Есть бо то во очию нашу дивно,
Предложим писанием, чтоб во веки незабытно.
И наши приклады в книги сей имаем,
И того в забытии не оставляем.
Тогда бо мятежные времена были,
И славные роды отечества своего отступили.
Мы же сему бывшему делу писание предлагаем

И предидущий род воспоминанием удивляем.
По сем предние строки углядаем
И трудолюбца дела сего познаваем.
Есть же книги сей слагатай
Сын предиреченного князя Михаила роду
Ростовскаго сходатай,
Поне же бо он сам сие существенно видел
И иные его вещи от изящных безприкладно слышел.
Елико чего изыскал,
Толико сего и написал,
Всяк бо что разумеваает
И дела толикие вещи не забывает.
Сие писание в конец преити едва возмогах
И в труде своем никоея ползы обретох.

1626

Монах Герман (?–1682)

4

Ангелскую днесь вси радость,
человеческую сладость,
Приидите, возвеличим
и о дни сем вси услышим.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Сей святой нареченный день,
в он же Христос возврати плен,
Прежде лестию плененный,
ныне же крестом спасенный.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Сына едиnorodного,
отцу сопрестолнаго
И святому духу купно,
пребывающу несмутно.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Воскресшаго днесь от мертвых,
не разрушшаго уз тленных,
Радуйтесь вещавшаго
и печаль всю разрушшаго.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Тем новаго винограда,
елика добрая чада,
Духовно возвеселимся,
агнцем святым учредимся.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Господа славяще ясно,

елико мощно и гласно,
Рай нам ныне отверзшаго,
мертвых всех воскресившего.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Аггелов царя поюще,
на слышание зовуще,
Еже вняти молитвы глас,
свободити отца всех нас.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Иже в житии сем сущих,
его пастырства жаждущих,
Напасти zde избавити,
а онде мук свободити.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

Пастыря и всех пасомых
извести в место питомых,
Со святыми купно быти,
аггелом вечно сожити.
Аллилуия, аллилуия, аллилуия.

<?>

Симеон Полоцкий (1629–1680) 5. Разнствие

Кто есть царь и кто тиран, хочещи ли знати,
Аристотеля книги потщися читати.
Он разнствие обою сие полагает:
царь подданным прибытков ищет и желает,
Тиран паки прижитий всяко ищет себѣ,
о гражданстей ни мало печален потребѣ.

<1678>

6. Частость

Не сила капли камень пробивает,
но яко часто на того падает;
Такo читаяй часто научитя,
аще и не остр умом си родитя.

<1678>

7. Слово

Птицу из клетки скоро мощно испустити,
но труд есть паки в тужде ону возвратити.
Точне без труда слово из уст ся пушает,
но никоим образом воспят ся вращает.
Егда убо хочещи нечто глаголати,

потщися прежде оно умом рассуждати,
Да не како печаль ти велику содеет,
егда в ушесех людских везде ся рассеет.

<1678>

Феофан Прокопович (1681–1736) **8. За Могилою Рябою**

За Могилою Рябою.
над рѣкою Прутовою
было войско в страшном бою.
В день недѣльный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришел турчин многолюдный.
Пошли навстрѣчь козацкия,
пошли полки волоския,
пошли загоны донския.
Легкий воин дѣлав много,
да что был числа малого,
не отнял мѣста лихаго.
Поял то был город близкий,
врагом добрый, бо был niskий,
дал бы на вас пострѣл рѣский.
Пришли на Прут коломутный,
тут же то был бой окрутный,
тут же то был нам час смутный.
Стали рядом уступати,
иншаго мѣста искати,
а не все пропадати.
Скоро померк день недѣльный,
ажно российския силы
на отворот заgrimѣли.
Страшно грѣмят и облаки,
да страшный там Марс жестокий
grimѣл на весь пляц широкий.
Зоря з моря выходила,
ажно поганская сила
в тыль обозу зашумѣла.
Всю ночь стуки, всю ночь крики,
всю ночь огонь превеликий:
во всю ночь там Марс шел дикий.
А скоро ночь уступила,
болшая злость наступила,
вся армата заgrimѣла.
Не малый час там стреляно,
аж не скоро заказано,
«На мир, на мир!» — закричано,
Не судил бог христианства

освободить от поганства,
еще не дал збить поганства.
Магомете, Христов враже,
да что далший час покаже,
кто от чиих рук поляже.

<1711>

9. Плачет пастушок в долгом ненастье

Коли дождусь я весела ведра
и дней красных,
Коли явится милость прещедра
небес ясных?
Ни с каких сторон свѣта не видно, —
все ненастье.
Нѣт и надежды. О многобѣдно
мое щастье!
Хотя ж малую явит отраду
и поманит,
И будто нѣчто полготить стаду,
да обманит.
Дрожу под дубом; а крайним гладом
овцы тают
И уже весма мокротным хладом
исчезают.
Прошел день пятый, а вод дождевных
нѣт отмѣны.
Нѣт же и конца воплей плачевных
и кручины.
Потщися, боже, нас свободити
от печали,
Наши нас дѣды к тебѣ вопити
научали.

<1730>

Антиох Кантемир (1708–1744)

10. Сатира I на хулящих учение К уму своему (Отрывок)

Уме незрелый, плод недолгой науки!
Покойся, не понуждай к перу мои руки:
Не писав летящи дни века проводити
Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти.
Ведут к ней нетрудные в наш век пути многи,
На которых смелые не запнутся ноги;
Всех неприятнее тот, что босы проклали
Девять сестр. Многи на нем силу потеряли,
Не дошед; нужно на нем потеть и томиться,
И в тех трудах всяк тебя как мору чужится,

Смеется, гнушается. Кто над столом гнется,
Пяля на книгу глаза, больших не добьется
Палат, ни расцвеченна мраморами саду;
Овцу не прибавит он к отцовскому стаду.

Правда, в нашем молодом монархе надежда
Всходит музам немала; со стыдом невежда
Бежит его. Аполлин славы в нем защиту
Своей не слабу почул, чтыща свою свиту
Видел его самого, и во всем обильно
Тщится множить жителей парнасских он сильно.
Но та беда: многие в царе похваляют
За страх то, что в подданном дерзко осуждают.

«Расколы и ереси науки суть дети;
Больше врет, кому далось больше разумети;
Приходит в безбожие, кто над книгой тает, —
Критон с четками в руках ворчит и вздыхает,
И просит, свята душа, с горькими слезами
Смотреть, сколь семя наук вредно между нами;
Дети наши, что пред тем, тихи и покорны,
Праотческим шли следом к божией проворны
Службе, с страхом слушая, что сами не знали,
Теперь, к церкви соблазну, библию честь стали;
Толкуют, всему хотят знать повод, причину,
Мало веры подая священному чину;
Потеряли добрый нрав, забыли пить квасу,
Не прибьешь их палкою к соленому мясу;
Уже свечек не кладут, постных дней не знают;
Мирскую в церковных власть руках лишну чают,
Шепча, что тем, что мирской жизни уж отстали,
Поместья и вотчины весьма не пристали».

Силван другую вину наукам находит.
«Учение, — говорит, — нам голод наводит;
Живали мы преж сего, не зная латыне,
Гораздо обильнее, чем мы живем ныне;
Гораздо в невежестве больше хлеба жали;
Переняв чужой язык, свой хлеб потеряли.
Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину,
Ни связи, — должно ль о том тужить дворянину?
Довод, порядок в словах — подлых то есть дело,
Знатным полно подтверждать иль отрицать смело...»

1743

Примечания

1 ТктЗ, народный, восходящий к устной традиции былин, духовного стиха; окончания д с частыми дополнительными ударениями на последнем слоге. **2** Стих демократической сатиры,

восходящий к скоморошьему раёшнику, рифмованный. Зарифмованы только связанные синтаксически пары, рифма только смежная; стихотворной единицей были зарифмованные пары, почему и писали их в одну строку. Рифма может быть неточной и точной.

И. М. Катырев-Ростовский. **3** Досиллабический фразовый стих, рифмованный, стихи соединяются попарно синтаксической связью, рифма только грамматическая. В последнее время авторство И. М. Катырева-Ростовского ставится под сомнение.

Монах Герман. **4** Силлабический 8-сложник. В силлабике XVII в. сохраняется попарная связь стихов, что подчеркнута графически: 2-й стих — с отступом и со строчной буквы. 4-ст из двух смежных пар + рефрен. Рифма грамматическая, преобладает ж, но встречаются м и д. Акrostих: в конце стихотворения начальные буквы (не считая рефрена) составляют фразу: *Герман сие написа*.

Симеон Полоцкий. **5** 13-сложник ц (7 + 6); смежная рифмовка, связь стихов в пары; разноударные рифмы (*себе — потребе*). **6** 11-сложник ц (5 + 6); разноударные рифмы. **7** 13-сложник, ц (7 + 6). Во всех приведенных стихотворениях преобладают ж цезуры и рифмы, но встречаются м и д цезуры, разноударные рифмы.

По изд.: **Полоцкий Симеон.** Избр. соч. М.; Л., 1953.

Феофан Прокопович. **8** Светская тематика. 8-сложник хореизированный; рифмы тройные (AAA), только ж, разноударных у Феофана нет. Как в украинском языке, произносит ь каки (*рифмы близкий, niskий, рьзкий* и т. д.), что встречалось и у Симеона. **9** Чередование 10-сложников ц (5 + 5) и 4-сложников. Первая в XVIII в. перекрестная рифмовка (АБАБ). ь рифмуется с и.

А. Д. Кантемир. **10** 13-сложник (7 + 6), рифмы только ж, (AA), ц только м и д (ср. стихи 4-й и 5-й); в первоначальной редакции (не позже 1831 г.) встречались также и ж. Не приняв реформы Тредиаковского, Кантемир все же упорядочил ударения предцезурные и в рифме. Стих освобожден от синтаксической связи пар, появляются разнородные рифмы (*многои — ноги* и т. п.), внутрстиховые паузы и переносы.

Краткий указатель литературы

Брюсов В. Мой Пушкин. М.; Л., 1929.

Вишневский К. Д. Русская метрика XVIII века. — В кн.: Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972.

Гаспаров М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика. М., 1974.

Жирмунский В. М. Теория стиха. Л., 1975.

Исследования по теории стиха. Сборник статей. Л., 1978.

Ломоносов М. В. Избранные произведения. БП, бс. 2-е изд. М.; Л., 1965.

Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 12. М., 1959.

Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.

Русская советская поэзия и стиховедение. Сборник статей. М., 1969.

Теория стиха. Сборник статей. Л., 1968.

Тимофеев Л. И. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958.

Томашевский Б. В. Стих и язык. Филологические очерки. М.; Л., 1959.

Тредиаковский В. К. Избранные произведения. БП, бс. 2-е изд. М.; Л., 1963.

Холшевников В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. 2-е изд. Л., 1972.

Чуковский К. И. Собр. соч. в 6-ти т. Т. 1, М., 1965.

Штокмар М. П. Рифма Маяковского. М., 1953.

Эйхенбаум Б. М. О поэзии. Л., 1969.

Указатель терминов ^[23] и сокращения

Акrostих [см.>](#)

Акцентный стих — Акц (трехударник, четырехударник... Акц3, Акц4...) [см.>](#)

Александрийский стих — Алдр [см.>](#)

Аллитерация [см.>](#)

Альтернанс — см. [Чередование](#)

Амфибрахий — Амф (2-стопный, 3-стопный и т. д. — Амф2, Амф3 и т. д.) [см.>](#)

Анакруза (анакруса) [см.>](#)

Анапест — Ан (2-стопный, 3-стопный и т. д. — Ан2, Ан3 и т. д.) [см.>](#)

Анафора [см.>](#)

Ассонанс 1) см. [Рифма](#); 2) [см.>](#)

Астрофический стих — астрофич. [см.>](#)

Балладная строфа [см.>](#)

Белые стихи — б [см.>](#)

Бесцезурный стих — бц [см.>](#)

Венок сонетов, венок строф [см.>](#)

Верлибр — см. [Свободный стих](#)

Внеметрическое ударение — см. [Сверхсхемное ударение](#)

Внутристиховые паузы [см.>](#)

Вольная рифмовка — вольн. рифм. [см.>](#)

Вольные стихи — в [см.>](#)

Газель (газела, газелла) [см.>](#)

Гекзаметр (гексаметр) — Гкз [см.>](#)

Гипердактилическая рифма, клаузула (окончание) — гд; (в схеме рифмовки — А", Б", В", ..., Х") [см.>](#)

Говорной стих [см.>](#)

Дактилическая рифма, клаузула (окончание) — д (в схеме рифмовки — А', Б', В', ..., Х') [см.>](#)

Дактиль — Д (2-стопный, 3-стопный и т. д. — Д2, Д3 и т. д.) [см.>](#)

Двусложник с переменной анакрузой (с вариациями анакруз) — Дпа [см.>](#)

Двусложные размеры, двусложники — 2-сл [см.>](#)

Двустиишие, трехстиишие, четверостишие и т. д. — 2-ст, 3-ст, 4-ст [см.>](#)

Дольник — Дк [см.>](#)

Досиллабический стих [см.>](#)

Enjambement — см. [Перенос](#)

Женская рифма, клаузула (окончание) — ж (в схеме рифмовки А, Б, В, ..., Х) [см.>](#)

Звуковые повторы [см.>](#)

Зыбкий метр [см.>](#)

Икт — см. [Сильное место](#) (сильный слог)

Интонация стихотворная [см.>](#)

Интонационно-ритмический период [см.>](#)

Катрен [см.>](#)

Клаузула — см. [Окончание ритмическое](#)

Кольцо строфы, кольцо стихотворения [см.>](#)

Константа ударная [см.>](#)

Лесенка [см.>](#)

Логаэд — Лог [см.>](#)

Магистрал [см.>](#)

Метр [см.>](#)

Метрика [см.>](#)

Модель строфы [см.>](#)

Монометрия [см.>](#)

Монорим [см.>](#)

Моностих [см.>](#)

Мужская рифма, клаузула (окончание) — м (в схеме рифмовки — а, б, в, ..., х) [см.>](#)

Напевный стих [см.>](#)

Народный стих [см.>](#)

Неразделенные строфы. Схемы неразделенных строф даются в скобках, напр., 4-ст (АБАБ)

Нестрофический — см. [Астрофический](#)

Нетождественные строфы — нетожд. [см.>](#)

Нечетные строфы [см.>](#)

Одиночная строфа [см.>](#)

Одическая строфа [см.>](#)

Окончание ритмическое (клаузула) [см.>](#)

Октава [см.>](#)

Онегинская строфа [см.>](#)

Опорный согласный [см.>](#)

Опоясывающая рифмовка — см. [Охватная](#)

Ораторский стих [см.>](#)

Охватная (опоясывающая) рифмовка [см.>](#)

Панторим [СМ.>](#)

Пентаметр — Пент [СМ.>](#)

Пеоны — Пе (пеон первый ПеI, пеон второй ПеII, пеон третий ПеIII, пеон четвертый ПIV) [СМ.>](#)

Перебои (ритмические, строфические) [СМ.>](#)

Перекрестная рифмовка [СМ.>](#)

Переменная анакруза — па [СМ.>](#)

Перенос (enjambement) [СМ.>](#)

Переходная метрическая форма — ПМФ [СМ.>](#)

Песенный стих [СМ.>](#)

Песня [СМ.>](#)

Пиррихий [СМ.>](#)

Подстрочия [СМ.>](#)

Полиметрия, полиметрическая композиция — ПМК [СМ.>](#)

Полиструктура — ПС [СМ.>](#)

Пятисложник — 5-сл [СМ.>](#)

Разговорный стих [СМ.>](#)

Размер [СМ.>](#)

Разностопный (неравностопный) стих — рз (в схемах строфы показывается цифрами количество чередующихся стопностей; 4-ст 5252, 6664 и т. д.) [СМ.>](#)

Редиф [СМ.>](#)

Рефрен [СМ.>](#)

Рифма [СМ.>](#)

ассонанс [СМ.>](#)

банальная [СМ.>](#)

богатая [СМ.>](#)

внутренняя [СМ.>](#)

глагольная [СМ.>](#)

глубокая [СМ.>](#)

грамматическая (суффиксально-флексивная) [СМ.>](#)

диссонанс [СМ.>](#)

каламбурная [СМ.>](#)

корневая [СМ.>](#)

недостаточная [СМ.>](#)

неравносложная [СМ.>](#)

неточная [СМ.>](#)

оригинальная [СМ.>](#)

приблизительная [СМ.>](#)

разнородная [СМ.>](#)

разноударная [СМ.>](#)

составная [СМ.>](#)

суффиксально-флексивная — см. Грамматическая тавтологическая [СМ.>](#)

тематическая [СМ.>](#)

точная [СМ.>](#)

усеченная [СМ.>](#), [СМ.>](#)

эхо [СМ.>](#)

Рифмовка [СМ.>](#)

Романсный стих [СМ.>](#)

Рондель [СМ.>](#)

Рондо [СМ.>](#)

Сверхсхемное ударение [СМ.>](#)

Свободный стих (верлибр) [СМ.>](#)

Секстина (сестина) [СМ.>](#), [СМ.>](#)

Силлабический стих, силлабика [СМ.>](#)

Силлабо-тонический стих, силлабо-тоника [СМ.>](#)

Сильное место (икт. сильный слог) [СМ.>](#)

Синкопа [СМ.>](#)

Синтагма [СМ.>](#)

Скандирование (скандовка) [СМ.>](#)

Слабое место (слабый слог) [СМ.>](#)

Смежная рифмовка [СМ.>](#)

Сонет [СМ.>](#)

Спондей [СМ.>](#)

Стих [СМ.>](#)

Столбик [СМ.>](#)

Стопа [СМ.>](#)

Строфа (чередование рифм обозначается буквами, напр., 4-ст АБАБ. Чередование количества иктов в разноstopном стихе — цифрами, напр., 4-ст 4343) [СМ.>](#)

Строфоид [СМ.>](#)

Стяжение [СМ.>](#)

Тактовик — Ткт [СМ.>](#)

Твердые формы [СМ.>](#)

Терцет [СМ.>](#)

Терцины [СМ.>](#)

Тонический стих [СМ.>](#)

Трехсложник с переменной анакрузой (с вариациями анакруз) — Тпа [СМ.>](#)

Трехсложные размеры, трехсложники — 3-сл [СМ.>](#)

Трибрахий [СМ.>](#)

Триолет [СМ.>](#)

Фоника [СМ.>](#)

Фразовый стих [СМ.>](#)

Холостой стих — х, Х, Х', Х" [СМ.>](#)

Хорей — Х (2-стопный, 3-стопный и т. д. — Х2, Х3 и т. д.) [СМ.>](#)

Цезура — ц [СМ.>](#)

наращенная — цн [см.>](#)

усеченная — цус [см.>](#)

Чередование (альтернанс)

рифм (клаузул, окончаний) [см.>](#)

Экспрессивный ореол размера [см.>](#)

Элегический дистих (элегическое 2-стишие) [см.>](#)

Эпифора — см. [Редиф](#)

Ямб — Я (2-стопный, 3-стопный и т. д. — ЯЗ, Я4 и т. д.) [см.>](#)

Сноски

1

В электронной книге — в фигурных скобках (Прим. верст.).
([обратно](#))

2

Только **в среднем**. Во-первых, в небольшом произведении могут быть значительные отклонения от средних цифр. Во-вторых, у разных поэтов и даже литературных школ могут быть свои ритмические вкусы.

([обратно](#))

3

В схемах и стихотворных цитатах употребляются следующие условные знаки: одна вертикальная черта | — цезура (а в стихотворениях поэтов XX в., дробящих стих на «подстрочия», границы между ними); две черты || — конец стиха; три черты ||| — конец строфы.

([обратно](#))

4

Якобсон Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Берлин, 1923, с. 107.

([обратно](#))

5

«Вена» — ресторан в Петербурге. Veni, vidi, vici (*лат.*) — «Пришел, увидел, победил» — известные слова Юлия Цезаря.

([обратно](#))

6

Этим одним термином обозначают два сходных явления: вид неточной рифмы и повтор гласных звуков.

([обратно](#))

7

Парафраза, парафразис (греч.) — передача чужого текста своими словами. Не следует смешивать с перифразом, перифразисом (эту ошибку допускает даже «Толковый словарь» Д. Н. Ушакова; в «Толковом словаре» В. И. Даля — правильно): стилистической фигурой, заменой названия описанием.

([обратно](#))

8

Вот начало безделки, которая занимала нынешним летом уединенные часы мои. Продолжение остается до другого времени; конца еще нет, — может быть, и не будет. В рассуждении меры скажу, что она совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами.
([обратно](#))

9

Экспромт (фр.).
([обратно](#))

10

Так в некоторых полуденных губерниях России народ называет ласточку. (Прим. автора).
([обратно](#))

11

Это мило. (фр.).
([обратно](#))

12

Они оба любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому. Гейне (нем.).
([обратно](#))

13

Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1939, с. 751.
([обратно](#))

14

Молчание! (лат.).
([обратно](#))

15

Так народ называет пробуждение природы весной. (Прим. автора).
([обратно](#))

16

Мечтанье, грезы (нем.).
([обратно](#))

17

«Истина в вине!» (лат.).
([обратно](#))

18

Тоска явлений (лат.).
([обратно](#))

19

Звездный венец (лат.).
([обратно](#))

20

Три «к» выражают замешательство автора. (Прим. автора).
([обратно](#))

21

Русская эпиграмма. БП, мс. Л., 1958, с. 262.
([обратно](#))

22

Карп, сазан (лат.).
([обратно](#))

23

Даётся ссылка на абзац, в котором термин объясняется. В книге в этих местах указывалась страница, на которой объяснялся термин. (*Прим. верст.*)